

А. Валентинов

ОЛА
Части 1 и 2

Если жертва его есть Всесожжение, пусть принесет ее без порока; пусть приведет ее к дверям скинии собрания, чтобы приобрести ему благоволение пред Господом; и возложит руку свою на голову жертвы Всесожжения – и приобретет он благоволение, во очищение грехов его; священники же принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник; и снимет кожу с жертвы Всесожжения и рассечет ее на части; священники же положат на жертвенник огонь и на огне разложат дрова; и сожжет священник все на жертвеннике.

Это Ола – Всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу.

Книга Левит, 1, 3-9.

МИГЕЛЮ ДЕ СЕРВАНТЕСУ СААВЕДРА

Дон Мигель!

С почтительностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять мою книгу под милостивое свое покровительство, дабы, хоть и лишенная драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просавещенных, дерзнула она под сенью Вашей Милости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества, имеют обыкновение выносить не столько справедливый, сколь суровый приговор. Вы и без клятвы можете поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разумения, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в

моей власти. А когда так, то что же иное мог породить мой ум, если не эту повесть? Случается иной раз, что у кого-нибудь рождается безобразный и нескладный сын, однако же любовь спешит наложить повязку на глаза отца, и он не только не замечает его недостатков, но, напротив того, в самих этих недостатках находит нечто остроумное и привлекательное. Вы же, Ваша Милость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления нижайшей моей преданности.

Надеюсь также, Дон Мигель, вы простите меня за то, что все искренние слова, написанные выше, принадлежат не мне, а именно Вам и взяты и Вашей бессмертной Книги. Свет, зажженный Вами, Ваша Милость, четыре века назад, не погас, и ныне возвращается к Вам же.

Автор

НА КНИГУ “ОЛА”
Урганда неуловимая

Эй, любители фанга (зий!)
Налетайте, книжка вы (шла!)
Про идальго с кабалье (ро,)
Про красоток, про чудо (вищ,)
Про ужасных людое (дов,)
И, конечно, про драко (нов)

Хватит мудрствовать лук (аво,)
И сушить мозги без тол (ку,)
Философий начитав (шись!)
То ли дело, меч взяв слав (ный,)
Долбануть врага по шле (му, –)
Не на игрищах – взаправ (ду,)
Да чтоб звон пошел по ми (ру –)
Этим с вами и займем (ся!)
Мимо замков великан (ских,)
Через чары колдовски (е,)
Поплывем за Море Мра (ка,)
А что там – пока загад (ка,)
Прочитайте – ясно бу (дет.)

Если ты решила, кни (га,)
Путь направить к тем, кто зна (ет,)
Там тебе дурак не ска (жет,)
Что ты пальцы ставишь кри (во.)
Если же тебе приспи (чит)
Даться в руки остоло (пам,)
Так они тебе в два сче (та)
Разлетятся пальцем в не (бо,)
А меж тем все ногти б съе (ли,)
Чтоб явить свою уче (ность.)

Ты, не слушай, друг, эсте (тов –)
Все эстеты – мужелож (цы,)
Лишь себе подобных хва (лят,)
А за что – вполне понят (но.)
Ну, а кто не мужело (жец –)
Прочитай – жалеть не ста (нешь!)
Книжка эта – про пика (ро,)*
Про братка-контрабандис (га)
Да про рыцаря-геро (я,)
Да про юную деви (цу,)
Да про призраков ужас (ных,)
В общем, весь набор в нали (чьи,)
Ночью даже будет снить (ся.)

Ну, кто смелый? Все за мно (ю!)

* Пикаро – особое сословие в средневековой Кастилии, напоминающее воровской “закон”. В числе пикаро были не только преступники, но и бродяги, искатели приключений, даже студенты и монахи.

НАЧО БЛАНКО по прозвищу БЕЛЫЙ ИДАЛЬГО
сонет

Ошибочка! Наш автор пошутил,
Прошу меня назвать совсем иначе.
Я не идальго, просто Белый Начо,
Вовеки в эскудеро* не ходил!

Мне ни к чему дворянской спеси пыл.
А риск смертельный ни к чему тем паче.
Щит на монетах я носить любил.
А если рыцарь был – то лишь Удачи.

Пикаро я, обычной вор морской.
Не рыцарский роман, а плутовской
Строчить про Начо Бланко было б в пору.

Не по плечу мне белый плащ с крестом.
Не жить мне меж молитвой и постом.
Но делать нечего. Спешу я в бой, сеньоры!

* Эскудеро – дословно “щитоносец”, оруженосец при рыцаре. Далее – игра слов: на золотых

монетах был изображен щит (escudo) с королевским гербом.

ДОН САЛАДО

сонет

Кто здесь смешон, так это – только я.
Калека в мятом шлеме, в старых латах,
С рукой сухой (спасибо, не горбатый!),
О ком страна забыла и семья.

Пусть так, пускай нелепа жизнь моя.
Мне ни к чему гнить в каменных палатах,
Дороги камень – он ценнее злата.
И судьями мне Бог лишь – и друзья.

Я вижу то, что прочим не узреть,
Вершу я то, что трусам не посметь.
Пускай смеются, пусть кричат мне: “Враль!”

Всю мудрость, все богатства, все владенья
Не променяю на свои виденья.
И верю, что увижу я Грааль!

ЛИСЕНСИАТ* АЛЕССАНДРО МАРИЯ РОХАС

сонет

Ученый муж, что слова в простоте
Не молвит. И подобно попугаю
Твердит: “Не может быть!” в ответ мечте.
Неужто я таков? Ей-ей не знаю.

Смешная роль – читать *moralite*.
Но автор строг ко мне – и я читаю,
Репейником болтаюсь на хвосте,
Хоть сам и ни черта не понимаю.

Таков удел, увы, печальный мой.
Я резонер, я вовсе не герой.
Толстяк в очках, почти дурак из сказки!

Но – лишь пока. И стану я иным,
Когда подступит Смерть к друзьям моим
И миг настанет всем нам скинуть маски.

* Лицензиат – выпускник университета.

АКАДЕМИКИ ЧЕРТОБЕС, ТИКИ-ТАК И ЛИЗОБЛЮД.
сонет

Роман плохой, его читать не след.
Во-первых, автор путает все факты
Истории. Предмет не знает он –
Ни лошадей, ни лат и ни одежды.

А во-вторых, опять Добро и Зло!
Опять борьба меж ними, понимаешь!
Какая скука! Если б киберпанк!
Драконы в виртуалке – это круто.

А в третьих – ну, не любим мы его!
А кто не люб нам, тот и не писатель.
А посему, кто дочитал доселе,
Захлопни книжку – и о ней забудь!

Когда б еще мы рифмовать умели,

Мы б вам похлеще песенку напели!

ОСЕЛ КУЛО

сонет

Назвали так, что стыдно повторить.
Ну чем я плох? Своей ослиной шкурой?
“Осел! – кричат, – осел!” Бреду понуро.
Ей-богу, впору только слезы лить!

А между тем, повествованья нить
Не рвется, скреплена моей натурой
Ослиною, простой – но трубадурам
Лишь рыцарей положено хвалить.

Таков удел. Нагрузят, как верблюда
И – по ушам! Как только выжил – чудо!
Легко героем слыть, осла кляня!

Но ты, Читатель, рассуди без лести.
Взгляни, чего я стою честь по чести.
Ведь все в романе началось с меня!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЛЕЧНЫЙ ИДАЛЬГО

ЛОА*

* Лоа – песня, исполнявшаяся перед представлением.

Чтоб гулялось веселее,
Чтобы скука не знобила,
Кинем краски вдоль дороги.
Желтый цвет – на Алькудийо,
Поле, мертвое от солнца,
Под бескрайним синим небом.
Красный цвет для гор оставим,
Для утесов Сьерра-Мадре.
И немного еще белый –
Для героя шевелюры
(Что диковинка в Кастилье,
Потому он Начо Бланко),
А чтоб в такт нам ехать было,

Заиграем самакуэку –
Страсть, что смешана с весельем:
Без заботы и без горя.
Что за горе у пикаро?
А забот и быть не может,
Ежли двор есть постоялый,
Где сиесту проведем мы
Под винцо (чуток с кислинкой,
Да другого не достанешь).
Желтый, синий, красный, белый.
Самакуэка!

ХОРНАДА I.*

О том, как я стал богаче на два эскудо** и на одного рыцаря.

* Хорнада (la jornada) – по-испански означает путь, проходимый в течение дня, и акт в пьесе.

** Эскудо – золотая монета. В одном эскудо было тринадцать реалов, в одном реале – тридцать четыре мараведи, в одном мараведи – два бланко. Средний ежедневный заработок ремесленника – тридцать мараведи.

Ну где, скажите на милость, слыхано, чтобы осла – осла! – звали Куло? Осел и без того

– скотина из последних, хуже галисийца, честное слово. Ну, а если его (осла, не галисийца) еще и кличут Задницей!..

Вот и влип. Не осел, конечно. Я влип. Влип, а точнее, застрял аккурат посреди Алькудийских, будь они трижды неладны, полей. Картинка что надо: жарынь, на небе – ни тучки, спрятались поди, на горизонте – три дохлых ветряка, а вокруг – овцы, овцы, овцы, серые такие. И тоже полудохлые от жары. Ну и мы с ослом. Который Куло.

Знал я, знал, что обманет Одноглазый Пепе! Глаз-то один, а как глянет... Я ведь у него честно выиграл, у него “десять” выпало, у меня “одиннадцать”. Так он, мерзавец, вначале отыгаться хотел. В карты, в “королевство”. Ну, я-то в карты не игрок, пусть в них французишки, которые их и выдумали, играют. Кости – другое дело, вот в кости я его и обставил. Честно – на пять серебряных реалов. Ну, а он, Пепе-поганец, как с картами не обломилось, всучил мне осла, вот этого самого Куло. Вместо денег. А мне ехать было самое время, вот я сдуру и согласился, тем более осел вроде как ничего, серый, даже с колокольчиком. Подкованный притом, ровно не осел – мул какой-то.

Ну и влип.

Вначале эта скотина идти не хотела. Ну совсем никак. Ни с вьюком, ни без вьюка. Потом пошла, но не на юг, к Севилье, а на север, не иначе в мою родную Астурию собралась. А когда мы, наконец, как-то поладили – захромала. Подкова, оказывается, у этого Куло на одном гвозде висела.

И вот, пожалуйста: полдень, жара, Алькудийские поля, а впереди – харчевня Молинильо, последнее место во всей северной Андалузии, куда бы мне хотелось заглянуть. Во-первых, винишко там дрянь дрянью. Во-вторых, тамошней ольей* только крыс травить, в-третьих...

* Олья – национальное испанское блюдо, нечто вроде подогретого винегрета.

Ну, да что там! Деваться-то некуда. Только и осталось, что Пепе Одноглазого сердечно помянуть, Задницу этого до ворот дотащить, стреножить, чтобы не похромал, куда не следует...

Уже на крыльце понял – бьют. Да не просто, а от всей души. Визг женский, крики, а перерывах “бух-бух!”, “бух-бух!”. И громко так! Мне даже показалось, что по железу колотят. Вроде как в кузнице. Взялся я за ручку дверную...

– Сеньоры! Ради Господа, сеньоры! Не трогайте его!

Бу-бух!

Ясно! Лупят, и славно лупят. И вроде как действительно по железу. Но не в кузнице, это уж точно. Душевное это местечко – заведение папаша Молинильо!

А как вошел, как огляделся...

– Не трогайте, не трогайте его!

Его – которого лупят, понятное дело. Длинный такой дядька, худой, поперек пола неметеного разлеся, встать пытается. Да где там! Рядом трое, чернобородые, в шароварах цветных, в платках пестрых...

Бу-бух!

Ах вот оно что! Дядька-то в латах. Вот почему я о кузнице подумал! Как они еще ноги себе не отбили? Башмаки, конечно, тяжелые, и подметки деревянные...

– Не трогайте его, сеньоры! Сеньор, сеньор, заступитесь!

Вот и дама! Да не простая, в дорожной маске,* плащ не какой-нибудь, генуэзский, сразу видно. Неужели без слуг? Ага, и слуга имеется, вон он, к стеночке прижался, мешать не хочет...

* Дорожная маска – суконная маска с отверстиями для глаз, служившая для защиты от холода и пыли во время путешествия. Такие маски носили только знатные лица.

Бу-бух!

Служаночка-козочка тоже подальше отошла, глазенками лупает, а папаша Молинильо, само собой, за стойкой, кружки протирает. И не видит ничего, и не слышит...

– Сеньор, сеньор, ради Девы Святой, вмешайтесь, они же его убьют!

Кажется, это мне. Я даже оглядываться не стал. Хватит с меня и Задницы. Мне бы кружку кислятины здешней пропустить, да Куло подковать...

– Сеньор!!!

– Ладно! – вздохнул я. – Эй, парни, вы там прервитесь, мне пройти надо!

Прервались. Прервались – и плохо так на меня посмотрели.

Они – на меня. Я – на них.

Все ясно, гуртовщики из Месты.* И одеты сходно, и плащи-сайяли в углу грудой свалены. Это мне все ясно. А им?

* Места – сообщество скотоводов Кастилии, фактически – мафия. Имела свои вооруженные отряды.

– Тебе что, парень, тоже захотелось?

– Мне? – восхитился я.

Дагу, что у пряжки висит, даже поправлять не стал. Не слепые, заметят. И дагу, и белый платок на голове, и поясок-агухету с бляшками, и серьгу в левом ухе – серебряную.

– А-а, с Берега, что ли? Ну, проходи! Эй, ребята, пошли хлебнем по кружечке!
Заметили! Они, конечно, Места, ну, а мы – Коста.* Тоже не сушеные тараканы.

* Коста – от слова “берег” (costa – исп.). Сообщество кастильских и арагонских контрабандистов.

Звякнуло, грюкнуло. Этот дядька, который в латах, отползти пытался. Поглядел я на него...

– А ему нальем?

– Ему? – хором-басом. – Ему?!

Между тем наш латник умудрился перейти на четвереньки. Плохо это у него получалось. В латах оно не очень удобно, к тому же левая рука...

Всмотрелся я, присвистнул, головой покачал.

– Так он же калека! Вы чего, парни, калек бить начали?

– Видел бы ты этого калеку! – возмущился кто-то, но уже тоном пониже. Отходчивые они, здешние гуртовщики.

Пойло оказалось пойлом, оляя – ольей, парни из Месты – парнями из Месты. Не лучше и не хуже. Зря о них всякое болтают, будто и разбойники, и грабители. Обычные гуртовщики, спокойные даже – если, конечно, ближе чем на лигу* к ним не подходить. Ну, мы-то, ребята с Берега, их не боимся. У нас с Местой вроде как перемирие.

* Сухопутная лига – 4,83 км, морская – 5,6 км.

В общем, выпили по пол-асумбре*, кружками стукнулись ради знакомства.

* Асумбре – чуть меньше литра.

– Начо Бланко к вашим услугам, сеньоры, – сообщил я. – А назовете Бланкито – в ухо дам!*

* Бланко – белый, бланкито – беленький.

– Это который Бланко? – поинтересовался самый бородатый. – Который от Пабло Калабрийца?

Слышали! Тесен мир!

– Так ведь, Начо, или мы сами не видим? Калека он, понятное дело, мы калек и пальцем не трогаем. Так и сидел бы тихо! Мы, значит, зашли, винца спросили, я козе этой, служанке тутошной, леща дал, как водится, а он...

“Он” – тот самый латник. Меч выхватил, заорал...

– И ведь чего, заорал-то? Уйдите, мол, людоеды, от прекрасной инфанты! Мы-то людоеды? Обидно даже! А инфанта... Тьфу, и сказать стыдно. Ну как такого не отделать?

Защитника прекрасных инфант мы усадили на лавку, вручив кружку все той же кислятины. Я почему-то ждал, что дама, которая в маске, к страдальцу тут же подбежит – платочек к синякам прикладывать. Ан нет, вина заказала (не здешнего – неаполитанского) и в сторону отвернулась. Вроде как не интересно ей стало.

...Неаполитанского! Обидно даже. Сколько по Кастилии* нашей да по Арагону ездил, ни разу приличного винца не выпил. Местного, то есть. А все мавры, будь они! Вот и приходится сеньорам важным, у кого золотишко в кошелях позвякивает, неаполитанское пить (нам с Калабрийцем забота!). Говорят, посадили виноградники в Малаге и в Хересе, но когда еще они вырастут! Да и вырастут ли?

* Кастилия – в описываемое время единой Испании не существовало. Кастилией правила королева Изабелла, которая была замужем за Фердинандом, королем Арагона.

Ну, неаполитанское – это для господ. Нам и кислятины хватит.

А между тем сеньоры гуртовщики...

– Да знаю я его, калечного! – это уже другой, тоже бородатый. – Ему башку под Малагой отшибло. Ездит где попало и принцесс с инфантами защищает. А как кто не понравится, словами плохими обзывается. Мол, великан злобный, или как сегодня, людоед. Или там, колдун. Добро бы обзывался, так ведь драться лезет. Железо хватает!

“Железо” – старинный, в пятнах ржавчины меч, мы закинули в угол. Тяжеленный оказался!

Слушать про чудачества этого железногобокого пришлось довольно долго. Мой Куло никак не хотел подковываться, к тому же жара аж через ставни закрытые заползала. Даже здешняя оля показала мне получше тамошнего пекла. Спешить я особо не спешил, осел мой – тем более, так что можно и в холодке посидеть, про борца с великанами послушать.

– Таких, как он, Начо, вообще на цепи держать надо. Идальго странствующий, понимаешь! Да пес с ним, с рыцарем, прости Господи, этим. Ты лучше Расскажи, что у вас там нового на Берегу?

Спросил, называется! Это все равно если бы я поинтересовался, что нового у ихних овец. Стадо сюда, стадо туда, тут волки, там собаки. И у нас, на Берегу, все то же. Тартана с Сицилии, фелюга с Корсики. И волки с собаками, опять же.

Ну, мы люди вежливые, ответим.

В общем, приятная вышла сиеста.

Свой закон есть у пикаро:
Коль живой – живи минутой,
Кто считал, осталось сколько,
Если ходишь ты по краю?
Все – твои! Винишко в кружке,
В миске – оля иль поэля,*
А за стойкою девчонка
В безрукавке, в юбке пестрой,
Не отходит, строит глазки.
Много надо ли живому?
Не откладывай не завтра!
Может, завтра ждет веревка,

Может, зыбкая пучина
Над башкой сомкнется шалой,
Иль тебя вдогон достанет
Мавританская стрела?

* Поэлья – блюдо, напоминающее олью, но с добавлением сыра.

Сквозь ставни раскрытые прохладой вечерней веет, сеньоры гуртовщики только что отклонялись, слуга, тот, что при сеньоре, которая в маске, вещи стал укладывать. Пора и мне. Не ночевать же в здешнем сарае! Как раз по холодку до “Черного петуха” доберусь, а там и винцо получше, и служаночка, хоть и не инфанта, а не в пример смазливее.

– Эй, ты!

Эй, я?

Да-а-авненько ко мне так не обращались! В последний раз в Триане это было, как раз зимой, полгода назад. Тогда одному арагонцу здорово захотелось подраться...

– Тебе говорю. Моя барыня тебя видеть хочет!

Ну конечно! Герой-слуга, тот, что к стеночке прилип, когда парни латника-горемыку обрабатывали. Отлип, выходит?

Поглядел я на него, хотел слово доброе сказать. Не сказал. Из любопытства. И в самом деле, на кой бес я этой, в маске, сдался? Даже интересно.

– Чего сеньора изволит?

Кланяться не стал – спина отчего-то закаменела. Да и то, будь эта барынька годков на двадцать

помоложе...

– Вы... Вы, я вижу, храбрый молодой человек.

И на том спасибо. Теперь и поклониться можно. Слегка.

– Спасибо, что защитили этого... этого сеньора.

Странное дело, она вроде как волнуется? Маска маской, а вот пальцы не скроешь. Платочек, тот, что в руках, вот-вот треснет...

– У меня... У меня к вам просьба. Этот сеньор... Он болен, ему нужно помочь. Вы не взяли бы... Сама я не могу, мне ехать надо. А вы могли бы заработать...

Заработать? Она что, меня за погонщика мулов приняла?

– Я – пикаро, досточтимая сеньора, – пояснил я. – Пикаро, да будет известно вашей милости, не работают.

– Пикаро? Ах да, конечно...

Каждому званию – свой почет. Сеньоре в маске ездить дозволено, а такому, как я...

– Ну... вы могли бы слегка... подработать.

Тут я не выдержал – улыбнулся. Знает! Мы, пикаро, не служим, не работаем. Прирабатываем, если что, перехватываем, где придется – или деньгу сшибаем по-легкому. Работать же – увольте.

Мулы пусть работают!

– Да-да, молодой человек, подработать...

А платочек-то! Бедный платочек! И с чего бы ей так волноваться?

– Я вам заплачу! Два эскудо, золотом. А там, куда вы его отвезете, вам заплатят еще столько же. Это не так далеко, по дороге в Севилью, там живет его дальний родич. Там этому сеньору помогут, ему лекарь хороший нужен, вы же понимаете...

А вот и денежки. И письмецо. Когда только написать успела? На письме – адрес крупными буквами. Это чтобы я, значит, не спутал.

– Вы... вы ему поможете?

Оглянулся я, на героя железногобокого взглянул. Сидит на лавке, где его и посадили, ложку в блюдо с ольей тычет. Бороденка-мочалка вниз свисает, все той же ольей заляпана. Оно, конечно, и помочь можно – за четыре-то эскудо. Тем более мне по пути, крюк совсем небольшой, в полдня всего.

– Вы же понимаете, он как ребенок...

Я кивнул, соглашаясь, и вдруг понял: что-то тут немного не так. То есть, совсем не так. Ну, скажем, пожалела барынька этого бедолагу – бывает. И к месту определить решила, с верным человеком направить, золота не пожалела. Тоже случается, конечно. Но странное дело, за весь разговор ни одного имени не помянула. Ни своего, ни идальго этого ушибленного. Не знает? Тогда откуда ей ведать, где родичи его проживают? И моего не спросила. Да как же так? А может, я первый в округе разбойник-душегуб?

– Так вы согласны?

И снова платочек безвинный терзает! Да с чего ж это ей так волноваться?

Подумал я чуток, на горемыку этого поглядел, снова подумал.

Согласился.

И тут же пожалел. Будто мне одного осла мало!

Поблагодарила барынька, платочек спрятала, слуге своему наглому кивнула.

И нет ее! Растворилась словно.

И остались мы с бедолагой идальго вдвоем. Это, конечно, если папашу Молинильо не считать, но он и за шкаф посудный сойти может.

Поглядел я на свои эскудо, в руке взвесил, даже на зуб попробовал...

Вот уж не знаешь, где счастье найдешь!

Два эскудо – деньги. И немалые – двадцать шесть реалов, а в мараведи если – то вообще, бесова уйма. Где-то столько мне причитается с каждого плавания – ежели серые волки под латинским парусом не нагонят, конечно. Это мне причитается, я ведь у Калабрийца правая рука, другим же и по полудюжине реалов за глаза хватит. Так что, считай, к Корсике на фелюге сходил. Вот если бы к золоту еще герой благородный не прилагался...

Поглядел я в окошко – пора. До “Черного петуха” еще ехать и ехать.

– Ваша милость! А, ваша милость?

Услышал? Услышал, вроде. Бороденкой свой заляпанной качнул, пустую миску на лавку поставил.

– Увы мне, увы!

И вздохнул. Грустно так, жалобно. Даже меня проняло.

– Ехать надо, ваша милость!

– Увы... Вновь не по силам мне оказался подвиг. Поистине тяжек путь странствующего идальго! Однако же мужество поистине преодолагает все препятствия, о чем засвидетельствовал жизнью своею благородный сеньор Ланчелоте, справедливо прославивший первым рыцарем всех времен...

Слушать дальше я не стал. Кликнул служанку, сунул ей медяк, и принялись мы сеньора рыцаря в путь собирать. Меч-то я сразу нашел, а вот за шлемом пришлось за стойку лезть. Шлем тоже старым оказался, мятым, словно топтались по нему – да еще и французским. Смех, а не шлем! Такие лет сорок тому носили, а то и все полвека. Я понадеялся было, что это все, да где там! Ко всему еще полагалось копьё – тяжелое, с треснувшим древком. Оно все это время в углу простояло, я его даже не заметил – за оглоблю принял. Взаяся я за это копьёцо – и тут же занозу в ладонь вогнал.

А когда я узнал, что у сеньора рыцаря имеется еще и конь, то только вздохнул. Если латы таковы, то коняга, не иначе, самой Бабьеке* бабушка двоюродная.

* Бабьека – любимый конь Сида Компеадора (XII век).

Как выяснилось – нет. Приличный конек оказался. Упряжь, правда, чуть ли не из мочалы, а так – ничего. Во всяком случае, если и старше меня, то не намного. Только маленький очень. Сеньор рыцарь даром что тощий, зато длинный, с собственное копьё ростом – брас с четвертью, не меньше.* Ну, ничего, сюда приехал, значит и отсюда сподобится.

* Брас – 1, 57 м.

Ну, все? Кажется, все!

– Ваша милость, пора!

И снова вздох – такой же тяжкий. Борода-мочалка дрогнула.

– Стоит ли тебе, о юный эскудеро, пускаться в столь опасное странствие? Поверь, я не сомневаюсь в твоей смелости и честности, однако же путь странствующего рыцаря поистине труден...

Я невольно оглянулся, пытаюсь найти того, кому предназначена эта тирада. Не нашел. Оставалось признать очевидное: юный эскудеро – это я.

– А посему мой долг предупредить тебя, о отважный оруженосец...

Слушать дальше не стоило. Я не без труда приподнял благородного идадьго за плечи...

– ...Что путь мой отмечен не столько славою, сколько горестями, кои нет у меня делить охоты с теми, кто не принимал обета странствия.

На двор я его все-таки выволок. И даже на коня взгромоздил. Служаночка тем временем копьё подтащила, я ее за ухо потрепал. А вот и мой Куло. Отдохнул, Задница, аж бока залоснились!

Все из-за тебя, зараза!

Ну, едем?

– Однако же ежели ты и вправду решился разделить со мною и все трудности, и славу...

Едем!

Договорил он уже за воротами. Что именно – я даже и не понял. Что-то про того самого сеньора Ланчелоте. Чем-то ему это сеньор ко двору пришелся. Не иначе, родич.

Оглянулся я, вздохнул. Хорошо! Отдохнул, жару переждал, за поясом золотишко позвякивает. Если бы еще не этот...

Ладно, раз уж так выпало!

– Меня Начо кличут, ваша милость. Начо Бланко, а еще Начо Астурийцем.

Вначале показалось – не понял. Задумался, шлем свой мятый-давленный поправил.

– Поистине, Начо, Астурия – земля истинных идальго! И горд я тем, что предки мои – тоже оттуда, из славного города Овьедо...

Поглядел я на него – уже совсем по-другому. То-то мастью он такой светлый, почти как я! Астурийца узнать легко. Меня ведь потому Бланко прозвали – Белым, то есть.

– Сам же я родом из Эстремадуры, из селения Охоно, что возле берега славной реки Тахо. Зовут же меня Алонсо Торибио-и-Ампузэро-и-Кихада...

Я чуть не подавился. Это что, мне все запоминать придется?

– ...Однако же с недавнего времени принял я имя Дон Саладо, как и надлежит странствующему рыцарю...

Я покосился на его шлем. Дон Саладо! Хорошо еще, не Дон Сомбреро!*

* В данном случае “сомбреро” (sombbrero – исп.) – не сомбреро, а просто шляпа.

В общем, познакомились!

Так и ехали мы рядом,
Я да он, да конь впридачу,
Да осел паскудный Куло.
Рвался к подвигам мой рыцарь,
Погонял конька-беднягу.
Мой осел спешил к кормушке
Я один не торопился.
Я не рыцарь, я – пикаро,
Мне спешить – так только к плахе.
Прожит день – и слава Богу.
(А срубил деньгу – тем паче!).
Всех монет не переловишь,
Но за пригоршню эскудо
Можно стать и эскудеро.
А что дальше – жизнь покажет.

ХОРНАДА II.

О том, как мы бросили вызов нескольким злобным великанам.

– Великаны же из них всех поистине наиболее зловредны! – уверенно заключил Дон Саладо, тыча в горячее небо длинным костлявым пальцем. – Однако же, Начо, колдуны тоже весьма и весьма опасны. Но – по-иному.

– Вам виднее, рыцарь, – вздохнул я, дожевывая последний кус ветчины. – Кто бы спорил, я не стану.

И действительно, спорить с доблестным идальго оказалось совершенно бессмысленно. Это я понял быстро. Как и многое другое.

– Есть еще вино, сеньор, – напомнил я. – Неаполитанское “греко”. Вы бы глотнули – жарко!

Жарко! Это еще слабо сказано. Хорошо еще, мы наткнулись на эти деревья, каким-то чудом выросшие прямоком у дороги. Какой-никакой, а тенек, значит, и перекусить можно. И выпить.

На “греко” это я его раскрутил еще в “Черном петухе” (чем я барыньки хуже?). Двадцать мараведи за кувшин – помереть можно! Тем более, моему идальго, кажется, было совершенно все равно, что есть и что пить. Ему все равно, но мне-то нет. Оно конечно, но двадцать мараведи! Тем более, чуть ли не последние его мараведи.

Щедр оказался борец с великанами. И добр. И даже покладист – в некоторых вопросах. А вот во всем остальном...

– И пусть не говорят, Начо, что странствующие рыцари безрассудны, – между тем продолжил он, отхлебнув из кувшина и явно не почувствовав вкуса (а зря!). – Это совсем не так. И пусть не удивляет тебя, что я принимаю отнюдь не каждый вызов...

Я чуть не поперхнулся. Отнюдь не каждый! Ну, знаете!

Первым, кто бросил вызов славному идальго – почти сразу же за воротами заведения папаши Молинильо – была отара овец. Даже без пастуха, не иначе не проснулся еще, лежебока, после сиесты. Мирные такие овцы, разве что от жары слегка очумелые. Так это для меня они мирные. Не успел я опомниться, а копьё у Дона Саладо уже наперевес, глаза огнем горят-пылают. Миг – и с воплем “Святой Яго! Рази Испания!” (бедный мой Куло от страха ветры пустил) славный идальго ринулся сокращать местное поголовье.

Ну, остановил я его. Ну, отобрал копьё.

За овцами последовала телега с какими-то сонными поселянами, за телегой – стая ворон...

В общем, вовремя барынька эта, которая в маске, меня в няньки наняла. А то не доехать бы моему Дону Саладо даже до “Черного петуха”. Вороны-то его, может, и не заклевали бы...

...То есть, не вороны, конечно! Это для меня, доблестей рыцарских не понимающего, они – вороны. А на самом деле – гарпии. Это, значит, тоже птички, только с клювами стальными и с перьями вроде арбалетных болтов. И овцы – не овцы, а огромная толпа ведем, что на шабаш собрались. А телега оказалась то ли драконом трехглавым, то ли тремя драконами сразу.

(Телега-то ладно! Сегодня утром доблестный идальго все порывался к ветряной мельнице свернуть. Плохо так на нее посматривал. Ну, туда я его не пустил. Еще не хватало!)

А уж когда мы к “Черному петуху” подъехали!.. Ну, это разговор отдельный. Хорошо еще догадался я в этот “великанский замок” на разведку напроситься – напрямик в стан вражий. Хоть предупредить успел, чтоб народ не слишком нашему явлению удивлялся. А как меня после этого мой рыцарь хвалить начал! Мол, герой, не побоялся в самое великанье логово наведаться.

Да-а-а, боком мне мои эскудо выйдут! То есть, уже выходят. Особенно ежели...

– ...Особенно ежели, Начо, опасность грозит прекрасной даме или же ребенку. И вот тут рыцарь должен быть непреклонен! Что раны, что смерть? Это и отличает истинного идальго от

презренного ландскнехта-наемника, который продает свою кровь за горсть серебра.

...От меня, значит.

– Увы, Золотой Век давно позади, Начо! Минули времена доблестного короля Артуро, великого рыцаря Ланчелоте и славного Сиды Компеадора! Видят мои глаза закат, и я молю Господа, дабы не узреть мне черную ночь!

Я бы поспорил, конечно – насчет Золотого Века. Это у нас в Кастилии он минул, а в Арагоне – в самом цвете. То-то тамошние поселяне всех этих Ланчелоте так и норовят на вилы поднять. А случается – и поднимают.

Поспорил бы – но не стал. Уж больно рыцарь показался мне хорош. Глаза сверкают, борода-мочалка торчком, усы, тонкие, с легкой проседью – и те дыбом встали.

Орел!

Копье я ему все-таки не отдал – объяснил, что эскудеро, мне то есть, его носить положено. Я бы и меч отобрал – подальше от греха, – но тут уж точно бы не вышло. Так и поехали дальше: я с копьем (ну и видок же у меня со стороны!) и славный идальго Дон Саладо – налегке. Не спеша поехали. Мой рыцарь-то в седле скверно держался – калека, да и видел плохо – шагов на двадцать вперед, не больше. А у меня свой расклад имелся. Очень не хотелось дуриком через некий городок проезжать. Городок-то ничего, а вот алькальд* тамошний меня слишком хорошо знает. Повесить – не повесит, но...

* Алькальд – глава городского управления и одновременно – судья.

...Но зачем мне лишние расспросы? Если даже те бородачи в харчевне знают про Пабло Калабрийца! И про меня, раба божьего, слышали. Так что с королевской стражей (да и со Святой Эрмандадой тоже*) лишний раз встречаться резону нет, особенно ежели золото при поясе, и этот чудило в латах рядом.

* Святая Эрмандада – первоначально муниципальная милиция, подчинялась лично королеве, затем – нечто вроде спецназа. В описываемое время Эрмандада выполняла также поручения Святейшей Инквизиции.

В общем, у Черного Распятия свернули мы налево, на Старый Тракт (его еще Пыльным называют). Кажется, мой рыцарь этого даже не заметил. Да и заметить трудно – что Старый Тракт, что Новый – оба пыльные. А вокруг все то же – овцы, мельницы, полудохлые деревца на холмах...

Так и едем. Так и болтаем. То есть это сеньор Саладо болтает, а я слушаю. Или не слушаю – киваю просто. Да и что слушать? Про великанов да драконов – надоело, а с остальным – ясность полная. Воевал Дон Саладо (тогда еще, конечно, дон Алонсо Торибио-и-Ампузэро-и-Кихада) с маврами, с двенадцати лет воевал, еще при старом короле Хуане, что нынешней королеве дедом приходился, в седло сел. И – довоевался. Брал Малагу (аккурат десять лет назад это было), и надо же такому случиться – бомбарда разорвалась. Не вражеская – своя. Всех вокруг переубивало-перекалечило, и моему рыцарю досталось. Руку перебило – высохла рука, глаза опять же, а главное – башка. Отвезли его домой в Эстремадуру, выхаживали долго – да все без толку. С тех пор у него одни великаны с драконами на уме – то есть, конечно, на том, что от его ума осталось. Все эти годы семья его взаперти держала, а вот недавно – вырвался.

Вот так! И ведь жалко дядьку. Настоящий рыцарь, что ни говори, из тех, которые Кастилию нашу от мавров черномазых освободили. Не то, что нынешние щеголи в итальянских шелках-бархатах (те самые шелка-бархаты, что мы с Калабрийцем на фелюгах привозим – выгодное дельце!).

Одно любопытно – отчего эта барынька в маске не велела мне славного идальго прямоком домой доставить? Далеко, конечно, но ежели бы мне один эскудо прибавили...

Да, интересно!

Под вечер дорога перестала мне нравиться. Не то, чтобы совсем, но все-таки перестала. Я ведь и бывал здесь всего пару раз, и то не сам, а с ребятами Калабрийца. Когда толпой-гопой едешь, многого не замечаешь. А тут...

Прежде всего сгинули овцы. Даже непривычно как-то стало. Вроде и дорога не хуже, и ручьи встречаются... Значит, парни из Месты сюда не суются. Или не по дороге им? Так ведь, вроде, им всюду в Кастилии путь открыт, захотят – через Вальядолид стада свои прогонят!

В общем, неуютно как-то стало. А как в селеньице одно заехали – так и вообще. Селеньице-то обычное, но народ уж больно странноватый. Ни харчевни, ни постоялого двора, ворота на запоре, на окнах – ставни закрытые. И хоть бы кто в нашу сторону поглядел! Может, оно и к лучшему, потому как рожи... Ой, рожи!

И тут я вспомнил – мавры! Самые их места тут. С большой дороги ушли, а здесь остались. Правда, не мавры уже – мориски,* даже церковь выстроили (ну, точно мечеть, правда, с крестом), но все равно с моей астурийской шевелюрой сюда лучше не соваться.

* Мориски – крещенные мавры.

Да, заехали! О том, чтобы тут заночевать, понятное дело, и думать не стоило. Правда, за горкой, как я помнил, постоялый двор имеется, но до него еще добраться нужно. А ведь уже вечер! Куло, даром что Задница, приуныл, уши свои серые развесил, конек-недоросток тоже еле ноги передвигает. Поглядел я на моего рыцаря...

– Гложет меня сомнение, Начо! Ибо места сии словно созданы для засады злобных колдунов, особенно же – великанов...

Я даже спорить не стал. Горка, что перед нами – самая распаршивая. На вершине не лес – бурелом пополам с кустарником, к самой дороге подступает.

– Хоть и не верю я в предчувствия, равно как в гадание и прочую ворожбу...

– Не верите? – поразился я. – Как же так, рыцарь? В великанов – верите, в колдунов – верите?

Спросил – а сам дагу поудобнее на поясе пристроил, чтобы рукоять сама в ладонь легла. Дага – это хорошо, но вот копьё! Куда мне его девать, ежели что случится? И тут послышалось что-то странное. Вначале подумал – дерево треснуло, затем – у Куло моего в брюхе заурчало. А после понял – это Дон Саладо смеяться изволил. От удивления я даже о дороге на какой-то миг позабыл.

– Ах, Начо! Поистине, даже самые лучшие из нынешних юношей – слепы! И я бы не верил в этих страшилищ и злодеев, ежели бы не зрел их своими собственными глазами. И хоть слабо я вижу ныне...

Хотел я вновь его перебить, присоветовать, дабы рыцарь благородный в ближайшем городишке окуляры у аптекаря заказал и не мучался – но не стал. Успею еще. В здешних местах аптекарей нет.

– ...Однако же смело могу сказать, что чудища сии и вправду существуют, ибо могу я не токмо видеть, но и слышать их, равно как осязать и даже, увы, вдыхать их мерзкое зловоние. Посему, логике следуя, надлежит мне признать их злодейское существование. Гадание же и ворожба – суеверия суть,

и верить в них не велит Святая Католическая Церковь!

При этих словах Дон Саладо рискнул отпустить поводья, дабы осенить себя крестом. Я замер – этак и с седла брякнется, поднимай потом! Не брякнулся. Перекрестился. Я перевел дух.

– Даже в цыганские не верите? – не отставал я. – В смысле гадания?

Спросил, а сам вновь на дорогу взглянул. Мы уже на горку подниматься начали, кусты да коряги к самым ослиным копытам подползать стали...

– Или нагадали тебе что, Начо?

Смутился я. Смутился – впервые за последние полгода. Иди даже за год. Скривился, рукой махнул.

– Вроде того, сеньор. Я еще маленький был. Нагадала мне цыганка две вещи. Первое – будто бы принцем стану. Только вы не смейтесь, Дон Саладо!

– Отнюдь! – бодро отвечивал рыцарь. – Отчего же смеяться, Начо? Ты молод, у тебя все впереди, отчего же не стать тебе принцем? Я же обещаю, что как только прославлюсь и одержу великую победу, то сделаю тебя для начала аделантадо* какого-нибудь острова...

* Аделантадо – губернатор.

– Только не Сицилии, – вздохнул я, сообразив, что зря разоткровенничался. И перед кем?

– Отчего же не Сицилии? – бодро спросил бесстрашный идальго, но тут же прервал себя.

– Начо!

Позвал он меня уже шепотом. Костлявая рука указывала куда-то вперед. Вперед – и чуть в

сторону.

Я поглядел – и помянул дьявола вкупе с ослиной задницей. Птицы! Взлетели веером, над буреломом этим поганым кружат...

На дорогу смотреть надо было, дурак болтливый!

– Великаны! – в шепоте Дон Саладо послышалось нечто вроде удовлетворения. – Сейчас ты увидишь, Начо, что чувства мои и на этот раз не подвели меня...

Я уже не слушал – ни про чувства, ни про великанов. Влипли! И место какое – самое, что ни на есть убойное! Слезть с осла? А копьё? Бросить?

ТЬфу ты!

Я еще успел заметить, как мой рыцарь, изрядно качнувшись в седле, здоровой рукой взялся за рукоять своей железяки, прежде чем...

– ...А ну, слазь с седел! Приехали, сеньоры!

Слева, справа, спереди, сзади... Дюжина? Больше! На плечах – сайяли мехом вверх, на башках нечесаных – шапки чуть ли не из овчины. А рожи-то, рожи! Зна-а-комые рожи! Не из того ли селеньица, что внизу осталось?

– Слазь, говорю!

Вот это здешних разбойничков и губит – желание поболтать. Или покрасоваться – что одно и то же. Я бы в этих кустах сидел – так у меня и ветка бы не хрустнула, и птица не шелохнулась, и языком трепать бы не стал. Вот месяц назад, как раз на этой самой Сицилии...

– Поживее, поживее, кастильские свиньи! Первое дело – кошелю кидайте, а там уж поглядим!

Посмотрел я на разбойничков – и почему-то успокоился. Ни луков у мордачей этих, ни мечей. Даже кинжалов приличных нет. Только дубины – да ножи. Кухонные.

Козопасы!

(А за “кастильскую свинью” можно и пырой в брюхо получить, мориски драные!)

– Не соблаговолите ли, любезные сеньоры великаны, точнее изъяснить ваши намерения? Вроде бы мне и привыкнуть пора, а все равно не выдержал – рот раскрыл. Вернее, он сам собой растворился – рот. “Любезные сеньоры великаны”! Ну сказанул, дядька!

– Че-че-чего?

Кажется, не у одного меня со ртом неувязка вышла!

– Дело в том, сеньоры, – как ни в чем не бывало продолжал доблестный идалго, – что мы с моим эскудеро, благородным юношей Игнасио,* прозываемым Бланко, изволим мирно путешествовать, отнюдь ваших великаньих владений не тревожа и добра не трогая...

* “Начо” – сокращенная форма имени “Игнасио”.

Ну надо же! “Игнасио”! Мне даже понравилось.

– Однако же, коли вы из племени великанов злых, до добра чужого жадных, то не будь я благородный идалго Алонсо Торибио-и-Ампузэро-и-Кихада...

Главного я уже успел приметить – именно он про “кастильских свиней” помянул. И не зря! На башке – не шапка козья – тюрбан! Навидался я таких в Гранаде! И в Алжире навидался.

А что болтают – славно! Пусть болтают.

Пока!

– ...прозываемый ныне Доном Саладо, то не избежите вы доброй трепки. А посему вызываю я вас на славный бой!..

Болтайте, болтайте! А я пока считалочку вспомню. Старая такая считалочка, глупая: “Ты гуляй, гуляй, дубье! Разбегайся прочь, ворье! Первый – раз, второй – погас...”

– Бей! Бей кастильцев! Бей неверных собак!
Опомнились!
Бей – значит бей!
Бьем! Гуляй, дубье!

Завертелось, засвистело,
Заорало, закружилось,
Эх, гуляй, гуляй, пикаро!
Жалко, музыки не слышно.
Хорошо под кастаньеты
Проломить башку дурную!
Бей налево, бей направо!
Ты не сам придумал это –
Или враг откинёт ноги,
Или сам лежать здесь будешь!
А убьют – что за досада?
Над пикаро не заплачут,
Но и сам не стану плакать,
Если выжить доведется!

Эх, опоздал! В жизни с копьём этим дурацким не обращался. Хотел древком навернуть...
“Ты гуляй, гуляй, дубье!”

...прямоком по тюрбану наглому. Нет тюрбана! По шапке, что рядом... Ах, ты!
...нет шапки!

Ну, по следующему уже не промажу! Есть! “Первый – раз!..” Странное дело, когда дерусь – ни черта не слышу. Вот и сейчас – вроде бы орут, пасти свои грязные раззявливают с клыками желтыми...

“Второй – погас!..”

Кстати, как там мой рыцарь? Как бы не убили! Жив? Ой! Ай! Дьявол! Таки попали, по плечу, правда, но все же!..

“Ну, а третьему мы...” А где, кстати, третий? Третий где? Тот, кому мы, понятное дело, в глаз. Оглянулся.

Копьем – древком стоеросовым – на всякий случай в воздухе махнул – аж просвистело... Нет, третьего! И четвертого, кстати, тоже.

Неужели все?

– Ты славно обращаешься с копьем, Начо, – одобрительно молвил Дон Саладо, невозмутимо вкладывая в ножны свою железяку. – Однако же в следующий раз советовал бы я тебе повернуть его иным концом, именно же острием...

Фу ты!

В кустах – шорох, на дороге мы с рыцарем, да конек с моим Куло, да пара башмаков деревянных вкупе с шапкой. Плечо ноет... Кровь? Нету крови, и на том спасибо. Ни на плече, ни на дороге... Да где же все? Этих ублюдков с дюжину ведь было, а я даже дагу не вынул...

– Они чего, убежали?

Ляпнул, не подумав. Потом, естественно задумался. Задумался, а после – изумился.

– Сеньор, это вы... вы их прогнали?

Теперь удивился он. Удивился, глазами своими подслеповатыми моргнул.

– Неужели ты хотел бы, Начо, пролить кровь этих бездельников? Поверь, навидался я великанов, и скажу, что эти – из распоследних. Посему и бил я их, как и должно – плашмя. Хоть и надел их предводитель стальные латы...

Латы? Это он что, о тюрбане?

Латы?!

Кто это хохочет? Неужели я? Действительно, обхохотаться можно. Сухорукий калека с допотопным мечом в дурацком шлеме! А я думал, этого дядьку на помочах водить придется!..

– Поистине, рыцарь, вы совершили изрядный подвиг! – отдышавшись, заметил я. – А этот... предводитель, который в стальных латах?

– Унесен был, – удовлетворенно кивнул Дон Саладо. – Под руки унесен двумя чудищами...

...А жаль! Мне бы с этим тюрбаном поговорить. И не только мне!

– ...И вновь повторю – не спасли его латы стальные дамасского закала, хоть и исцербил я о них свой славный меч...

– Покажите! – не выдержал я.

Кажется, самое время начинать лечение. Раз уж мой рыцарь столь ценит логику... Глазами не увидит, так пальцем пощупает!

Протянул он мне меч (ой, старый! ой, ржавый!), взял я железяку эту. Взглянул.

Глаза протер.

Снова взглянул...

Что за диво? Слом на стали,
Словно били по железу.
Свежий слом – никак не спутать,

Ищербилась железяка!
Я стоял, глазам не веря,
И все пальцем в нее тыкал.
Или был тюрбан железный?
Иль под ним башка стальная?
Или это просто – случай?
Так ведь не было железа –
Только шапки и дубины!
Так стоял я, дурень дурнем,
Не решаясь слово молвить.
Заревел тут мерзкий Куло –
Не иначе – рассмеялся!

ХОРНАДА III.

О том как мы с доблестным идальго участвовали в одном высокоученем диспуте.

– И что же еще тебе предсказала она цыганка, Начо? – спросил Дон Саладо, удовлетворенно отодвигая в сторону пустую миску.

Надо же, не забыл!

Я свою похлебку давно уже проглотил и хлеб дожевал, и теперь от нечего делать обзирал старый ржавый щит, висевший возле окошка. Ну и рухлядь! Как раз для моего рыцаря.

– Цыганка эта, сеньор, велела мне опасаться Святой Клары, потому как именно от нее мне смерть приключится.

– Гм-м...

Как хорошо, когда вокруг ни единой мавританской рожи! Все здесь свои, все добрые кастильцы. На первый взгляд, во всяком случае.

Здесь – это на постоялом дворе “Император Трапезундский”. Я не ошибся – аккурат за горочкой распаскудной, где на нас напали, двор этот находится. То есть для меня – постоянный двор, для Дона Саладо же, понятное дело, замок. Хорошо еще, не великанский! Замок, не замок, но тут уж точно – не мавры обитают. Не мавры, не мориски, не мудэхары, не эльчи.* Не суются они сюда. И хвала Деве Святой!

* Мудэхары – кастильские мавры, эльчи – арагонские.

Про мавров (они же – злобные великаны) я прямо с порога здешнего хозяина расспросил. Он даже не удивился, а ежели и удивился, то тому, как это мы с моим идальго живыми сюда добрались. Гиблые там места, за горой. Сплошные мориски, Магомету своему паршивому чуть не в открытую поклоняются, а тех, кто мимо проезжает – в ножи. За последний год аж семеро пропало. И купцы, и просто народ бродячий, вроде нас.

Послушал я, головой покачал, перекрестился даже. А потом и удивился – слегка. Ежели мы с Доном Саладо дюжину этих душегубов разогнали, то чем другие хуже? Купцы-то без охраны не ездят, даже самые захудалые.

А похлебка тут хороша! Только у мяса вкус какой-то сладковатый.

– Однако же, Начо, – молвил рыцарь после долгого раздумья, – сдается мне, что предсказание сие не должно тебя тревожить. Не говорю уже о том, что Святая Клара никому еще не приносила зла да и принести не может, какова цена сиим пророчествам? Маги и ворожей редко говорят правду, ибо королем у них сам Отец Лжи, коего называть мы тут поостережемся.

Я пожал плечами, а самому стыдно стало. Не то, чтобы я в это все поверил, но с тех пор ни в одну церковь Санта-Клары не заходил. Вот, наверное, обижается она на меня!

А насчет этих самых магов и ворожей...

– А я слышал другое, рыцарь. Того, кого вы называть не захотели, вообще не следует опасаться. Ведь Господь всесилен, так? Кто же против него бороться сможет? Между прочим, в старых книжках, где ад описан, сказано, что этот самый, кого мы не называем, лежит на самом доньшке в цепях, а его с боков огнем подпаливают. Это сейчас попы стали нас Им пугать – чтобы мы церкви десятину платить не забывали.

– Помилуй, Начо! – борода-мочалка недоуменно дернулась. – Кто мог рассказать тебе такое?

И действительно, кто? Зря я об этом заговорил. И с кем?

– Один... один священник. Падре Рикардо его звали. Я как из дому ушел, в Севилью попал. Мне и семи лет тогда не было. Так он, священник этот, не дал мне с голодухи сгинуть. Даже читать выучил...

– Достойный, видать, человек, – кивнул Дон Саладо. – Однако же, взгляды его...

– Да... Взгляды... – вздохнул я. – Это вы в самую точку попали, рыцарь. Точнее не бывает.

Не люблю об этом вспоминать. О чем угодно – только не об этом!

– Может, стоит спросить у здешнего хозяина вина? – поинтересовался мой идальго. – Потому как вид у тебя, Начо, стал уж больно невеселый!

Ну, разве что вина...

Вино мы потребляли в доброй компании. Повезло – сюда, к Трапезундскому Императору, нечасто гости заглядывают – опять же из-за этих самых морисков. В этот же вечер народу собралось немало. В углу двое купчиков, из тех, что вразнос торгуют, у окошка, прямо под щитом ржавым – широкоплечий молодец в красной рубахе, а за соседним столом – толстячок в темном балахоне. Ну, и сам хозяин, так сказать, сеньор Трапезундский.

А еще служаночка. Чернявая такая – точь-в-точь цыганка. Поглядел я на нее...

Да-а-а... И чего это мне, белому, такие цыганочки всегда нравятся?

Вот она нам вина и принесла. Я нарочно по полкружки заказал, чтобы вновь ее подозвать.

Глядел я, понятное дело, не только на нее. Любопытство, конечно, грех, и грех изрядный, но чего еще делать, когда целый вечер впереди? Тем более, если не пялиться, а потихоньку, полегоньку...

С купчиками – полная ясность. Ни на кого не смотрят, руки на поясах, к деньгам поближе. Шушукуются, тихо так. Ну и пусть себе. А тот, что в рубахе красной – ну чистый мясник! Ручищи – каждая с бычьей голяшку, а глаза...

Странные глаза! Или это свечной огонь в них отсвечивает? Страшновато даже! А так – парень как парень.

Хозяин... Да все они одинаковые, эти трактирщики! А вот толстячок в балахоне... Так-так...

– А не спросить ли нам у хозяина, Начо, чей это славный щит украшает зал этого замка?

– А?!

Фу, ты, задумался! И действительно, отчего не спросить?

– Щит этот, любезные сеньоры, не простой щит, скажу я вам. Ибо принадлежал он не кому-нибудь, а самому императору Трапезундскому сеньору Мануэле, коий как раз двести лет тому изгнан был турками из своих земель, после чего отправился в нашу Кастилию, дабы помочь добрым христианам в борьбе со злокозненными маврами...

Хозяин прямо-таки светился от довольства. Кажется, он только и ждал этого вопроса. И то, зря, что ли, щит повесил?

– Предок же мой служил в его отряде. И, скажу я вам, не последним был он бойцом! И вот после злой сечи сеньор Мануэле пожаловал сей щит пращурю моему. Я же, сей постоянный двор приобретаю, повесил реликвию эту, дабы все могли узреть память о давней славе.

Я покосился на Дона Саладо. Тот даже рот раскрыл, да так, что борода в кружку с вином влезла. Ну еще бы!

Слушали, конечно, не только мы. Даже купчики шушукаться перестали. Лишь парень в красной рубахе и ухом не вел. Все так же сидел, ружищи на груди сложил, а в глазах – огоньки свечные.

– А посему, любезные сеньоры, – закончил хозяин, – давайте выпьем за всех славных рыцарей, что в нашей Кастилии жили и сейчас живут. За их доблесть да за их подвиги!

Ну кто же за такое пить откажется?

Подбежала служаночка-цыганочка, в кружки вина плеснула. Подмигнул я ей, она – мне...

Выпили!

– Однако же странно, сеньор хозяин. Не обманули ли вас с этим щитом?

Кто это сказал? Толстячок? Точно, он!

– Извольте взглянуть, сеньоры!..

Встал – чуть скамью не опрокинул, к щиту прокосолапил. А это что из-под балахона вирает? Никак кинжал носим? Дрянь, конечно, ножичек... Кто же мы такие? Меня чуток постарше, под носом усики темные, на переносице пятно, не иначе окуляры надевает..

– Сей щит, сеньоры, есть ни что иное, как brusttartsche, то есть грудной тарч, именуемый также венгерским. Вот, извольте видеть, здесь справа выемка, дабы сподручно было действовать копьем. Он и вправду с Востока, из Венгрии или Полонии, причем достаточно редкий, поелику

упомянутые тарчи делались обычно из дерева, сей же – стальной. Однако же вошел щит этот в обиход лишь в прошлом веке, а посему никак не мог принадлежать оному императору...

– Вы, я вижу, сеньор, весьма ученый человек, – с глубокой обидой в голосе молвил хозяин.

– Мы-то люди простые!

– Я лисензиат, с вашего позволения, – гордо молвил толстячок и приосанился.

То-то мне сразу Саламанкой* запахло!

* В Саламанке находился знаменитый университет, в описываемое время – единственный в Испании.

– К тому же, сеньор хозяин, ни в одной книге я не читал о приезде упомянутого вами сеньора Мануэле в Кастилию. Да и нужды в том не было, ибо только тридцать с небольшим лет назад Трапезунд был захвачен турками...

– Как вашей милости угодно будет, – вздохнул хозяин.

Мне даже его жалко стало.

– Да разве это важно, сеньоры!

Славный Дон Саладо вскочил, воздел худую руку к деревянной люстре.

– Кто бы ни был тот, чье отважное сердце защищал сей щит, он, верю, был славным рыцарем. Ибо хоть и худо я вижу ныне, рассмотреть я смог на сем щите следы лютых ударов. Кто ведает, может, был сей идальго не менее славен, чем Ланчелоте или сам король Артуро, да только не нашлось поэта, который бы воспел деяния его. А посему почтим Неизвестного Рыцаря, который этим щитом защищал нашу Кастилию и весь христианский мир! Да воссияет слава рыцарства в веках!

Уф, сказал! А хорошо сказал! Хозяин прямо-таки расцвел, купчишки переглянулись, цыганочка рот раскрыла.

Я ей снова подмигнул...

Только парень-мясник даже не моргнул. Лишь в глазах огоньки блеснули.

– А-а, это вы, сеньор, Мэлори, видать, начитались! – махнул пухлой ручкой лисенсиат.

– Простите? – растерялся Дон Саладо. – Какого Мэлори?

– Да англичанина Мэлори, – вздохнул толстячок. – Книгу его “Смерть Артура” именуемую, два года назад в Мадриде перевели на кастильский и издали. Не читали? И не советую, ибо все это – басни и ерунда! Прочтя такую книгу, поневоле пожалеешь, что сеньор Хуан Гуттенберг изобрел способ тиснения книг. Раньше такую ерунду читали в лучшем случае десятки, теперь же тысячи, а скоро, не дай Господь, конечно, миллионы. Вся эта чушь с баронами, драконами, эльфами...

– Что вы называете чушью, сеньор лисенсиат? – возопил Дон Саладо. – Рыцарство? Короля Артуро?

Эка завелись! Хозяин поближе подошел, и купчишки пересели...

Только парень все там же. Или он просто глухой?

– Да не рыцарство, сеньор, – вздохнул лисенсиат. – Хотя и о рыцарстве можно сказать не только хорошее. Сейчас же, после изобретениями бомбард и аркебуз рыцари просто смешны!

...Мочалка Дона Саладо встала дыбом.

– Да Господь с ними, с рыцарями. Настоящими, я имею в виду. А чушью я назвал те нелепые басни, которые сейчас пишет кто не лень и, увы, издает. Вот увидите, люди скоро с ума сходить начнут. И немудрено! Ланцелот, король Артур... Да их и не было вовсе! По крайней мере таких, как пишет этот англичанин...

– Позвольте, сеньор, – не выдержал один из купцов. – Однако же Артур действительно существовал. Это все ведают!

– Кто ведает? – вновь махнул пухлой ручонкой лисенсиат. – Читатели этих, как их стали теперь называть, романов? Если этот Артур и жил, то он был не король, а обыкновенный разбойник...

Хорошо, что я был начеку и вовремя перехватил руку моего идальго! А то быть бы сеньору толстячку если не без головы, то уж без языка – точно.

...Меч я на всякий случай положил рядом с собой – чтобы Дон Саладо не дотянулся.

– Но древние летописи... – не сдавался купчик.

– Древние? – лисенсиата явно понесло – по кочкам, по кочкам. – Единственная достоверная летопись, сеньоры, где говорится об Артуре, это книга англичанина Ненния да разве еще труд Гильдаса, тоже англичанина, хоть он, по мне, все же сомнителен. И что же там сказано? Артур, да будет вам известно, всего лишь вождь наемников, который помогал римскому военачальнику Амброзию в войне с какими-то варварами. Сей Артур и вправду неплохо бился, но зато не был чист на руку и разграбил некое аббатство, за что его отлучили от церкви...

...На этот раз Дона Саладо пришлось хватать за плечи.

– А все остальное – выдумки, – пухлая ручка рубанула воздух. – В “Хронике” Вильяма Малмсберийского сказано, что Артур один-одинешенек сокрушил девять сотен врагов, у Гальфрида Монмутского Артур уже король и даже, кажется, император. Ну, а после и говорить нечего... К слову, если вы так любите всякие байки, отчего бы не вспомнить легенду о том, что Артур и все его рыцари были страшными оборотнями?

– Но как же гробница Артуро? – не выдержал славный Дон Саладо. – Ибо слышал я, что найдены были кости великого Артуро и супруги его, прекрасной королевы Гвиневры и погребены были с почестями в некоем аббатстве, именуемом...

– ...Гластонбери, – маленький нос лисенсиата нетерпеливо дернулся. – А в Дувре хранится череп сеньора Гавейна, Артурова племянника, в Винчестере же – тот самый Круглый Стол... Сеньор! Чьи-то кости действительно нашли, а в Винчестерском дворце стоит какой-то старый стол. Но

помилуйте, все это требует надежной атрибутации, которую, естественно, никто не проводил!

На этот раз даже мой идальго не нашелся, что сказать. Слово “атрибутация” его, кажется, добило. Я между тем, изрядно наскучив этими высокими материями, вновь поглядел на служанку.

Улыбнулась! Эх, если бы не мой рыцарь калечный под боком да не хозяин!

Хотя...

Встал я, к двери подошел, вроде как во двор собрался. То ли воздухом подышать, то ли по нужде. В самое время вышел – сеньор лисенсиат вновь с хозяином сцепился – на этот раз из-за королевы Гвинекры.

Встал я на пороге, глазами служаночку нащупал.

Подмигнул.

Вышел...

На небе ни облачка, воздух тихий, звезды лампадками сияют.

Хорошо!

А интересно, если бы я этому мозгляку-лисенсиату про тюрбан да про меч щербленый рассказал? Так ведь не поверит, толстяк!

Ага, дверь скрипнула! Она. Цыганочка!

– Ой, сеньор!

Ну да, конечно, “ой!” Я, между прочим, в сторонке стоял, меня еще и найти надо было. А ведь нашла!

– Начо Бланко к вашим услугам, прекрасная сеньорита, – улыбнулся я. – Сейчас и всегда!

– Мне... Мне идти надо, сеньор! Дядя... Хозяин который, прильет, если увидит!

Говорит, а сама улыбается. И не уходит.

– Но ведь заснет же он когда-нибудь! – усмехнулся я в ответ. – Ночью стукни в дверь...

Задумалась. Странное дело, вроде как помрачнела. Или это из-за темноты? Кажется просто?
– Нет, сеньор Начо. Если я постучу... Или дядя постучит, или кто еще... Не открывайте! Что бы я ни говорила, что бы кто другой ни говорил... Святой Девой молю, не открывайте! И другу своему скажите!

Я только моргнул. Моргнул, рот раскрыл...

Ну и дела!

Пока моргал, пока рот закрывал...

Убежала!

Огляделся – пусто рядом,
В небо глянул – звезды в небе.
Ветерок блуждает в кронах
Где-то птица прокричала.
И не знаешь, что же думать?
Помощь звать, орать от страха?
Или просто посмеяться?

В зале все еще кости Артуровы перемывали, но мне уже не до Артуро этого было. Вновь осмотрелся, на парня в рубахе красной поглядел...

...Блеснули огоньки свечные в глазах. Аж морозом меня ударило!

А тут и комната вспоминалась – моя. Та, в которую я уже вещи забросить успел, и где мне ночевничать предстоит. На втором этаже комнатка, маленькая, только гроб и поставишь. И таких комнаток на втором этаже целых шесть, значит, сегодня пять из них заняты будут.

Хорошо еще, комната славного идадьго как раз напротив моей!

Или эта девчонка просто пошутить решила? Чтобы меня, нахала, отвадить?

Поглядел я на Дона Саладо, покачал головой:

– Э-э, рыцарь! Эка вас развезло! Надо бы на двор прогуляться, водички в лицо плеснуть!

А сам его – за плечи. Чтобы не опомнился.

Опомнился, но уже на крыльце.

– Но... Начо! Я вовсе не...

Я прикрыл дверь, по сторонам поглядел.

– Слушайте...

Выслушал, вздохнул...

– Так и сделаем, Начо! Однако же если твои сомнения основательны, не должно ли нам предупредить остальных?

– О чем? – вздохнул я. – Что девчонка не велела мне дверь открывать? А если это правда, представляете, что с ней сделают?

– Но что же?..

– Увидим, – перебил я. – А вдруг все это байки? Как те, про короля Артуро?

– Ах, Начо, Начо, – укоризненно молвил рыцарь. Молвил, головой качнул. – Не будь таким маловеером! Хотя должен тебе заметить, что щит, с которого и начался наш горячий спор, действительно не такой старый. Думаю, лет восемьдесят ему, но уж никак не больше.

Я не выдержал – улыбнулся.

Проверил щеколду – ничего щеколда, держит. Дверь посмотрел – крепкая дверь, сразу не выбьешь.

Только бы рыцарь мой не сплеховал! Прибегут, закричат, что в двери шайка злых великанов ломится...

Вытащил дагу из ножен, провел пальцем по острию...

Хороша, сам точил!

А, может, ерунда все? Не любит эта цыганочка заезжих ухажеров с серьгой в ухе – и отваживает?

В доме тихо, в коридоре тихо...

Даже мыши не шуршали,
Не скреблись под половицей,
И не лаяли собаки –
Тихо-тихо, как в могиле.
Потолок в побелке новой,
Черный крест над изголовьем –
Будто в склепе я ночью,
Словно бы меня отпели!
Гаснет свечка, салом пахнет,
А я вспомнил почему-то
Мясника в рубахе красной,
Огоньки в его глазах.

ХОРНАДА IV.

О том, как мы с рыцарем провели ночь на постоялом дворе.

– Сеньор! Сеньор Начо!

...Ее шаги я услышал еще внизу – быстрые, легкие. Затем ступени проскрипели, те, что на второй этаж ведут.

– Это я, откройте!

Шепчет цыганочка, да как-то громко шепчет. Или это слух у меня такой сделался?

Час прошел, не больше, как я дверь закрыл. Тихо было в доме. А я и глаз не сомкнул – слушал. То шаги мерещились, то скрип дверной, то вообще что-то несусветное. Но – нет.

И вот – пришла.

– Сеньор Начо! Вы спите? Откройте, а то дядя проснуться может, от строгий очень... Сеньор!

Уже не шепчет – в полный голос зовет.

Молчу.

Молчу, а сам себя дураком обзываю. Когда ж такое было, чтобы девица сама ко мне стучалась, а я...

Узнают – засмеют, прохода давать не будут!

– Сеньор Начо! Это же я пошутила, чтобы вы дверь не открывали! Пошутила! У вас такое лицо было! Откройте, я и денег просить у вас не стану, вы – парень видный, сразу ясно – из города.

Молчу. А сам эту цыганочку, как есть, представляю. Всю! Огонь-девчонка, такую на всю жизнь запомнишь. Эх, дурень, дурень! Может, ну его все к бесу? Одна она в коридоре, точно! Открыть? Открыть, ее впустить, снова дверь на щеколду...

– Сеньор Начо!

И открыл бы! До того глупыми собственными страхи-ужасы показались. До того ее голосок сладким был! Да в последний миг, как рука уже к щеколде тянулась, о рыцаре моем непутевом вспомнил. Поди тоже не спит, слушает. Открою дверь – на выручку кинется. Вот смеху-то будет! Да и вроде как пообещали мы друг другу заодно держаться. Посмотрит на меня, вздохнет: “Эх, Начо!”

И так стыд, и этак. Пусть уж лучше думают, что сплю. Умаялся, на Куло этом поганом весь

день сидючи...

– Сеньор...

И снова шаги. По коридору, вниз по лестнице...

Ушла!

Ох и дурак же я! Хорошо еще, не узнает никто. Мой идальго с Пабло Калабрийцем знакомства не водит... Чуть не сплюнул я от досады, да вспомнил, что плевать в доме – непотребство последнее.

Ладно, потом плюну. Утром.

Лег на кровать, даже раздеваться не стал, дагу спрятал, руки за голову закинул...

А так хорошо вечерок начинался! И от ублюдков-морисков ушли, и винцо неплохое, и похлебка (хоть и мясо сладковатое почему-то).

Заснул.

И только тогда проснулся, когда в дверь стукнули.

Не в мою – в ту, что напротив.

– Сеньор рыцарь! А сеньор рыцарь!

Хозяин!

Тут у меня весь сон и пропал. Вместе со стыдом.

– Сеньор рыцарь! Не соблаговолите ли дверь открыть?

Ухо к двери – дышат. Громко дышат. То ли один, то ли двое, то ли больше даже. А сколько именно – не поймешь. Толстые доски!

– Сеньор рыцарь! Покорнейше прошу извинить, но без вас ей-ей не обойтись. Вы бы дверь отворили, надолго я вас не задержу...

Хоть бы дядька мой не отзывался!

– Что вы, сеньор! Вы отнюдь меня не потревожили, ибо не спал я еще. Помочь же я вам

– всегда сердечно рад, ибо в том и состоит долг каждого идальго...

Фу ты! Молчи, дурень сухорукий, молчи!

– ...Но дан мною обет крепкий не отворять дверь сию до рассвета без крайней на то надобности, а обет я не нарушу вовек. А ежели хотите спросить о чем, то спрашивайте, сеньор...

Слава Богу!

– Эй, сеньоры, а до утра отложить нельзя? Ночь на дворе!

А это кто недовольный такой? Ба, да это же сеньор лисенсиат! Точно, его комнатушка рядом, чуть левее.

Слушаю – дышат. Один? Двое? С одним хозяином справиться немудрено, он уж точно – не Ланчелоте!

– Прошу прощения у высокоученого сеньора, но прошу войти в мое незавидное положение. Вышел спор у меня с одним из постояльцев...

Интересно, с кем? С одним из купчиков? Или с тем, у кого в глазах огоньки отражались? Вот уж не думал, что он спорщик!

– А всему виной, сеньоры, тот разговор, что вели мы все вместе весь вечер. Спор же наш – о рыцарстве, и только вы, сеньор идальго, разрешить его способны. До утра же ожидать никак не можно, ибо постоялец сей намерен пуститься в путь еще до рассвета...

...Это кто же тут такая пташка ранняя?

– Спор о рыцарстве – поистине наилучший спор! – бодро ответствовал мой рыцарь. – И рад я буду разрешить его в меру способностей моих. Так что спрашивайте, любезный сеньор, сколько душа ваша пожелает. Дверь же не открою и всем иным то же советую...

Я даже крякнул – молодец рыцарь! “Иным то же советую”! Все понял!

И чего ж только такому умному все великаны с людоедами мерещатся?

– Что же, сеньор, пусть так и будет, – в голосе хозяина – обида самым краешком. – Однако же

лучше бы вы все же дверь отворили, ибо мешаем мы спать вашим почтенным соседям...

– Да замолчите вы! Нашли время. Я спать хочу! Спать, ясно?

Эге, снова сеньор лисенсиат!

– Первый же вопрос, что нас озадачил, в том состоит, какого из рыцарей, в землях христианских живших, надлежит почитать первым из всех?

– Вопрос сей и вправду занимателен, – тут же отозвался мой идалго. – Знаете вы, любезный сеньор, конечно, об Артуро и Ланчелоте, первыми рыцарями в мире почитаемыми. Однако же слышали вы и иное мнение, ибо слишком давно жили эти великие герои, а посему подвиги их иной раз с баснями сходны...

– Да прекратите вы! – сеньор лисенсиат уже на крик перешел. – Вам что, делать больше нечего? Я спать хочу!

Эге! А что там в коридоре? С ноги на ногу преступили? Что-то ног слишком много!

– А посему скажу иначе, – как ни в чем не бывало продолжал хитроумный Дон Саладо. – Первым рыцарем почитать должно Готфрида Бульоно, что Крест Святой над славным городом Иерусалимом водрузил. Вторым же...

– Я сейчас дверь открою! – голос сеньора лисенсиата от злости аж задрожал. – Открою – и вздую вас, болванов, клянусь Черной Девой Саламанкской!

– ...Вторым же назову я императора Карла, первого сего имени, называемого французами Шарлеманем. Третьим же – Сида Компеадора, с маврами храбро бившегося. И таким мой ответ будет...

– Все? Ну слава Деве Святой! – сварливо отозвался лисенсиат.

– Простите, сеньоры, – вздохнул хозяин. – Но у меня еще один вопрос будет. Какая рыцарская добродетель вами выше всего ценится? Только, сеньор рыцарь, вы и вправду впустили бы меня, что ли? Ведь соседи ваши почивать желают!

И снова – с ноги на ногу переступили. Да не с одной, не с двух...

– Славный вопрос! – согласился Дон Саладо. – И охотно я отвечу, ибо сей предмет всегда был близок сердцу моему. Дверь же открывать не стану, ибо дал я крепкий обет...

– А вот я не давал! – взвыл от злости толстячок-лисензиат. – И если вы еще слово скажете!..

Ах ты, бес! Предупредить? Обождать еще? Мы-то отсидимся, а завтра сюда новые бедолаги приедут...

– Ответ же мой, любезный хозяин, вот в чем состоит. Для рыцаря все добродетели любезны и глубоко почитаемы, прежде же всего – преданность вере Христианской. Однако же имеются некоторые, для рыцарей особо важные. Первой назову я верность, второй же – бесстрашие. Но пуще всего ценю я милосердие к ближнему, ибо в чем долг рыцарский состоит, как не в защите ближнего своего?

– Как прекрасны ваши слова, сеньор! – воскликнул хозяин. – А посему, верю, ответите вы на третий вопрос, ибо поспорили мы с постояльцем моим, какой рыцарский меч почитается наиболее славным?..

– Ну все! Я вам сейчас покажу меч, негодяи! Я вам!..

Лисензиат! Что, неужели дверь открывает?

– Не смей! – заорал я, что есть силы. – Не смей!

Но понял – поздно!

– А-а-а-а-а!

Черт, дьявол, палец о дагу порезал!..

– Дон Саладо! Тарч! Тарч! Тарч!

И – ногой в дверь. Щеколду я раньше отодвинуть успел – когда тот дурак пухлый свою открывать начал.

– Тарч!

(Про “тарч” – чтобы три раза, мы с Доном Саладо еще на дворе сговорились. На том самый случай, который крайний.)

– Тарч!!!

В коридоре – тени, тени,
Пляшут тени сарабанду,
На полу, на стенах, всюду.
Посреди – свечной огарок
В медной плошке, еле дышит.
Двери – настезь, словно буря
Пронеслась сейчас по дому.
В коридоре – Дон Саладо,
Босиком, в ночной рубахе,
Меч в руке, борода – дыбом,
Ланчелоте – да и только!
В стороне чуток – хозяин,
Император Трапезундский,
К стенке крашеной прижался,
А в руках – тесак тяжелый.
Где-то шум, кричат, дерутся,
Только где – поди пойми!

– Начо!

Кажется, мой рыцарь меня даже не заметил. В темноте, поди, сидел, а тут какой-никакой, а

свет.

– Здесь! – заорал я, прижимаясь к стене. Только бы сбоку не подобралась! Темно, свечка вот-вот сдохнет...

– Ах, ты! А-а-а!

Чей это голос? Чей крик? Лисенсиата?

Ах, черт! Толстячок!

– Туда! – закричал я, тыча дагой в открытую дверь – ту самую, которую дурень ученый открыл себе на беду. – Туда, Дон Саладо!

Но – опоздали!

Слишком поздно я увидел, что поганец-хозяин к свечке подбирается. Слишком поздно заметил, как его башмак...

Тьма!

Ну все! Эти-то, небось, здесь каждый вершок знают, без света обойдутся...

– Рыцарь! Назад! Стойте на месте, не пускайте никого. Рубите всех!

А сам – по-над стеночкой, по-над стеночкой. Тихо так...

И снова: “А-а-а-а-ах!”

Шаги! Нет, вроде как бежит кто-то. Вниз бежит. Хозяин? Нет, у того шаги другие...

– Сеньоры! Сеньоры! Вы живы? Если живы, откликнитесь!

Лисенсиат! А я уж думал, в ближайшей церкви свечку за упокой ставить.

– Их двое было! Хозяин и тот, в красной рубахе. Одного я, кажется, слегка задел...

Экий молодец!

Свечка никак не желала воскресать. Или это у меня руки дрожали? Наконец, я спрятал огниво...

Фу ты!

Ну и войско! Дон Саладо в ночной рубашке, сеньор толстячок – в той же амуниции. Один я – при полном параде.

И чем, интересно, лисенсиат разбойников этих пырлял? Неужто кинжальчиком своим? Ну и дрянь ножик!

– Кажется... Кажется, я изрядный дурак, сеньоры, – вздохнул толстячок, словно мысль мою прочитал. – Как же я не понял? Вы же говорили, Дон Саладо, чтобы никто двери...

– Потом, – весьма невежливо перебил я, поднимая повыше плоску со свечой. – Пошли! Я – первый!

– Однако, Начо... – встрял было доблестный идальго, но я только плечом дернул.

Коридор пуст, комнаты пусты. Никого! А где же купчики наши? Ни вещей, ни их самих. Только на полу в одной из комнатушек, в той, что слева, пятнышко. Темненькое такое, свеженькое...

Опоздали! Но когда? Я же не спал, не было никого в коридоре, пока эта цыганочка не появилась!

– Вниз! – воззвал Дон Саладо. – Покараем злодеев! Увы мне! Не смог я разглядеть глазами своими слабыми в хозяине замка здешнего – людоеда!

– Вы правы, сеньор, – вздохнул лисенсиат. – Об этом постоялом дворе давно ходит дурная слава, меня даже предупреждали. Но сколько их? Я видел... Точнее, слышал, двоих...

На лестнице – пусто. Эге, а это что?

– Кажется, вы одного из них не просто задели, сеньор лисенсиат!

Пятна на ступеньках – одно за другим. И немалые! И какой запах мерзкий!

– Не знаю! – теперь в его голосе – чуть ли не страх. – В жизни никого не ранил. Меня толкнули, хотели за горло схватить, я увернулся...

Ай да толстячок! Увернулся!

– ...ткнул кинжалом несколько раз, кто-то крикнул...

Этот “кто-то” ждал нас внизу, в зале. Точнее, уже не ждал. Знакомо блеснул в глазах свечной огонек. В мертвых глазах.

Пустых.

– Он... Он мертвый? Неужели он мертвый, сеньоры?

Кажется, сейчас наш герой-лисенсиат в обморок брякнется!

– Так вы же ему все брюхо попорили, сеньор! – хмыкнул я, кивая на окровавленную красную рубаху...

...Черной смотрелась на красном кровь. Как смола. Как деготь.

– Как сюда дошел, странно даже. Видите, он же кишки руками придерживал!

– О-о-о-ох!

Но все-таки дошел, дошел, и даже не упал – сесть попытался. Как раз под тем самым щитом.

– Однако же, сеньоры, – Дон Саладо поднял вверх худой костистый палец. – Не слышите ли вы?..

Да, точно! Во дворе!

– Туда!!!

Хозяина мы уже у ворот догнали. Отвык, видать, ногами двигать, за стойкой да на кухне мозоли оттаптывая. Да и куль бежать мешал – тяжеленный куль!

Видать, был этот куль Его Трапезундскому Величеству подороже жизни!

– Стой! Стой, сволочь! Обернись!

Не обернулся. Только куль к пузу своему прижал.

Я так и убил его – в спину.

– Но... Но сеньоры, разве можно так! – привычно возмутился лисенсиат. – В конце концов, может, он был и не так виновен? Может, его просто заставили?

Я только хмыкнул, дагу о хозяйские штаны обтирая.
Заставили, как же!

В дом мы только с рассветом вошли. Так до солнышка во дворе и просидели. И вроде бояться больше нечего, но все-таки...

Ох, скверный же дом! Хорошо еще ночь теплая, да в конюшне пара старых плащей нашлась...

Купчиков мы в подвале нашли – мертвых да голых. Я так и не понял, когда их, бедолаг, достать успели. Одного прямо в сердце пырнули, а на втором – ни кровинки, задушили, видать. Лежат, страшные, с глазами открытыми, а вокруг чего только нет! Одежа, и старая, и новая совсем, мешки всякие, и деньги, конечно. Какие в кубышках, какие прямо по полу рассыпаны...

Никто и нагибаться за теми деньгами не стал. Даже я!

...А в куле, что хозяин, кол ему осиновый, унести пытался, детская одежда оказалась да игрушки всякие. Схватил видать, первое, что в руки попало.

Ох, и пожалел же я, что сразу его убил! Мориски, значит, во всем виноваты? Да они – ангелы небесные, если с этими сравнить!

В общем, вытащили мы бедолаг во двор, плащами накрыли, сеньор лисенсиат принял молитву бормотать, мой рыцарь – креститься.

А я о цыганочке вспомнил. Ведь как ни крути, она нас спасла. Хоть бы спасибо сказать! Да как скажешь, во дворе ее нет, и в сараях нет, и в доме...

Долго искал, да все никак найти не мог. Пока в старый колодец, что у самого забора, заглянуть не догадался...

Успели! Поняли, что не обошлось без чернявой – и успели таки! И не достать ее, бедную: глубокий колодец, а веревка перегнила...

Стоял я, губы кусал, себя, дурака, последними словами крыл. Она меня спасла, а я, выходит, ее

погубил?

А что делать-то было? Дверь открыть? Купчики-бедняги открыли! И поди, не хозяину – ей открыли. Нестарые были еще, в соку самом.

А потом я и на кухню заглянул. Заглянул – и пулей выскочил. Выскочил, на колени рухнул...

Вывернуло меня! Ну, как есть, всего наружу! Еле встал, еле до кадки с водой добрел...

Вот почему мясо в похлебке сладковатым было! А я еще над Доном Саладо смеялся, в людоедов не верил.

Долго в себя приходил, все очухаться не мог, меня уже и звать принялись...

– Однако же, сеньоры, чего делать нам надлежит? – спросил со вздохом Дон Саладо. – По закону должно бы нам сообщить королеве или кому из сановников ее о сем злодействе...

Вещи мы уже собрали, на одров наших нагрузили, купчиков, бедняг, прикопали, как смогли, я из дров крест связал.

...Про кухню да про то, что в леднике я увидел, говорить никому не стал. И про колодец – тоже не стал. Постоял возле него, “Pater noster” прочел.

Эх, цыганочка!

– Сообщить можно, – неуверенно проговорил сеньор лисенсиат. – Да только задержат нас, причем надолго, ибо законы нашего королевства весьма несовершенны...

Вот уж точно. Как бы нас самих в убийцы не записали!

– Сожжем! – решил я. – Дотла! Чтоб только угли остались.

И не возразил никто.

Труп хозяина прямо в зал втащили, посреди бросили, я за сеном в сарай сходил. Дом, конечно, каменный, да крыша деревянная! И внутри дерева полно. Деревя – и пыли.

Дверь конюшни – настезь. Пусть гуляют лошадки. Может, найдут себе нового хозяина

– получше?

Все?

– Погоди, Начо! – благородный идальго вздернул бородку-мочалку. – Не все еще сделано, что должно!

Зашел в дом, вернулся. Со щитом. С тарчем тем самым, который brusttartsche.

– Не должно, сеньоры, оставлять сей славный щит в таком месте. Ибо уверен я, что не честным путем достался он хозяину сего злодейского замка. Пусть же побудет у меня, пока не найдется для него более достойный владелец!

И снова – никто не спорил.

Ну, все.

Амен!

Дым из окон, дым над крышей –
Занялось, раздуло ветром,
Вот и пламя – как из ада,
Словно пекло перед нами!
И почудилось внезапно,
Словно стон – протяжный, долгий
Из земли, из самой тверди,
Будто души убиенных –
И виновных, и невинных,
Ад покинуть тот не в силах,
Словно нас о чем-то просят,
Молят, отпустить бояться.

А огонь все выше, выше,
По двору уже крадется,
Будто нас достать он хочет.
Уж не стон – а рев ужасный.
Набирает пекло силу!
И ушли мы поскорее,
Ад оставив за спиною.
И никто не обернулся!

ХОРНАДА V.

О преславной и преужасной битве с василиском.

В ушах у нашего рыцаря начало звенеть аккурат после полудня, когда в церквушке, мимо которой мы как раз проезжали, колокол ударил. Гнусно так звякнул – треснутый поди! Может, оттого и в ушах у него зазвенело?

Об этом всем Дон Саладо нам тут же сообщить изволил, да внимания мы, признаться, не обратили. И вправду – звенит, и звенит, оно, между прочим, к деньгам, особливо ежели в левом ухе. Не обратили, а зря!

– Итак, сударь, вы пикаро, да еще с Берега, – подытожил сеньор лисенсиат Алессандро Мария Рохас.

– Осуждать станете? – покосился я на него не без любопытства. – Контрабандист, да законы не почитаю?

Хоть он и лисенсиат, в Саламанке и Париже учился, а обычный, вроде, парень. Ну, усики, словно три дня не умывался, ну, горячий очень. Зато ведь не трус! И не дурак вроде.

...Ехали мы теперь втроем – по пути оказалось. Я на Куло своем поганом, Дон Саладо – на коньке-недомерке, а толстячок – на муле. Крепкий такой мул, большой. Мне за моего Задницу даже стыдно стало...

– Осуждать? – задумался лисенсиат. – Нет, не стану, Начо. Не стану...

И снова думать начал. Я и не мешал – человек он оказался такой: кричит, шумит – а после соображать начинает, гаснет вроде. Слышал я как-то, что таких холериками зовут, это значит, будто холера на них накатывает – потрясет да бросит.

Дон Саладо тоже беседой нас не баловал – в ушах у него звенело. Ехал себе – и ехал.

Ну и ладно.

– Законы наши, Начо, весьма несовершенны, – подумав, продолжил толстячок. – Об этом я уже как-то упомянул, однако добавлю: они порой несправедливо жестоки...

И снова замолчал. А мне интересно стало.

– Такие, как вы, делают доброе дело – благодаря этому во всей Испании нет недостатка в самом необходимом. Увы, ремесла, да и промыслы у нас развиваются слишком медленно. Так что контрабанда нас, по сути, спасает – вопреки, увы, законам.

Вот как! Я даже приосанился. То, что мы Калабрийцам доброе дело делаем – это я и сам знал, но когда такое ученый человек признает!

То-то!

– И еще добавлю: самые жестокие законы – отнюдь не самые древние, как можно было бы подумать. Увы, наш век, которые отчего-то итальянцы называли Ренессансом, дает примеры невиданной жестокости и несправедливости. Вы о Супреме* слышали, Начо?

* Супрема – трибунал Святейшей Инквизиции.

Не хотел – а вздрогнул. Отвернулся, на ветряк дохлый поглядел.

“Ты слыхал о Супреме, Начо?” – спросил меня тогда падре Рикардо. Грустно так спросил. А после улыбнулся – тоже грустно...

– Эти, зелененькие, которые?* – не глядя на сеньора лисенсиата, ответил я. – Фратины?**
Чего-то слыхал...

* Зелененькие – служители инквизиции носили зеленые одеяния.

** Фратина – от латинского “frater” (“брат”). Слово имело пренебрежительный оттенок, звучало как “брателло”.

– Вот и я слыхал, Начо...

Странное дело! Ему-то что до этих зелененьких? Не марран* ведь, не мориск. Не священник даже...

* Марран – крещеный еврей.

...И вообще, чудной парень. То есть, не сам по себе. А вот куда и зачем едет? Говорит, в Севилью (потому и по пути нам оказалось), да не просто – а к невесте. Вроде бы, доброе дело, но только какой же это жених о своей невесте даже словом не перемолвится? От иных спасу нет – и медальон с парсуной ейной покажет, и стихи всякие прочтет, и про приданое говорить-рассказывать станет. А этот сказал – и все. Отрезало словно! Загрустил – и думать стал.

Или невеста его – вроде ведьмы? Или это я не в ту сторону думаю?

...А еще у него деньги в поясе – ох, немалые деньги! Я-то сразу не заметил даже, а у хозяина покойного – у Императора, значит, Трапезундского, глаз острее оказался. Видать, той ночью за сеньором лисенсиатом главная охота шла!

Хотя деньги – это понятно. Свадьба ведь у парня!

– Это все сицилийцы, – заметил я, дабы разговор поддержать и невежливым не показаться.
– От них все беды, сеньор, скажу я вам. И вообще, Сицилия – препаршивый остров!

Надо же, удивился!

– Помилуйте, Начо, при чем здесь...

– А при том, сеньор, что все эти фратины зеленые, что в Супреме служат, сицилийцы и есть. Их король Фердинанд сюда привез, нам на беду!*

* Сицилия в описываемое время находилась под властью короля Арагона. Инквизиция в Кастилии была создана при помощи сицилийских инквизиторов.

...И если бы только это! Но не про “омерту” же сицилийскую толстячку рассказывать. Не

поймет ведь!

– Томазо Торквемада – не сицилиец, – ответил он, тихо так, еле слышно. – Но в чем-то вы правы, Начо. Мне кажется, что объединение наших королевств не пойдет во благо. Кастилия всегда славилась своей свободой, Арагон – предприимчивостью и успехами в мореходстве...

Это уж точно! Если чего есть у этих арагонцев – то это моряки. Один Калабриец чего стоит!

– Вот наши монархи и надеялись все сие объединить. А получается, что объединяется кастильский фанатизм и арагонское рабство...

Странное дело, это и падре Рикардо говорил. Тогда как раз свадьба королевская к нам в Севилью пожаловала. Маленький я еще был – а запомнил. Удивился потому что.

– Из Арагона мы взяли инквизицию и рабство. Наши сеньоры хотят ввести тут “дурные обычаи”, слышали? А у них, у арагонцев, начались гонения на марранов, чего и отродясь не было...

Я только плечами пожал – не моего ума это дело. Пикаро рабом не станет, помрет скорее. А насчет “дурных обычаев” – слышал, как же! И от Калабрийца, и от других. У них, в Арагоне этом, сеньор может горло рабу перерезать и в крови ноги парить. И еще с каждой свадьбы невесту себе требует – на первую ночь.

Вот злыдни! И такое хотят у нас в Кастилии нашей вольной ввести? Да не позволим, понятно!

А вообще, не моя это забота.

– Стоит ли об этом, Начо? – заметил лисенсиат, будто и вправду мысли мои услышал. – Хотел бы я у вас о другом спросить.

Оглянулся, на Дона Саладо нашего поглядел, ближе придвинулся.

Зашептал.

Мог бы и не шептать! Рыцарь мой совсем в себя ушел. Не иначе звон в ушах слушал.

И я послушал – то, что толстячок мне шепчет. Послушал – и только руками развел. И вправду, почему мне знать, как да чем беднягу Дона Саладо лечили-пользовали? Да в его глуши, в Эстремадуре

этой, всего лечения поди для таких, как он – цепь да ошейник!

Про то, что с Доном Саладо осторожность требуется, я сеньору Рохасу сразу же поведал – от греха. Не удивился он даже – сказал, что еще прошлым вечером о чем-то таком догадался. Уж больно Дон Саладо горячо про Ланчелоте всяких говорил.

– Чему же удивляться, сеньор, – заметил лисенсиат, меня выслушав. – Увы, невежество все еще царит в нашей славной Кастилии. На цепь! Какая дикость! Если и нужна в случае этом цепь, то совсем иная – цепь системы...

Очень мне это слово отчего-то не понравилось. Система, понимаешь!

– Лечение оной болезни нелегко, но все же возможно. И пользуясь тем, что волею случая оказался я в вашей компании...

Щелкнул толстячок пальцами, усиками своими дернул.

– А что? Болезни такие приходилось мне изучать в городе Париже...

И аж глазами заблестал! Смолчал я, но отчего-то не захотелось мне, чтобы сеньор Рохас моего идальго пользовал. Ну никак не захотелось.

Нет, не дам сажать я рыцаря на цепь! И кровь пускать не дам, и пиявки тоже.

Система! Придумал, умник!

А лисенсиат вновь в задумчивость впал, пальчиками своими крутить начал. Мне даже любопытно стало. Ну, ладно, система системой, а где в такой глуши он аптеку найдет?

Обошлось, однако, без аптеки.

На ближайшем привале (Куло мой опять заартачился, Задница!), сели в теньке на холмике, я уж и плащ на траву постелил – отдохнуть чуток. Но не тут-то было! Достал сеньор Рохас из выюка бумагу, а к ней лаписьеро* свинцовый. И окуляры на нос нацепил. Тут уж и Дон Саладо заинтересовался.

* Лаписьеро – карандаш.

– Не собираетесь ли вы, сеньор, снимать с кого из нас парсуну? Смею вам заметить, что слава моя, увы, пока не такова, чтоб мог я сей чести удостоиться.

– Отнюдь, – ответствовал лисенсиат. – Да и не мастер я насчет парсун. А давайте-ка, сеньор Саладо, пейзаж нарисуем, сиречь местности этой изображение. С вашей помощью. Итак, что вы видите?

– Гм-м...

Оглядел мой рыцарь окрестности, даже ладонь ко лбу приставил. От солнца.

– А вижу я перед собой горы, слева же – замок, а справа, вроде как пещера...

– Вот и славно!

Р-р-раз – и забегал свинец по бумаге. Вот и замок, вот и пещера. И горы, конечно. А толстячок все уточняет: сколько у замка башен, да насколько горы высоки.

Вот и готово. Поглядел Дон Саладо, одобрил. Точь-в-точь!

– А теперь, сеньоры...

И вновь – свинцом по бумаге. Бегло так, позавидовал я даже.

– Вот, извольте сравнить, Дон Саладо. Не видите ли вы некую разницу?

А что там видеть-то? Второй-то рисунок правильный. Ни гор на нем, ни замка. Холмики, овцы вокруг, домишко скособоченный.

Все как есть.

Задумался мой идальго, бороду мочальную кулаками подпер.

– Понял я, сеньор, и увидел, конечно же, различие. На втором рисунке изобразить вы изволили то, что вам отсюда видно, на первом же...

Не договорил, вздохнул грустно, голову понурил.

– Или не знаю я, сеньоры, что почитают меня всюду безумцем? Но что делать, ежели все органы чувств говорят мне одно и то же? Если бы только зрение, но ведь и слух, и обоняние даже...

– Логика! – вставил я, наш с рыцарем разговор вспомнив. И не только разговор, но и меч пощербленный.

А может, не все так просто?

Лисенсиат, как про логику услышал, даже крякнул. Поползли вверх брови вместе с окулярами, еле-еле на лбу удержались.

– Однако же, сеньор Саладо, должны вы согласиться, что все прочие видят и чувствуют иначе! И дернуло тут меня за язык!

– Отчего же все, сеньор лисенсиат? Или мы с вами этих “всех” считали? Мир велик, а мы и треть Кастилии не объехали. Может, за морем где-то или за Пиринеями видят так же, как Дон Саладо?

...На Сицилии, например. Там уж точно на каждом шагу – драконы с людоедами!

На этот раз толстячок запыхтел, на меня воззрился гневно. За то, что я его систему порушил.

– Но, может, Дон Саладо, для начала так поступим: вы о том, что видите, нам говорите, однако в поступках будьте умеренны. А мы с вами вместе рассудим, надо ли за меч браться.

Вновь рыцарь голову понурил. Кивнул.

– Что ж, пусть так и будет. Но не могу я молчать, ежели чую беду...

И тут задумался я. Людоедов с великанами вспомнил – и тех, что на горке, и тех, что на постоялом дворе.

– Говорил я уже, что звенит у меня в ушах. И не было бы в том особой беды, если бы не

примета верная. Где-то рядом совсем обретается чудище жуткое, именуемое василиск.

– Простите? – растерялся лисенсиат. – Василиск? Это который basiliscum? Со змеиным хвостом и петушиной головой?

– Да! – костлявый палец взлетел вверх, к горячему солнцу. – Чудище, что над всеми гадами повелевает. Монстр, убивающий взглядом своим и дыханием своим. Адский выползень!..

Скривился сеньор Рохас, а мне не по себе стало. Ну, путается мой дядька в словах, морисков людоедами кличет...

Но ведь не в словах дело!

А если и вправду какая-то дрянь рядом обретается?

И снова меч тот, со щербинкой, перед глазами встал!

– Увы, не взял я с собою зеркало, – вздохнул рыцарь. – А ведь зеркало – лучший способ поразить чудище, ибо мечом рубить его несподручно, так как в случае этом есть опасность глазами с ним встретиться. А сие, как ведомо – верная смерть!

А я уже думаю-гадаю, как рыцаревы слова на кастильский перевести. По дороге селенье скоро быть должно. Не там ли чудище это? Может, мой идальго местного альгвазила почуял? * Знаю я этих василисков!

* Альгвазил – полицейский, стражник.

А, может, и того хуже?

В общем, не понравилось мне это, страх, как не понравилось. И только мы селенье это увидели – сразу, как с холма спустились, – я тут же дагу поудобнее пристроил. Мало ли? Да и рыцарь

мой подобрался весь, копые у меня забрать попытался.

Ну, копые я ему не отдал, однако твердо решил, что лишней минуты в том селении не задержусь. Вот лишь напоим наших одров, которые с копытами.

Только лисенсиат носиком своим недовольно дергает, вроде как возмущается. Да какой с него спрос, с ученого? Жизнь, она – не такая, как в книжках!

Колодец на самой околице оказался, у перекрестка. Направо поедешь – не знаю куда попадешь, налево – в горку упруешься, а нам туда не надо. Прямо нам, к Арасене, откуда дорога к Севилье ведет, не сворачивает. Да только без скотины далеко не уедешь, а скотина пить просит. Мой Куло даже орать начал, громко так, противно.

А у колодца – народ. Всякий – и поселяне, и жены ихние, и вообще непонятно кто. Значит, ждать надо.

А Дон Саладо с конька своего даже слазить не стал. Сидит, ноги худые, длинные, пятками пыль цепляют, рука, которая не сухая, за гарду держится.

Фу ты! Я уж себя и так успокаиваю, и этак, да на душе все муторнее и муторнее. Словно и я того василиска клятого чую.

Лисенсиату, понятное дело, хоть бы хны.

Слава Деве Святой, дошла до нас очередь. Кинул я вниз ведро, ворот покрутил, плеснул воды в корыто деревянное, а сеньор Рохас уже и мула подвел. Куло мой, как воду увидел, вообще взвыл.

Дошла и до идальгового конька очередь. Слез Дон Саладо на землю, а сам белый, пот на лице...

– Здесь он, Начо, – шепчет. – Рядом! Ты, Начо, далеко не отходи, да только не вздумай смотреть, не дай Господь, глазами встретишься...

А меня морозец бьет, как тогда, прошлой ночью. Оглянулся я, туда-сюда посмотрел...

...Колодец, народ вокруг, куры в пыли купаются, чуть дальше улочка да заборы.

Попил рыцарев конек, оно и ехать можно, да тут, конечно же, лисенсиат вмешался. Мол, одрам нашим отдых требуется, а вот и тенек, сиеста опять же...

Я даже не огрызнулся – за рыцарем следил. А он напрягся весь, ушами, точно собака, водит...

...Только сейчас я заметил, какой он ушастый. Это потому что шлем его, салат который, на бок съехал...

– Начо! Он...

Тихо так сказал, чуть ли не шепотом, да я такой шепот и за десять шагов бы услышал.

Вот и услышал, рука уже на гарде, глаза псами охотничьими бегают. А Дон Саладо дернул плечами своими худыми, вздохнул, выдохнул...

Вперед шагнул – с лязгом железным. Туда, где первый дом стоял.

– Видать, сеньоры, это и есть бой мой последний! Только вперед не смотрите, ибо взгляд его...

Да чей взгляд-то?

А тут народец как раз расступился, вид на улицу открыл – в ту сторону, куда идальго собрался. А там ничего и нет. Улочка (да не улочка, тропа пыльная меж двумя канавами), куры опять же. И петух – здоровенный такой, с хвостом разноцветным. Король-петух!

А Дон Саладо уже рядом, и меч его, железяка, в руке, ржавчину солнышку кажет...

– На бой, на бой, чудище! На смертный бой!

Я уж и вперед было подался, но с кем биться-то? Если бы алыгвазил здешний, то я бы сразу дагу вынул.

– Ко-ко-ко-ко-ре-ку-ку-у-у-у!

Взметнулась железяка – и прямо на петуха! Сверху!

Ой!

А у меня челюсть отпала. Это что, василиск?

– Рази, Испания-я-я!

Черкнул меч по пыли, а петух уже в стороне. Нахохлился, перья взъерошил...

– Рази!!!

Да как кинется на рыцаря моего! Да как закричит!

Ну, схлестнулись! Бой ужасный!
Пыль и перья закружились.
Меч свистит без передышки,
А петух орет-кудахчет
Да когтями вкупе с клювом
По доспехам бьет-молотит.
Очумели поселяне,
Что на бранный шум сбежались,
Трут глаза, себе не веря,
Кто креститься даже начал.
А петух-то не сдаётся,
Вновь и вновь он налетает,
Клювом в глаз идальго целя,
И кудахчет, и кудахчет!
Но тут рыцарь Дон Саладо,
Силу всю свою собравши,
Закричал что было мочи:
“Санто-Яго Компостелло!
Смерть тебе, лихое диво!”

И мечом своим тяжелым
Разрубил врага с наскока.
Крикнул кочет, наземь рухнул.
Тут и смерть ему случилась!

Первым опомнился не я – я все еще столбом стоял, рот закрыть забывши. Сеньор Рохас сообразил – на мула вскочил, меня в плечо толкнул...

Да, самое время! Народ тоже приходить в себя начал, кое-кто уже за дубину взялся. Схватил я рыцарева конька под уздцы, вперед шагнул...

Поздно!

– Бей их! Бей курокрадо-о-ов! Бе-е-ей!

Только и успел Дон Саладо обернуться, а чья-то дубина его прямо по шлему так и припечатала.

Ой!

Ну, тут уже не до шуток стало. Ближнего я дагой полоснул – не до крови, только рубаху пропорол. Другому ножик свой перед глазами крутанул. Отшатнулись, понятно. На миг-другой всего, но мне хватило. Подхватил я моего идальго (ой, тяжелый, в латах же!), через спину конскую перебросил...

– Бей! Бей их! Курокрадо-о-о-ов!

А тут как на грех Куло мой в очередной раз решил характер показать – уперся всеми четырьмя. Зря это он. Кольнул я его дагой...

– Бе-е-е-е-е-ей!

Куда, да в какую сторону удирали – даже и не помню. Вот как камни над ухом свистели – на всю жизнь сниться будет.

Хорошо, что у народа здешнего коней под рукой не оказалось!

Очухались, с одров наших слезли, на землю бухнулись...

Это мы очухались и слезли, а Дона Саладо пришлось с конька снимать, на камешки укладывать...

Оглянулся я. Почему камешки? Неужели на горку взлетели? На ту, которая налево?

Так и есть!

Хорошо, что вода нашлась – сеньор лисенсиат во фляжку набрать догадался. Смочили мы тряпицу, рыцарю на лоб положили...

– Сеньор Рохас! – торжественно заявил я. – Видели ли вы моего осла? Так вот, сеньор, признаю себя еще большим ослом, чем этот Куло! Больше ни одного василиска, не говоря уже о великанах с драконами. Так что считайте меня своим верным союзником!

А сам себя в который раз крепким словом припечатал. Ну и дурень! Ну и болван! Меч, понимаешь, вспомнил. Да мало ли где тот меч ищербиться мог!

Или болезнь у моего идальго заразная? Чур меня, чур!

А тут и стон раздался. Это Дон Саладо глаза открыл. Открыл, губами пожевал...

– Увы мне, увы... И вновь не довелось мне совершить великий подвиг!

Добрый Рохас оказался –
Пожалел, не стал смеяться,
А наш славный Дон Саладо,
Как немного оклемался,
Шлем поправив, молвил с грустью:
“Это я во всем виновен!

Не иначе – перепутал,
Слаб глазами стал я ныне!
Но сказать при этом должен,
Если был там все же кочет,
То весьма дурного нрава!”
Спутник наш, ученый славный,
С тем немедля согласился
И сказал: “Вас, Дон Саладо,
Будем звать теперь мы Рыцарь
Петушиное Перо!”

ХОРНАДА VI.

О том, как сбылась некая мечта Дона Саладо.

– Сеньор Рохас, – поинтересовался я, морщась при виде очередной скалы, загородившей небо.
– А не изучали ли вы в городе Париже, скажем, географию?

И не спрашивал бы, так ведь заехали! Слева горы, справа горы, тропа между скал вьется. Воду еле-еле нашли, еды не купишь, одры наши затосковали, Куло на меня бесом смотрит, ушами прядет.

Ох, и удружил нам бесстрашный идальго! Я и так эти места с пятого на десятое знал, а уж когда в горы заехали, совсем растерялся. Горы – это уж точно не для таких, как я. С меня и моря за глаза хватит.

– Изучал, – подтвердил лисенсиат, покосившись на меня не без интереса. – Но не в Париже. В Париже, Начо, тамошний университет, Сорбонной именуемый, богословием славен. Географию

изучал я в Саламанке, особенно же в Италии.

В Италии? Интересно, где? Если в Генуе, Неаполе или даже в Венеции, то могли бы и встретиться. Я там тоже географию изучал. Правда, сугубо практическую.

– Вас волнует, куда мы заехали? – одними губами усмехнулся толстячок. – Помилуйте, Начо, это не Альпы. Это всего лишь горы Сьерра-Мадре, которые есть отрог великих гор Сьерра-Морена, что через всю Андалузию протянулись. Насколько я понимаю, слева от нас, выше по ущелью, будет селение Педранес – то, что выше всех прочих в Кастилии находится, оттого и прозывается Поднебесным. А дорога ведет нас как раз куда следует, на юг, к Гвадалквивиру. Когда же мы спустимся вниз на Андалузскую низменность, Кордова будет у нас слева, Севилья же – справа.

Ну, если так... Я прикинул – крючок мне придется изрядный делать. Ну, ничего, довезу как-нибудь славного рыцаря, куда требуется!

– Дикие тут места, – продолжал между тем лисенсиат.

– Это вы насчет разбойников? – осторожно поинтересовался я.

– Не думаю, – под тонкими усиками вновь мелькнула улыбка. – Здесь вообще людей почти нет. Скот выпасать негде, а купцам проще ехать равниной.

И слава Богу! А чудная у толстяка улыбка! Губами дергает, а глаза, как неживые. То ли скрывает что, то ли горе какое на душе.

– Между прочим, эти места – первые, куда смогли проникнуть христиане еще три века назад. На равнине были мавры, а тут кастильцы построили несколько замков. Говорят, здесь воевал сам Сид или кто-то из его потомков. Но с тех пор тут ничего не осталось. Кого мавры убили, кто сам в долину спустился, когда король Альфонсо вернул Горную Андалузию...

– Увы, – сбоку послышался тяжелый вздох. – Не довелось нам жить в то славное время!

Несчастный Дон Саладо с повязкой, выпирающей из-под съехавшего на ухо шлема, уныло трусил на своем коньке, глядя куда-то между конских ушей. Лучше бы шлем этот вообще выбросить!

Он и так на тазик для бритвы походил, а после того, как по нему дубиной припечатали, вообще на тарелку стал смахивать.

– Помилуйте! – поразился лисензиат. – Чем вам наше-то время не по душе?

...Я-то не удивился – слышал уже.

Вместо ответа – новый вздох, еще тяжелее, еще безнадежнее. Петушиный бой явно поубавил уверенности у славного идадьго. Переглянулись мы с лисензиатом и поняли – грех его сейчас расспросами тревожить.

И ведь жалко дядьку! А чем поможешь? По системе этой самой лечить? Уже пробовали.

– Не мило мне время это, сеньоры, ибо мню, что не совершить в наши дни ничего великого.

Отозвался, Петушиное Перо!

– То есть как? – толстячок даже в седле подпрыгнул. – Великое сейчас только начинается, Дон Саладо! Разве не следует назвать великим то, что творят ученые и мастера искусств изящных в славной Италии? Разве Джотто, Брунелеске и Поджио Броччолини – не истинные титаны?

– Право, не слыхал я о подвигах этих рыцарей... – начал было Дон Саладо, но толстячка уже понесло.

– А Гуттенберг? А университеты? А то, что португальцы уже обогнули мыс Бурь и вот-вот достигнут Индии? А то, что мы уже отвоевали Испанию нашу у мавров? Вы же сами брали Малагу, сеньор!

– Иногда я жалею о маврах, – со вздохом отвечивал рыцарь. – Хоть и негоже сие делать доброму христианину. Просто кажется мне, что во времена великого Сиды, вами, сеньор, только что упомянутого, когда не было еще ни бомбард, ни аркебузов, доблесть и храбрость более ценились. Знаете, сеньоры, есть у меня мечта. Никому не говорил я о том, но вам скажу, ибо люди вы храбрые и благородные...

Подмигнул я толстячку, а он мне – в ответ. Это, значит, чтобы мы оба молчали, когда наш

дядька про великанов с драконами рассказывать начнет.

– Точнее сказать, у меня их две, две мечты, уважаемые сеньоры. И главная из них такой будет...

Костлявая рука долго поправляла шлем, затем неуверенно погладила бороду-мочалку.

– Даже не знаю, как начать... Снилось мне некая земля, сеньоры. Прекрасная, обильная всем, славными и благочестивыми людьми населенная. Царит же в земле той вечное лето, и воды ее подобны млеку, золотом же выстланы донья речные, но лежит то золото втуне, ибо нет в нем нужды и потребности. И будто бы чей-то голос повелел мне в эту землю войти. Удивился я и спросил путь, ибо вначале подумал, что велят мне идти во святой град Иерусалим – мечту каждого рыцаря...

Странное дело, у меня весь смех куда-то сгинул. Красиво говорил Дон Саладо, душевно даже.

– Но было поведано мне, что не Иерусалим это, не Индия и даже не царствие Хуана Пресвитера. Земля сия, сеньоры, за морем лежит, а вот за каким и в стороне какой, сказано мне не было...

И вновь мы с лисенсиатом переглянулись. Хотел он что-то сказать, да я палец к губам приложил.

– Разумею я, сеньоры, что трудно найти землю эту, однако же скажу, что узнаю ее сразу, ибо памятна она мне, хоть и снилась лишь однажды. Даже имя я дал ей – Терра Граале, Земля Чаши Господней, ибо столь же прекрасна она и недоступна, как сам Святой Грааль.

– Не смогу ли я помочь вам, сеньор? – не выдержал лисенсиат. – Ежели попадем мы с вами в Севилью, куда ныне я путь держу, то сможем посмотреть атласы и прочие землеописания. Там вы сможете найти то, что ищете.

Качнулась борода-мочалка. Кажется, Дон Саладо не очень верил атласам.

– Меня считают безумцем, сеньоры, и то мне хорошо ведомо. Но не всегда я был таким, и в прежние годы, когда честно служил я в войске королевском, приходилось мне говорить с людьми

знающими, особенно же со шкиперами и кормчими, все моря избороздившими. Дивились они, сколь подробно я эту землю знаю, и признавались честно, что о такой и не слыхивали. Не Индия это, не Китай, не Африка и не страна Сипанго...

Хотел я сказать, что всякое людям снится, особенно же с перепоею, но вовремя язык закусил. Пусть себе! Тут бы в пропасть не заехать.

Пропасти, правда, нам покуда не попадались, но горы эти мне совершенно нравиться перестали. Едешь словно в коридоре каменном, того и гляди сверху крышкой прихлопнут. Хоть бы дом какой встретить или часовню. Да куда там! Трава – и та пропала, камень один. Этак Куло мой совсем взбесится, меня есть начнет!

– Вторая же моя мечта, сеньоры...

Какая еще? Ах да, у моего идальго их целые две!

– ...совсем простой кажется на первый взгляд. Хочу я встретить у некоего перекрестка странствующего рыцаря. Введом вам сей обычай – ждать у перекрестка собрата своего, дабы вступить с ним в бой ради обета или же ради прекрасной дамы. И вновь – увы! Хоть и встречал я немало рыцарей, но никто из них не следовал давним обычаям...

– У вас есть прекрасная дама, ваша милость? – не утерпел я.

Подслеповатые глаза Дона Саладо гордо блеснули:

– Истинно скажу – есть! И дама эта, чей платок, ее руками вышитый, ношу я возле сердца – моя законная супруга донна Маргарита, заботливая хозяйка дома моего и мать троих моих сыновей!

Я чуть не присвистнул, да и сеньор лисенсиат был явно удивлен.

– Помилуйте, Дон Саладо! Отчего же вы дома не живете?

Спросил – и тут же пожалел. Понурился мой рыцарь да так, что чуть носом в гриву конскую не ткнулся. Дернула рука за бороду, качнулась голова в дурацком шлеме...

– Что говорить об этом, Начо? Дом наш небогат, и с тех пор, как привезли меня, беспамятного,

из-под славного города Малаги, издержалась моя супруга на лечение, и поистине стал я всем в тягость. Не скрою, случилось меж нами великое огорчение, и тогда решил я избрать стезю, которая и привела меня в сии глухие места...

Вот бес! Да не иначе, моего дядьку из дому выгнали? Калеку! Больного! Ну, семейка! Не потому ли та барынька в маске не велела бедолагу рыцаря домой везти?

– А я и рад, сеньоры, ибо шествуя путем странствующего идальго, смогу я оказать помощь добрым христианам, защищая их от мерзких чудищ, коих, в милости своей, Господь и Дева Святая дозволили мне зреть. И, может статься, свершу я великий подвиг...

В последних словах славного рыцаря сквозила неуверенность. С подвигами у него что-то явно не складывалось.

– Нам стоит подумать о ночлеге, Начо, – негромко проговорил лисенсиат. – Вы, конечно, человек более опытный, но уже темнеет, а впереди я вижу какой-то ручей...

Опытный! Да какой уж опыт – на голых камнях ночевать. Я потому и не останавливался, что до харчевни какой-никакой добраться думал. Или хоть до хижины пастушеской. Да где там!

А ручей он сразу приметил. Молодец, толстячок!

Сначала меня укусил мерзавец Куло. Больно укусил, Задница проклятая! А все потому, что травы не нашел. Впрочем, и я бы на его месте кусаться начал.

Травы не было – не росла она тут, хвороста, чтоб костерок запалить – тоже. Я бы копьё рыцарево на растопку пустил, да вот беда – потерялось копьё, покуда мы удирали. Так что одно осталось – жуй всухомятку да водичкой запивай. Ну ровно как в монастыре каком!

И место мне не нравилось. Ну совсем! Ручеек маленький, со скалы сбегает, а скала громадная, прямо над головами висит. Не выдержал я, вверх по тропе пробежался. Да все без толку. Скалы, правда, там чуть потесниться изволили, зато голо, а под ногами – камень. И дорога, еще одна,

поперек нашей. А у перекрестка этого столб торчит – каменный, вроде как в землю (то есть, в тот же камень, конечно) вбитый. Махнул я рукой и понял: нечего искать. Уже и солнышко за гору ныряет, один краешек остался. Так что болеть моим бокам на этих скалах! Хоть бы плащ пастушеский был, сайяль который. Знал бы, у парней из Месты прикупил!

Сел я на корточки и загрустил. Сеньор Рохас рядом примостился – чтобы мне самому грустить не так скучно было. Одному Дону Саладо хоть бы хны, у него бока железные – спи, хоть на гвоздях. Обернулся я, дабы на рыцаря своего перед сном взглянуть, ан глядь – нет рыцаря. Не иначе за скалу завернул – нужду справить. Воспитанный он у нас!

– Расскажите что-нибудь, сеньор лисенсиат, – вздохнул я. – Грустно оно как-то!

Передернул толстячок плечами, в сторону посмотрел.

– Знаете, Начо, ваша жизнь поинтереснее моей. Так что вам и рассказывать!

И вновь подивился я – в который уж раз. Это когда же образованный человек случай упустит языком потрепать? Да быть того не может!

– Да чего уж тут рассказывать, сеньор Рохас! Родители померли, когда я совсем сопляком был. Я ведь даже имен их не знаю, только фамилию запомнил. От голода померли. Голодуха тогда в Астурии у нас была страшная – почитай, все село вымерло. Вот и пошли мы с дружкой моим на юг, чтоб прокормиться. А его дорогой собаки разорвали. Большие такие, их с островов Канарских привозят, чтобы на людей спускать. Мы тогда с голодухи-то этой в сад чей-то залезли...

Прикрыл я глаза, губу закусил. И действительно, что вспоминать? Как эти псы Хуанито, друга моего, на части рвали, а он все кричал, все умирать не хотел? Как я после этого три года заикался, говорить почти не мог? Спасибо падре Рикардо – выходил, на ноги поставил...

Да, один человек мне в жизни и встретился – такой, чтоб настоящим был. Эх, падре Рикардо! Если б все это сейчас случилось, я бы за него всех парней с Берега поднял, сам мертвым лег, а тем гадинам зеленым не отдал бы! А тогда что, мне только-только тринадцать исполнилось. Или меньше

даже...

– Извините, Начо, – тихо-тихо проговорил сеньор Рохас. – Я не хотел...

Дернул я плечом, думал сказать, что все пустяки это, ведь я – пикаро, а пикаро никогда на жизнь не жалуется, потому как сами никого не жалеют, значит, и чужого сочувствия не ищут...

Хотел сказать – не успел.

– Начо!!!

Я чуть не подпрыгнул. То есть не чуть – вскочил, рука у пряжки, где дага...

Дон Саладо!

Борода-мочалка – дыбом, в глазах – пламя плещет, переливается.

– Начо, там... Там... Рыцарь! Странствующий рыцарь! У перекрестка!

Фу ты!

Первая мыслишка – связать. Связать, воды из ручейка набрать, да той водичкой идальго нашего и попользовать – охолонул чтоб. Вторая – жалко все же...

– Да нет там никакого рыцаря, ваша милость, – махнул я рукой. – Еще скажите – василиск!

– Нет, нет, Начо! – даже голос его задрожал, от переживаний, видать. – Копье! Копье мне!

Верил я, верил, сеньоры!..

И уже на конька своего взбирается. Плохо это у него выходит – с одной-то рукой. Но – взобрался. Взлетел даже.

– Вперед, сеньоры!

– Давайте сходим, – невозмутимо предложил лисенсиат. – Может, какая-нибудь коза забрела...

Не стал я спорить. Почему бы перед сном не прогуляться? Только бы с козой этой рыцарь мой битвы не начал!

А Дон Саладо...

– За мной, сеньоры! Санто-Яго Компостело-о-о-о!

И – простучали по камням копыта.

– Поспешим, – вздохнул я. – А то свалится еще!

А вот скала позади. Крутой подъемчик, запыхался даже! Ну, где коза?

Поглядел я туда, где перекресток. Поглядел.

Обмер...

Над горами – вечер красный,
Словно кровь лилась по небу,
Скалы лезут к поднебесью,
В небеса зубцы вонзают.
Перекресток, камень черный.
И стоит недвижней камня
Рыцарь на коне огромном
В темном шлеме и в кольчуге,
А рукой копьё сжимает.
Конь копытами уперся,
Словно вылит он из бронзы,
До земли свисает грива,
На боках парча золотая...
Я хотел перекреститься,
Да не смог – застыли пальцы.

И все-таки перекрестился – после того, как пальцы по одному расцепил. В ладонь впились,

чуть ногти кожу не порвали.

Не исчез! Стоит, копьё – к небу, не двигается, даже страшно мне стало...

То есть не “даже”...

– Из королевского войска, похоже, – неуверенно проговорил сеньор лисенсиат, близоруко всматриваясь в нежданного гостя. – Странно, вся конница сейчас у Гранады...

И тут я очнулся. Очнулся, пот холодный со лба вытер. И вправду, этак и спятить можно! Конечно, какой-нибудь кабальеро или просто стражник, дорогу от разбойников стережет...

Эге, а со стражниками лучше бы не встречаться! Да как не встретиться, если Дон Саладо...
...Вот он, Дон Саладо! Уже у камня. Ну, все!

– Приветствую вас, о благородный рыцарь, возле этого перекрестка. Не могу ли я помочь вам исполнить некий обет? Или желаете вы скрестить копьё во имя прекрасной дамы!

А у самого голос дрожит пуще прежнего. Ну, ещё бы! Эх, не выберемся! Кликнет сейчас этот железный подмогу, набегут альгвазилы с веревками...

– Привет и вам, рыцарь! Рад я встрече с вами, хоть и дивной она мне кажется. Но в любом случае Хорхе Новерадо рад приветствовать собрата по доблести. Правы вы, рыцарь, имею я некий обет, однако же не помочь вам мне его исполнить...

Глухо так его голос звучал, странно. Это потому, что шлем у него с забралом. Большой такой шлем – как горшок.

Пока мой идальго этому Хорхе представлялся (по полному списку со всеми Торибио и Кихадами), пока я глазами лупал, ушам своим не веря, толстячок задумался, нос принялся свой короткий чесать.

– Знаете, Начо, я где-то уже слышал это имя. Хорхе Новерадо, гм-м...

Может и встречал, да не это сейчас важно. Как бы рыцаря моего этот Новерадо не зашиб! Пока разберется, с кем дело имеет...

– Обет же мой, сеньор Саладо, в том состоит, чтобы мимо сего камня никого из гостей незваных не пропускать, не вызвав его на честный бой...

Ой! Сейчас начнется!

– О, сеньор Новерадо! – мой идалго вновь подпрыгнул, на этот раз вместе с коньком. – Поистине это истинно рыцарский обет! И готов я немедля...

Я понял – пора. Иначе собирать мне Дона Саладо – по кусочкам.

Дагу вынуть? Нет, рано еще...

– Добрый вечер, сеньор, – начал я, поближе подойдя и на железного этого поглядывая. – Мой славный хозяин, Дон Саладо, охотно поможет исполнить вам обет... но не сейчас.

– Что ты говоришь, Начо!.. – вспыхнул доблестный идалго, но я только плечом двинул.

– Хозяин мой недужен, как видите, а это, знаете, не по-рыцарски будет – с хворым да сухоруким биться. А ежели вам подрасться приспичило, то Начо Бланко к вашим услугам!

Говорю – а сам в прорезь, что поперек его горшка-шлема идет, всматриваюсь. Внимательно так. Он, конечно, при коне да в железе...

Но и не таких резали!

– Приветствую тебя, храбрый эскудеро, – вздохнул сеньор Хорхе Новерадо. – Твой порыв поистине рыцарский, однако же не намерен я нанести твоему хозяину какой-либо вред. Не от христианских рыцарей стерегу я эту дорогу, вам же очень рад, ибо давно, очень давно не было в замке моем гостей... Не мог бы ты представить вашего спутника? Он, я вижу, человек ученый...

В общем, познакомились.

– Вспомнил! – сеньор лисенсиат даже пальцами в воздухе щелкнул. – Новерадо – известный род из Старой Кастилии! Ну конечно!

Мы снова ехали вверх между скал. Дон Хорхе с Доном Саладо впереди, мы с толстячком

– чуть поодаль.

– Новерато прославились два века назад, когда шли бои за Андалузию. С одним из них случилась какая-то история, очень неприятная...

Мне, признаться, все равно было. Мало ли родов знатных у нас в Кастилии? Астурийцы, земляки мои, между прочим, все до единого дворянами считаются, потому как нами ни дня мавры не владели. Оттого и белые мы – кровь сберегли.

Хоть и давно все это было – а приятно. И что не на камнях ночевничать выпало – тоже приятно. Вовремя мы этого рыцаря встретили! Скучал, наверно, в своем замке – и поехал прогуляться, воздухом горным подышать.

...А что тут, среди скал живет – тоже понятно. Слыхал я, в последние годы многие из тех, что познатнее, подальше от Вальядолида переселились. Крепка, говорят, рука у королевы Изабеллы! Вот и отсиживаются кто где.

Но все-таки в этом всем было что-то странное. Но вот что? Ломал я голову, ломал...

– Вы обратили внимание, Начо, – продолжал между тем лисенсиат, – какие у сеньора Хорхе доспехи? Старинные, такие сейчас немало стоят!

Ну конечно! Толстячок-то наш по всем этим тарчам да саладам – первый знаток.

– Его шлем – это же torfhelm! Очень характерный, с бармицей... Сейчас такой только в какой-нибудь старой церкви и увидишь. И наколенники, заметили?

Загорелся сеньор лисенсиат. Любит он, видать, старину!

– Он не в латах – в кольчужной рубахе. Такие доспехи были у самого Сиды! То есть, конечно, не совсем такие...

А по мне, что Сид, что Артуро, что Ланчелоте. Другое непонятно...

Только вот что?

Ага, вот и подъем кончился!

Замок!

Стены черные – зубцами,
Плотно заперты ворота,
А над всем – донжон темнеет,
В узких окнах – сгустки тени.
Словно спит химерный замок,
Заколдованный навеки.
Глухо бьют копыта в камень,
Тишина вокруг, молчанье,
Словно к склепу подъезжаем.
Только вдруг запели трубы,
И ворота заскрипели.
Вот и факелы на стенах.
Засветились враз окошки,
Ожил замок! Словно сняли
Вековечное заклятье.
Повернулся к нам дон Хорхе,
С головы снял шлем тяжелый,
Улыбнулся, руку поднял:
“Вас приветствует Анкора!
Будем рады мы гостям!”

ХОРНАДА VII.

О том, как сеньор Хорхе Новерадо играл с нами в старинную игру.

Паренька этого я сразу заметил, как только мы во двор въехали. То есть, не совсем чтобы заметил – темно уже стало, ночь совсем. А факелы, известное дело, шага на два тьму прогоняют, а дальше чернота вроде бы как сгустком идет. Так что я все больше угадывал. Да и что угадывать? Бывал я в таких замках. И в Кастилии (она ведь в честь замков и названа), и в Италии – там крепостей таких хоть ослом моим ешь. Этот-то замок, Анкора, по сравнению с ними совсем скорлупка. Ну, двор понятно, стражники в кольчугах, слуги с факелами (все мрачные какие-то, из-за темноты, видать). Ну и паренек этот – возле самого крыльца, что ко входу в донжон идет. Стоит себе такой невысокий, худой, узкоплечий, в плаще до пят – и лобастый, хоть сейчас бодаться начинай. А нас с доном Хорхе (понял я уже, что этот Новерадо не просто “сеньор”, а “дон”, зря, что ли, замком владеет?) увидел – дернулся и вперед аж побежал. А мы как раз с одров наших слазили.

– Сеньор Новерадо! – громко так, испуганно. – Отец! Что случилось?

Заведено так у благородных – родителей полным именем титуловать.

А дон Хорхе ласково так его по плечу:

– Случилось, но думаю, все это к добру. Познакомься с гостями, Инесса!

Кто?

Он (она?!) к нам поворачивается, а глаза испуганные почему-то (огромные такие глаза, темные, утонуть можно):

– Извините, благородные сеньоры! Просто гости к нам жалуют так редко...

– Инесса, – улыбается сеньор Новерадо. – Моя единственная дочь. А это...

Ведь почему я перепутал? Темно потому что, опять же плащ, и на голове у него, у нее, то есть, шапочка какая-то дивная, не носят у нас таких.

Ну, поклонились, Дон Саладо чуть ли не в пояс согнулся, а после в донжон замковый пошли. А покуда по ступеням вверх карабкались, я все понять не мог, отчего они дом себе не выстроят. Кто же это сейчас в донжоне живет? Соседи у них буйные? Так ведь нет, вроде, тут никаких соседей!

Пока за стол садились, пока ужинали, я все молчал больше. Обычное дело: не понимаешь чего – молчи. А тут много вокруг непонятного было. Бедно очень, стены каменные, только в зале круглом, где стол накрыли – побелка. Ну, бедность – дело привычное, да только тут странная бедность какая-то. Стены голые, а на них – оружие в каменных цветных да ковры – тоже цветные. Ну, по оружию это больше Дон Саладо вкупе с сеньором Рохасом знатоки (то-то они от меча к мечу кидались!), а вот с коврами...

Возили мы такие! Из Алжира (будь он неладен, хуже Сицилии), из Берберии, из Туниса. Да за дюжину ковров таких можно целый дом построить. А тут их не дюжина – больше. И гобелены (эти мы из Прованса к нам сплавляли), а на гобеленах – рыцари в шлемах, дамы в платьях старинных. Дали бы мне их, так я за месяц дону Хорхе особняк в центре Севильи купил! На Морской улице, скажем, возле самой Хиральды-колокольни.

Ну, да не мое это дело. Живут – и живут. У тех, что самые благородные, свои причуды. Только вот не все это оно, непонятное. За столом сидим, Дон Саладо с лисенсиатом-толстячком в два голоса чего-то рассказывают, а я их не слушаю, за хозяином да сеньоритой Инессой незаметненько так послеживаю. Они, ясное дело, вежество свое кажут, улыбаются, кивают даже. А в глазах... Вроде бы как заглянул к папаше Молинильо на двор его постоянный настоящий великан. Влез в комнату, на пол сел, головой в люстру уперся и стал бы про дела свои великаньи излагать.

Так что и вправду дивно. Тем более, Дон Саладо молодцом себя держал – людоедов с великанами этими в стороне оставил и все больше про войну с маврами рассказывал, да про Малагу, да про старого короля Хуана, да про короля Энрике, при котором смута была, и про нашу Изабеллу,

конечно.

А дон Хорхе с дочерью все переглядываются, а Инесса (то есть, понятное дело, сеньорита Инесса) губку так закусывает – волнуется...

...К ужину она переодеться успела, и вновь я удивился. Ну где так одеваются? Платье длинное, до горла самого, на голове шапочка, но уже другая – совсем маленькая, бисером шитая. Или я не знаю, чего дамы с девицами нынче носят? Такое платье вкупе с шапочкой только на гобеленах, что на стенах здешних висят, и увидишь.

Но и это – не мое дело. Тем более, покормили славно, и винцо неплохим оказалось. Только перца много – и в мясе, и в вине. Ну прямо рот горит!

...И перец мы тоже возим – из Леванта самого. Прав толстячок – незаменимый я человек!

А как поели, как руки розовой водой ополоснули (а вода-то – в миске серебряной!), встал дон Хорхе...

– Дорогие сеньоры! Должно мне пригласить вас в опочивальни, дабы отдохнули вы от пути долгого. Но ежели желание ваше будет, то посидим мы еще у огня и предадимся славной беседе. Ибо скажу еще раз – давно в замке моем гости не появлялись, и ценно для меня каждое слово ваше!

Переглянулись мы с сеньором Рохасом, потом с рыцарем моим. Устать мы, конечно, устали (один петух-василиск чего стоил!), но вроде как отдохнули уже.

И решили мы остаться. У огонька посидеть.

Слуги – смурные они тут, слова не скажут – стол разобрали, унесли, а мы в кресла сели. То есть, они все сели, а мне табурет достался. Ну, табурет – так табурет, мы люди простые. А вот что дон Хорхе дочь свою услал – жалко. Я бы на нее еще бы поглядел.

И ведь некрасивая! Лоб в пол-лица, губы маленькие, щеки какие-то впалые. Но ведь человек – это не лоб и не губы. Было в ней что-то! Недаром заметил я – те, что самые благородные, никакой

красоты не имеют. Зато есть в них что-то этакое – даже не знаю, как назвать. Порода, что ли? Вот наша королева Изабелла...

Точно! Вот кого мне сеньорита Инесса напомнила. Ее, королеву нашу! Лицо, конечно, другое (лоб разве что тоже большой), но все вместе...

Или родственница какая? А почему бы и нет? У этих Трастамара – родичей пол-Кастилии. Может, и я тоже – родич?

Так что сижу я на табурете, об Инессе лобастой думаю, о королеве думаю, в огонь смотрю. Большой очаг, чуть ли не быка зажарить можно. А остальные по-прежнему о жизни толкуют. То есть Дон Саладо и толстячок толкуют, а хозяин наш, дон Хорхе – тот больше слушает.

Кивает.

Наконец подзывает слугу, кубок серебряный с блюда берет, к губам подносит. И нам – по кубку. А там – вино подогретое с пряностями разными.

Пьем. Ставит дон Хорхе кубок обратно на поднос, слуге ладонью машет – мол, шагай отсюда, а сам встает, к очагу подходит.

Молчит.

Долго так молчит, затем к нам поворачивается.

– Много дивного рассказали вы мне, сеньоры! Редко тут гости бывают, так что мало мы с дочерью моей знаем о том, что деется за горами. Скажу больше, по причинам неким в замок наш попасть очень трудно, невозможно почти. Вы же и меня встретили, и в замок въехать смогли...

И – снова молчит.

Опять загадка! Наверно, разбойников тут – пруд пруди, потому и не доехать до Анкоры этой. Ну и повезло же нам!

А дон Хорхе подумал еще чуток, улыбнулся, бороду свою черную рукой тронул:

– Полно об этом! Хочу предложить вам, дорогие сеньоры, сыграть в некую старинную игру.

Суть ее вот в чем состоит: каждый из вас расскажет случай, самый необычный в вашей жизни. Под необычным разумно я не случайность житейскую, а то, что истинной загадкой для вас осталось и разумом объяснено быть не может. Мы же все вместе выслушаем и решим, чей случай самым удивительным покажется.

И вновь мы переглянулись. Не люблю я откровенничать, душу выворачивать, но ведь сейчас вроде бы не о душе речь идет?

Переглянулись – согласились. А дон Хорхе меж тем продолжает:

– Играем же честно, сеньоры. Пусть лучше промолчит кто, ежели рассказывать не пожелает. Не стану говорить, что выдумывать в такой игре не должно...

Ну, это понятно! Дон Саладо мой весь подобрался, вперед подался, чуть с кресла не свалился. Сеньор лисенсиат ради такого случая окуляры на переносицу нацепил.

С него и начали – с сеньора Рохаса. Поерзал толстячок в кресле, ручки свои пухлые потер:

– Сказать я вам сперва должен, сеньоры, что как человек, к наукам склонный, не разделяю я суеверия веков минувших, равно как века нынешнего. И, право, смешно мне слушать тех, кто увлекается поиском камня философского или же будущность по звездам определяет. Но был все же случай...

Помолчал, вновь ручки свои потер, пальчиками покрутил.

– Гостил я как-то в городе Болонье, в университете тамошнем, старейшем во всем мире христианском. Как-то пригласил меня в к себе сьер Америго Батильери, человек весьма ученый, однако, увы, все свои средства тратящий на смешное суеверие, называемое алхимией. Был он учеником знаменитого Базилия Валентино и, как говорили, знался с самим Агриколой, который жил в Болонье незадолго перед тем. Пятеро нас в его доме собралось, причем все – люди достойные, достаточно в делах этих понимающие. И когда в очередной раз изъяснили мы сьеру Батильери свое мнение, к алхимии относящееся, предложил он паразит нас неким опытом. Вначале мы не

соглашались, поскольку знали, что опыты алхимические – суть обычные фокусы, подобные фокусам уличных бродяг. Но стал съер Батильери настаивать, и, наконец, согласились мы. Съер Вертулли, университета тамошнего профессор, послал слугу своего домой за памятной медалью, хранившейся в его семье. Медаль же та, серебряная, с блюдце целое величиной, вычеканена была еще при покойном папе Николае в честь юбилейного года, 1450-го от Рождества Христова. На медали был изображен сам папа Николай, на обратной же стороне – Мадонна с младенцем и ключи Святого Петра...

Тут даже мне интересно стало. Слыхал я об этих алхимиках! Для одного из них мы из Турции какие-то камешки да порошки привозили. Дорого они ему обошлись – чуть ли не на вес золота.

– Осмотрели мы упомянутую медаль, все царапины на ней приметив, – продолжал сеньор лисенсиат. – А затем взяли острый скальпель и процарапали на ней свои вензеля – чтобы подменить ее невозможно было. После чего погрузил эту медаль съер Батильери в алхимический куб, развел огонь и субстанции некие добавил. Мы же в стороне сидели, ничего из делавшегося не пропуская. Опустил же медаль съер Батильери в куб ровно наполовину. И что же? Через два часа с четвертью извлечена была медаль, омыта и нам показана. И – верите ли? – та половина, что в куб погружена была, золотой оказалась! Мы, подозревая в том фокус или, попросту говоря, обман, не пожалели медаль, на части ее разрубив и те части достойно осмотрев. И подивились, ибо серебро и вправду заместилось чистым золотом. Добавлю, что царапины все, нами примеченные, равно как вензеля наши, остались на месте. И с тех пор не знаю я, что и думать. Не верю я в алхимию, но верю глазам своим и глазам моих достойных коллег. Таков, пожалуй, мой рассказ будет...

– Славная история! – кивнул дон Хорхе, и мы с ним, конечно же, согласились.

...А я меж тем уже прикидывать стал, что неплохо бы нам с этим Батильери поближе познакомиться да поручкаться. Болонья, конечно, не ближний свет – но и не такой уж дальний.

Если не помер съер Батильери, конечно. Или за колдовство не спалили.

А тем временем очередь рассказывать к моему идальго перешла. Я вначале и слушать не захотел.

Начнет перечислять сейчас людоедов с великанами да с василисками. Опозорится, и себя дураком выставит, и нас!

Эх, надо было с самого начала игру эту не затевать. Поздно спохватились!

А Дон Саладо бородой-мочалкой дернул, голову вскинул:

– Поистине есть у меня такая история, сеньоры! Хоть и немало в моей жизни случилось всяких чудес, и повидал я всякое...

Я только вздохнул. Еще бы! Ну, сейчас, будет! “Еду я, сеньоры, и вижу замок людоедский...”

– ...но история эта и вправду дивной мне кажется. Под Малагой это было, когда только подступили мы к ее стенам. Воевал в войске нашем некий юноша из Ламанчи, фамилия же его с моей сходна была – Кехано. Не был он рыцарем еще, но воевал храбро, и обещали мы ему, что как только возьмем передовой бастион, что звался Гемера, то прямо на валу его посвятим оного сеньора Кехано в рыцари. Но за день до приступа, а было это как раз на праздник Святой Троицы, проклятые мавры совершили вылазку, и ранен был сей Кехано, причем ранен весьма тяжело, а посему и в лагере оставлен под присмотром братьев-траппистов, что больных и недужных пользовали. Приступ же весьма горяч был, и потеснили нас мавры, и сыграла уже труба отступление, когда узрели мы на самом валу сеньора Кехано без шлема, в одной кольчуге легкой. И бросился сей юноша на мавров, и поразил их без счета, и взяли мы бастион Гемера. Там же, на вершине вала, как и обещано было, дон Алонсо Энрикес, великий адмирал Кастилии нашей, посвятил сеньора Кехано в рыцари. И славили мы юношу этого, и поздравляли, и восхваляли Господа за великую победу...

Раскраснелся мой идальго, разволновался. Славный, наверно, был вояка!

– Когда же в лагерь мы вернулись, рассказали нам братья-трапписты, что умер сеньор Кехано – как раз в самом начале приступа. И покоился тут же труп его, уже охладевший, и кровь была омыта, и на глазах лежали монеты медные. И с тех пор, сеньоры, не ведаю я, что и думать. Ибо не призрак воевал вместе с нами – сам я жал его руку, и была та рука горячей и твердой, и другие то видели, сам

дон Алонсо Энрикес, великий адмирал, всему случившемуся дивился...

Помолчал Дон Саладо, головой в повязке мотнул. И мы помолчали.

– Дивный рассказ, спорить нечего! – согласился дон Хорхе. И – на меня взглянул.

А что – я? Я тоже всякого навидался, расскажу – не поверят. Да только меня ведь спросили про самое-самое! И поди пойми, что это? Вот ребята с Берега считают, что везучий я. И Калабриец так думает, на самые опасные дела меня берет. И действительно, везет. А если подумать, то и вправду: в детстве, когда в Астурии жил, с голоду мог помереть – не помер, в Севилье раз сто зарезать могли – не зарезали. И на галеры (“скамейку” – по нашему) не попал, и корсары алжирские в рабство не забрали.

Да все не то. А вот то самое... Тем более, честно говорить просили.

Отмолчаться? Неудобно вроде, толстячок рассказал, и идальго мой калечный тоже...

– Не знаю, сеньоры, – вздохнул я. – Человек я не больно ученый, так что мало в таких делах понимаю. Может, почудилось мне...

– Не смущайся, Игнасио! – улыбнулся дон Рохас. – Ибо верим мы каждому слову твоему.

...Для него я, понятно, не Начо – Игнасио! Благородный, вежество всякое знает!

– Ладно! – решил я. – Слушайте!

Никому я об этом еще не говорил – только падре Рикардо. Он-то мне поверил!

– Кажется мне... Ну, в общем, видел я Святую Деву Марию, заступницу нашу милостивую...

Выговорил – и сжался весь. Вот сейчас сеньор Рохас, губами своими улыбочку изобразит!

Нет, не изобразил толстячок. Слушает.

– То есть, сеньоры, я и перепутать мог, мне тогда лет шесть было. Мы с дружкой моим, Хуанито, как родители наши, царствие им небесное, с голодухи померли, на юг подались, в Андалузию. Ну, тепло там, хлеб есть. Да как-то погнались за нами собаки, у Хуанито нога подвернулась, упал он, закричал, а я не обернулся даже – страшно! Собаки эти проклятые не отстают

– догоняют, много их там было, одни друга моего рвут на части, другие, стало быть, за мной...

За спиной – затихли крики,
Не орет уже дружок мой,
Помер, значит, Хуанито!
Плохо помер – хуже нету!
А канарские ищейки
Мне на пятки наступают.
Лай собачий да ворчанье –
Словно смерть в затылок дышит!
Под ногами – листья, листья,
Лес вокруг, бежать нет силы,
В горле сухо, будто камень
В рот зачем-то затолкнули.
А собаки – ближе, ближе,
Понял я – не убежать мне.
Вот и все, выходит, Начо!
Лучше дома бы ты умер,
Чем попал в собачьи зубы!
Тут деревья расступились,
За деревьями – дорога,
Перекресток и часовня.
Добежать бы! Сил уж нету,
Прыгнул камешек под ноги –

И упал я носом в землю,
Для канарских псов – закуска.
Только слышу голос чей-то,
Тихий голос, ровно шепот:
“Их уж нет! Не бойся, мальчик!
Я всегда с тобою буду!”
Приподнялся – где собаки?
Нет проклятых, ни следочка!
А у старенькой часовни
Словно пламенем одета,
В белом плато, в ризе белой
На меня глядит Она.

– Все ли с тобой в порядке, Игнасио? – спросил дон Рохас, заботливо так спросил. Мне даже не по себе стало.

– Да все в порядке, сеньор, – вздохнул я. – Переволновался только чуток, пока рассказывал. Бывает это!

– Поистине, сеньоры, это самая дивная история! – воскликнул Дон Саладо. – И отдаю я свой голос за то, чтобы признать моего славного эскудеро победителем в этой чудесной игре!

И все с ним согласились, спорить не стали. А я уже в себя пришел, поблагодарил, понятно – и снова странность приметил. Все мы о своем рассказали, а хозяин наш, сеньор Хорхе Новерадо – нет. Как же так?

Не спалось мне ночью. Ну никак не спалось. И до тысячи считал, и по комнатушке, что мне

досталась, из угла в угол ходил. Нет, не так что-то! И с доном Хорхе этим, и с замком. А в башку словно гвоздь забили – ведь заметил я что-то, еще там, у перекрестка! Заметил – а вспомнить не могу. Оно, понятно всякое бывает. Может, хозяйева здешние – чудики, вроде моего идальго. Тот за великанами гоняется, эти из гор носу на кажут.

Но все равно – не так что-то! Вроде, и бояться тут нечего, опасность-то я кожей чую, печенкой. Нет, не зарежут и маврам не продадут, но все же...

А как заснул, уже под утро, такое сниться начало! Никогда ничего подобного не видел – даже во сне. Будто бы в горах я, в ущелье узком...

Латы блещут, крест кровавый
По плащу огнем растекся,
На руке моей – перчатка
Из тяжелой твердой кожи,
А в руке уже не дага –
Меч в руке из синей стали.
А вокруг – лихая сеча,
И веду я в битву войско.
Каждый воин – в белых латах,
И на каждом – крест алеет.
Подивился я такому –
Не иначе Дон Саладо
Сон мне этот одолжил!

ХОРНАДА VIII.

О том, как мне достался платок, завязанный семью узлами.

– Горы-то красивые, слов нет, – согласился я, глаза от солнца прикрывая, дабы эти самые горы получше увидеть. – Только, сеньорита, вы бы меня “сеньором” не величали, а особенно с фамилией вместе. Ежели честно, непривычно оно как-то!

...То есть, не в привычке, конечно, дело. Просто как услышу “сеньор Гевара”, все начинает казаться, что я у севильского коррехидора.* Он, гадина очкастая, вежливость изображает. Даже перед тем, как на дыбу послать, все “сеньор”, да “сеньор”. И – по фамилии! Не Бланко, а Гевара. Все знает, змеюка!

* Коррехидор – королевский судья.

Впрочем, сам я виноват – спросила меня сеньорита Инесса, отчего это фамилия моя такая странная – не как у идальго, вроде. Ну, а я, дурень, хвост распушил, что твой петух, и ляпнул: мол, Бланко – прозвище, не фамилия. Белый потому что, и монета еще такая есть, бланко. Маленькая совсем, в половину мараведи. А я тогда среди пикаро, что на площади Ареналь в Севилье собирались, самым маленьким и был. И белым самым.

– Вы правы, Игнасио, – чуть подумав, кивнула сеньорита Инесса. Серьезно так кивнула, значительно. – Конечно, среди рыцарей, что каждый день с врагами смертно бьются, нелепо соблюдать этикет, для дворцов придуманный. Но и вы, Игнасио, по имени меня зовите.

Чуть не подавился. То есть, не чуть – подавился слегка. Воздухом. За кого же лобастая меня

принимает?

Да я уже понял – за рыцаря. Вернее, за рыцарского оруженосца – за эскудеро, значит. Этакий юноша благородный Игнасио Гевара по прозвищу Белый.

Белый Идальго почти! Ха!

А все потому, что утром мы так и не уехали. И собрались, вроде, уже, и Куло мой ушами дергал – застоялся, гулять хочет. Только вдруг прибегает лисенсиат наш, глаза – с двойной реал каждый, носик дергается, точно у кролика какого. Сеньоры, мол, сеньоры, я тут такое увидел! Мне хотя бы часок, или два, или лучше неделю...

А увидел он книжки, библиотеку, то есть. Нам еще вчера дон Хорхе сказал, что в Анкоре этой книжки имеются. Мне-то что, а толстячок запомнил. Запомнил – и утречком попросил разрешения туда нос свой короткий сунуть.

Сунул – и очумел. Очумел, о невесте своей даже забыл.

И что тут делать? Хозяин наш, сеньор Новерадо, возражать не стал, Дон Саладо тоже. А мое дело маленькое.

Но вот что интересно. Сеньор Рохас, понятное дело, в библиотеку нырнул – как раз она под тем залом круглым, где ужинали мы. А сеньор Новерадо моего рыцаря – хватить! И увел. И тут только сообразил я, что книжки те вроде крючка с наживкой. Сеньор Новерадо толстячка нашего сразу раскусил, вот и закинул удочку. Видать, очень ему хотелось с Доном Саладо наедине остаться да поговорить по душам.

И скажите мне на милость, о чем? О великанах с василисками? Так вроде дон Хорхе в своем еще уме.

А меня сеньорита эта лобастая на самый верх повела. Горы показывать. Красные они тут! А небо не голубое даже – белое. От жары видать.

– Я часто сюда прихожу, – вздохнула сеньорита Инесса, на горы эти красные глядя. – Мир такой большой, Игнасио! А для меня мир – только это...

А я в затылке почесал. Ну и папаша у нее! Никуда дочку не пускает. Она же тут спятить может, в этих горах.

Вот бедняжка!

– Там, на юге Севилья, да? Какая она? Большая, наверно?

– Что? – очнулся я. – Большая? Это уж точно!

И действительно большая, за день не обойти. И за два тоже. Но я-то обошел! Так что я про Севилью нашу неделю рассказывать могу. И про Собор наш с Хиральдой Поднебесной, и про Триану, и про Башню Золотую, и про то, где какие лодки к набережной Гвадалквивира пристают, и про Морскую улицу, и про Мавританскую, и про площадь Ареналь. И про пригороды все...

Есть чего вспомнить!

– Сколь славно, Игнасио, что ныне Севилья принадлежит добрым христианам, – вновь вздохнула она. – Даже не верится! Наконец-то...

Хотел я сказать, что двести с хвостом лет назад она нашей стала, но, понятно промолчал. Лобастая, поди, только байки про мавров и слышала, вот и живет, как при Сиде Компеадоре.

– А ведь вы моряк, Игнасио? – в темных глазищах словно вспыхнуло что-то. – Как бы я хотела море увидеть!

– Ну, не совсем моряк, – смутился я. – Но море видел, это точно.

Не моряк, потому что канаты тянуть и румпель крутить – это для других. Пехота я – морская. Для того Калабриец меня с собой и берет. Для дел всяких интересных. Да только не рассказывать же этой лобастой, что такое abordaj, или как тюки с шелком в бурю с борта на борт перекидывать!

– Пойдемте! – маленький острый подбородок резко дернулся. – Спустимся ко мне, и вы мне

все расскажете, Игнасио. Все, что помните! И про Севилью, и про море.

Все? Ну, сказала! Однако же, нечего делать – пошел.

А бедная у сеньориты Инессы комнатка оказалось! Ковер, правда, есть, и кровать балдахином занавешена. И – все, если распятия не считать да двух табуреток. И еще лютия на подоконнике лежит. Не балует дочку дон Хорхе, не балует!

Один табурет мне достался, другой – ей. Сел я, воздух выдохнул, потом вдохнул.

И – поехали!

Ох, как она слушала! Будто я из Индии или с острова Сипанго приплыл. Словно я – последний, с кем она в жизни разговаривает. Ну, а я уж стараюсь. Тут ведь с умом нужно. Про наши с Калабрийцем дела языком трепать не след, не для ее это ушей. Плаваю себе, и плаваю. А вот про города разные – можно. И как папу римского на площади Петра Святого видел – тоже можно. И про всякое другое.

Слушает – вся вперед подалась, глазища черные горят, пальцы четки перебирают. А я этак незаметно сворачиваю туда, где девицам особо интересно. Чего где носят, во что ножки обувают, какие сейчас привычки у девиц этих. Я не то чтобы знаток великий, но кого в каждом городе вперед всего примечаешь? Их и примечаешь, красавиц.

Вот и пригодилось!

Отчего-то ей, лобастой этой, больше всего про Венецию понравилось. И то, что на гондолах там плавают, и что дамы с девицами часами на крышах просиживают – волосы солнцем выбеливают. А особенно про цокколи – обувку ихнюю, новую, самый писк. И действительно, каблук – в локоть от земли! Ходят, как на ходулях, бусами да серьгами позвякивают. Цок-цок, цок-цок! Оттого и назвали.

Рассказал я про эти цокколи. Выдохнул, на солнышко поглядел. Ого, считай полдня трепался! Как только язык еще движется?

– Спасибо, – кивнула она, значительно так кивнула. – Это все... Это все очень важно.

Хотел я пошутить – насчет цокколи, но понял – нельзя. Серьезная она девочка (то есть, конечно, сеньорита). Даже слишком. Ни разу не улыбнулась даже!

– Я знала, что мир большой, но не знала, что он такой... Такой разный. Жаль, мне не увидеть!

Грустно так сказала! Что за бес? Или дон Хорхе до конца дней дочку солить в этих стенах собирается? Ведь замуж выдавать уже пора!

Подумал – и язык прикусил на всякий случай. Ну и мыслишки у тебя, Начо!

– Так ваш замок тоже ничего, сеньорита... То есть, Инесса, – ляпнул я. – Крепкий такой замок!

И горы красивые, значит.

Не ответила. Дернулось лицо – словно ударил ее кто.

– Этот замок... Его называли Заком Королевской Измены. Вы слышали, Игнасио?

– Да откуда мне слышать-то? – развел я руками. – И какому-такому королю тут изменили?

– Не королю, – тихо-тихо ответила она. – Значит, и это уже забылось... Тогда Кастилией правил король Альфонсо.

– Слышал! – обрадовался я. – Который Севилью вернул?*

* Севилью отобрал у мавров король Фердинанд III Кастильский, но в народной памяти эту заслугу приписывали его предшественнику Альфонсо.

– Да... – еще тише ответила она. – Но это случилось раньше, тогда в Севилье были еще мавры... Есть один романсьеро, очень старый...

Встала, плечиками дернула, словно морозом ее пробрало, отвернулась.

– Если хотите... Я могу спеть.

– Еще бы! – обрадовался я. – Хочу, понятно!

А что? Люблю, когда девицы поют. И когда танцуют – тоже люблю. А вот когда грустят – это лишнее. А Инесса как раз загрустила чего-то, так пусть развеселится чуток. И я послушаю.

Подала голос струна – негромко так, чисто. Затем другая, третья...

– Редко я играю, – наконец-то улыбнулась она, – а пою еще реже. Но...

И тут – словно стерло улыбку. Сжались губы, блеснули глаза.

– Слушайте!

Чуток помолчала, глаза на миг прикрыла.

Легли пальцы на деку...

Разошлась молва в народе,
По Кастилии свободной,
По Леону и Наварре,
Будто зол король Альфонсо,
Спать не может он от гнева,
Ходит тяжкими шагами
По дворцовым он покоем,
Кулаки сжимая с хрустом.
И не мавров проклиняет,
Не безбожных сарацинов.
Зол король на дона Хорхе,
Повелителя Анкоры.
Славен Хорхе Новерадо,

Всей Кастилии известен,
Не пускает Хорхе мавров,
Что гнездо в Севилье свили,
Через горы Сьерра-Мадре.
Каждый день стоит на страже,
Все наскоки отбивая.
Всем богат дон Новерато,
Но иных богатств дороже
Дочь, прекрасная Инесса.
И слушок в народе ходит,
Будто сам король Альфонсо
Кликал юную девицу,
В свой дворец в Вальядолиде,
Ибо в ссоре был великой
С королевой, доньей Кларой.
Только гордая Инесса,
Честь свою оберегая,
Отказала королю.

А Севилье мавританской
На брегах Гвадалквивира
В своем замке Алькасаре,
Что из золота построен,
Абенгальб, эмир севильский

Тоже с горя спать не может.
Вновь разбиты его мавры,
Снова Хорхе Новерадо
Не пустил их в Сьерра-Мадре,
Разгромил у стен Анкоры!
Абенгальб письмо читает,
И лицо его светлеет,
Ибо пишет Абенгальбу
Враг его, король Альфонсо:
“Есть на чем нам помириться!
Потому пошлю приказ я,
Чтоб открыл тебе ворота
Гордый Хорхе Новерадо.
Смерть его – тебе награда,
Мне же – дочь его Инесса.
И на том с тобой поладим!”
И восславил Магомеда
Абенгальб, эмир севильский,
И велел седлать коней.

В темноте не спит Анкора.
На высокой черной башне
Сам дон Хорхе Новерадо
Вместе с дочерью Инессой.

Слышат – в трубы затрубили,
И несет гонец известье,
Что король приказ прислал им:
Открывать скорей ворота
И впустить в Анкору войско,
Чтобы вместе биться с мавром.
Говорит отцу Инесса:
“Это – черная измена!
Мавританский слышу говор,
В темноте тюрбаны вижу!”
Отвечает ей дон Хорхе:
“Не бывало и не будет,
Чтобы я, дон Новерадо,
Вдруг ослушался приказа.
Если ж это все измена,
Пусть Господь меня рассудит,
С королем моим Альфонсо!”
И ответила Инесса,
Поднимая вверх распяты:
“Слышит нас Святая Дева!
Пусть же мне она поможет.
Если враг ворвется в замок,
Даст мне силы в миг последний
Вниз шагнуть вот с этой башни!”

А отец ее, дон Хорхе,
Тоже руку к небу поднял:
“Даже если я погибну,
Пусть навеки здесь останусь,
Чтоб стеречь мне эти горы
От проклятых сарацинов!
И пускай сгорит Анкора,
В черный пепел обратится,
Даже мертвый, не позволю,
Чтобы мавр пришел в Кастилью!”
Обнял дочь дон Новерадо
И спустился вниз к воротам.

Замолчала, положила лютню обратно, пальцы сцепила...
Ну, вот! А я думал, веселее станет! Хотя какие могут быть песни в таком замке?
Хотел спросить я, что дальше случилось (вечно эти романсьеро на самом интересном месте обрываются!), но не спросил. И так понятно. Об ином узнать захотелось.

– Выходит, Инесса, тот дон Хорхе так же звался, как батюшка ваш? А дочка его...
Не дослушала, кивнула. Кивнула, к окошку узкому подошла, вниз поглядела.
Обернулась.

– Ваши друзья уже во дворе, Игнасио. Пора вам.

Встал я, улыбнулся, руками развел.

– Погодите!

Резко так сказала лобастая, руку подняла. Растерялся я даже.

Подумала чуток, губки сжала, подошла к полке, сняла ларец. Маленький такой, из дерева полированного.

– У меня... У меня к вам просьба, Игнасио. Когда будете в Севилье, зайдите в собор. Тот, где самая высокая колокольня.

– Хиральда-Великанша которая, – кивнул я. – Зайду, если просите.

– Оставьте его там, где-нибудь ближе к алтарю. В этом ларце нет ничего, что могло бы осквернить святое место. Вот, посмотрите...

Достала ключик, провернула два раза. Заглянул я, а внутри – непонятно что.

– Это платок, – строго сказала она. – На нем семь узлов, очень сложных. Платок старый, ему, наверно, лет двести...

Ну, сказала! Новенький такой платочек, шелковый. А узлы и вправду – на славу. Прямо-таки морские.

– Это легенда, Игнасио. Просто легенда и ничего больше. Но пусть платок останется в Доме Божьем!

– Ну, как хотите, – согласился я. – Только у вас ведь в замке тоже церковь...

– У нас часовня, – перебила Инесса. – И не вздумайте развязывать узлы. Ни в коем случае!

– На-а-ачо-о-о!

Эге, а это внизу, Дон Саладо мне голос подает!

– Все ясно, сеньорита, то есть, Инесса, – бодренько заявил я. – Ларец – к алтарю, узлы не развязывать. Будет исполнено!

А самому как-то кисло сделалось. То ли не договорили мы с Инессой этой, то ли кто из нас лишку сказал.

И потом... Я уеду – она останется: в этих стенах куковать да на горы красные глядеть. Не мое это, вроде, дело...

Или мое? Что за бес, опять непонятно!

А она, Инесса, улыбнулась – второй раз за весь разговор. Улыбнулась, что-то маленькое мне протянула:

– Это вам на память, Игнасио. Носите на воротнике, лучше, чтобы никто не видел.

И – в глаза мне взглянула. Серьезно так, со значением. Я как в глаза ее черные поглядел, так и о подарке забыл. Сжал в кулаке – и все.

А если честно, то не только о подарке – обо всем запамятовал. Да чего уж тут!

Кулак я уже во дворе разжал, когда на Куло своего взбирался. Дон Саладо, орел наш, уже на коньке своем восседает, сеньор лисенсиат на муле, окуляры нацепил, бумажку какую-то читает, оторваться, грамотей, не может. И мне пора.

Поглядел, а на ладони моей – булавка. Да не простая, серебряная, с синими камешками, маленькими такими. Яркими!

Эге, оберег. Да еще из серебра! Молодец, лобастая, понимает!

Нацепил я эту булавку на воротник рубахи, даже приятно стало. Все?

Нет, не все. Ларец! Подумал я, достал ключик, вынул платок – и на груди спрятал. Сохранней будет! А ларец пока и во вьюке полежит, не пропадет. И тоже – приятно. Вроде как рыцарь я, что платок дамы своей на груди у сердца греет.

Подумал – и чуть за ухо себя не дернул. Окстись, Начо! Тоже мне, Белый Идальго нашелся!

– Готовы, сеньоры? – это Дон Саладо, весело так, не иначе, отдохнул в этих стенах, сил рыцарских набрался.

Да чего уж там, готовы. А вот и дон Хорхе. Улыбается в бороду свою черную.

– Счастливого вам пути, сеньоры! И да минует вас зло. Да пребудут с вами Господь и Дева Святая!

– Амен! – это мы, в три голоса.

Ух, красиво получилось!

– У нас примета есть, – смеется сеньор Новерадо. – Просто примета, старинная, не больше, но все-таки... За воротами не оглядывайтесь, пока до перекрестка не доедете. И в этом просьба моя будет...

Ну, ясное дело, я и сам в приметы верю. Да только чудной замок! Приметы, легенды, обереги... Впрочем, кто их, благородных, поймет?

Обернулся я – как раз перед воротами, чтоб обещания не нарушить. Обернулся, наверх посмотрел...

На самой вершине донжона стояла Инесса. Стояла, на нас смотрела. А затем рукой махнула – раз, другой.

И показалось вдруг, что именно мне она машет...

Креститься надо, ежели кажется, Начо!

Вздыхнул я, кончик носа отчего-то почесал.

Отвернулся...

За воротами Анкоры,
Где дорога к скалам жметя,
Вдруг очнулся толстячок наш,
От бумажки взгляд свой поднял,
Усмехнулся этак едко:
“Мне в приметы верить стыдно!”
И – немедля обернулся,
Поглядел опять на замок.

Поглядел, снял окуляры,
Головой качнул и молвил:
“Что-то жарко нынче стало!
Или холодно, не знаю!”
Мы с идальго удивились:
Что за притча? День нежаркий,
И с чего наш муж ученый
Пот платочком вытирает?
Эка вдруг его прошибло!

ХОРНАДА IX.

О том, как мы лечили сеньора лисенсиата по его же системе.

– Вперед, сеньоры, вперед! Поспешим, ибо, чую я, ждут нас славные подвиги!

Если кто и чувствовал себя наилучшим образом, то это, конечно, Дон Саладо. Приободрился, даже как-то шире в плечах стал, повязку сбросил, шлем-тарелку на уши свои оттопыренные надвинул, бороду-мочалку распушил. И конек его почуял что-то словно, копытами бьет, из ноздрей – чуть ли не пламя с дымом.

А мы с сеньором лисенсиатом на призывы горячие даже не откликались, потому что и так вперед ехали. Вперед – и вниз. Горы уже поменьше стали, вроде как отступать начали, а слева, в ущелье, речка зашумела. Реку эту толстячок сразу узнал, да и я узнал – Сухар, его еще Сухаром Бешеным называют. Ну, это он весной Бешеный, а сейчас плещет себе и плещет. И течет куда надо – напрямиком к Гвадалквивиру.

В общем, тут я бы уже и без сеньора лисенсиата не заблудился. Тем более толстячок, как только замок мы этот, Анкору, позади оставили, в задумчивость впал. Даже не впал – вгруз. Носик свой короткий чуть ли не до груди опустил, насупился, и лишь усиками тонкими – дерг-дерг. Тик на него напал, что ли?

А я и сам помалкивал, потому как было о чем мозгой пораскинуть. Рыцари, замки, легенды всякие да девицы красные – это больше для Дона Саладо...

...Хотя насчет девиц – тут еще подумать следует. Зацепила меня сеньорита Инесса! И чем – не пойму даже.

И вообще, горы эти словно для идальго моего нарочно взгромоздили. Катайся тут сто лет, великанов с василисками разыскивай. И места подходящие, и людям никакого вреда. Да только горы скоро позади останутся, и въедем мы в королевство Кастильское, где в каждом селеньице альгвазилы на тебя косятся, где по дорогам Святая Эрмандада таких, как мы, гоняет-ищет.

И если бы только это! Мне еще свои эскудо отработать надо. А там и Севилья...

Ну, о Севилье я решил после подумать, иначе мозги набекрень свернуть можно, и будут они вроде шлема Дона Саладо. Оно бы до Гвадалквивира доехать в такой-то компании! Один мой идальго калечный чего стоит, а тут еще и толстячок...

– Скажите, Начо, не приходилось ли вам наблюдать некое явление природное, именуемое арабским словом “мираж”?

Я даже головой мотнул. Ну и пляшут мысли у сеньора лисенсиата. Мираж ему подавай!

– Отчего же, приходилось, сеньор, – поспешил согласиться я. – Да кто же эти миражи не видел? Особенно если жарким летом, вроде как сейчас. И воду на камнях голых видел, и целый лес видел, и города даже.

...Особенно в Берберии, как ветер этот проклятый задует, сирокко который. Да ну ее, Берберию, там

только верблюды жить и могут!

– Это хорошо, – вздохнул толстячок и лоб платком вытер – в который уже раз. – Это хорошо, Начо!

Хотел я узнать, чего же тут хорошего, да не стал. Что-то не так с нашим лисенсиатом.

Приболел, что ли?

А дорога все вниз и вниз, а Сухар все громче плещет, ущелье заполняет. И под плеск этот стал я думать о всяком-разном, а все больше о сеньорите Инессе отчего-то. Не только о ней, конечно. И о Севилье тоже. Ох, и много дел у меня в той Севилье, а как поразмыслить, все к одному сводятся...

Только бы человек мне нужный на месте оказался! Да еще хорошо бы человечка этого не в Соборе и не в Башне Золотой прихватить, а где-нибудь как раз посередине, потому как светиться ясным месяцем мне не след. Ну, никак не след!

В общем, задумался. Задумался, и не заметил даже...

– Начо! Начо!

Вначале показалось – сеньор лисенсиат зовет. Ан нет – Дон Саладо. И озабоченно так. Великана приметил, что ли? Как раз вон и скала подходящая, в пору будет...

– Нам надлежит вернуться, Начо! Ибо спутник наш...

Толстячок! Оглянулся – нет толстячка. Вот бес!

– С мула свалился? – брякнул я первое, что на ум пришло. По глупости брякнул: свалился бы – голос подал. Или хотя бы плеснуло, ежели он головкой – да в ущелье.

Фу ты, мыслишки!

– Отнюдь! – покачал своим шлемом доблестный идальго. – Однако же...

Что за “однако же” мы узнали, как только одров наших поворотили и за уступ скальный заехали. Сидит бедолага лисенсиат на камешке, голову руками обхватил, а мул его рядом

бездельничает, травку, от жары желтую, пощипывает.

– Сеньор! – воззвал рыцарь голосом, что твоя труба. – Добрый сеньор Рохас! Уж не случилось ли чего с вами?

Нашел, что спросить! И так ясно. А вот что именно...

Думали – не слышит. Нет, почуял толстячок. Почуял, голову от ладоней оторвал (или наоборот, не разберешь)...

– Кажется... Кажется, сеньоры, захворал я изрядно. И хворь моя...

Этого еще не хватало! Подскочил я, первым делом за лоб его взялся. Лоб, как лоб, не горячий, не холодный...

– ...немалое опасение мое вызывает!

А я уже его за средний палец тяну – верное средство, если нутренность прихватило. Тяну, значит...

– Нет, нет, Начо! Хворь моя скорее меранхолическая, правильнее же выразиться “меланхолическая”, ибо слово сие, в языке нашем искажаемое, от греческого происходит...

И тут я пуганулся – всерьез. А не спятил ли толстячок наш? То-то после замка он сам не свой!

– Надо бы лекаря, – заметил Дон Саладо. – А не ведаешь ли ты, Начо, есть ли таковой в селении ближайшем?

Я только отмахнулся. Селение, ближайшее которое, это Касалья-де-ла-Сьерре, не селение даже – городок. Да только откуда там лекарь? Там скорее крысомора найдешь!

...Хоть по мне, что лекари наши, что крысоморы – одни других стоят. Не все, конечно. Но многие!

– Суть же хвори моей, – продолжал меж тем лисенсиат, – в неадекватности, с которой я мир наш воспринимаю.

Как услышал я слово “неадекватность”, так сразу понял: лечить! Лечить – и немедленно!

Кое-что мы с Доном Саладо все-таки уразумели. Не спятил толстячок, хвала Деве Святой. Не спятил – но кажется ему, сеньору Рохасу, что все-таки завелись в башке его ученой тараканы. А отчего – не говорит. Мы его и так спрашивали, и этак. Есть, стонет, причина, а потому, мол, в себе я сомневаюсь.

А я на Дона Саладо между тем поглядываю. Ну, точно, он заразу разносит! Сначала я чуть было не повелся с мечом этим щербатым да с василиском (вспомнить стыдно!), теперь вот сеньор Рохас, даром что ученый человек. Только у него, книжек начитавшегося, башку на другую сторону перекосило.

Вздыхнул я, припомнил всю толстячкову систему, которую он на идальго нашем опробовать хотел.

Все равно, хуже не будет!

– А доставайте-ка, сеньор лисенсиат, бумагу! – велел я. – И окуляры свои не забудьте. Сейчас с Божьей помощью рисовать станем!

Подчинился! Бумагу достал, лаписьеро свой свинцовый.

– Извольте, сеньоры! Да уж не знаю, будет ли толк...

Сначала мы за горы взялись, которые вокруг. Толстячок их рисует, а мы смотрим. Смотрим – и успокаиваемся понемногу. Все как есть: скала двуглавая, скала с уступом, вот и ущелье, вот и башня вдали, старинная, еще мавры строили.

...И ведь что любопытно: Дон Саладо тоже в деле нашем участвует, на рисунок глядит, и – ничего. В смысле, ни замков, ни великанов. Видать, просветление на дядьку нашло. И славно, если так!

Покрутил лисенсиат рисунок в пальцах своих пухлых, оглянулся:

– Нет, все равно не так все! Ибо неадекватность моя прежде всего с замком, что мы недавно

покинули, связана.

Делать нечего – стали замок рисовать. И со стороны ворот, и со двора, и даже зал тот, где мы трапезничали. И снова – точь-в-точь! Но толстячок все свое гнет, не успокаивается:

– Увы, сеньоры, увы! Наука ведает случаи, когда затмение сразу на многих находило, причем видели все одно и то же...

Тут уж меня оторопь взяла. Это на что же он намекает? Что нам всем замок этот привиделся? И дон Хорхе? И сеньорита Инесса?

Расстегнул я ворот, булавку с камешками синими потрогал, затем отвернулся, платок с узлами достал.

Все на месте. Значит, не спятили мы. По крайней мере, я.

– Если бы мне удалось зацепиться за деталь некую! – вздыхает толстячок. – Наваждения, как правило, из уже виденного и ведомого возникают. Ежели бы вспомнил я в замке том нечто, никогда прежде мне не встречавшееся! Ибо нахожу я в сеньоре Новерадо некое сходство с портретом, мною виденным в Саламанке...

И тут меня словно кувалдой по бестолковке навернули.

– А книги? – воскликнул я. – Вы же книжки полдня смотрели да на бумажку чего-то записывали!

Чуть не подпрыгнул толстячок. Засуетился, из сумы седельной бумагу достал – ту самую, с которой из замка выехал.

– Да-да, конечно! Книги... Их там, сеньоры, оказалось не слишком много, однако же каждая – истинное сокровище. Вот, пометил я, летопись времен готских, написана в дни короля Родриго, что враждовал с родичем своим Хулианом...

Окуляры поправил, подумал. Погрустнел.

– Однако слышал я о летописи той прежде, и отрывки читал. История же вражды Родриго с

Хулианом, который и привел мавров на землю нашу, всем известна...

– Так нет ли чего иного, сеньор? – подхватил Дон Саладо. – Того, что неведомо было вам прежде?

– Вот! – пухлый палец уперся в какую-то строчку. – Рукопись, в коей содержится неведомая мне прежде поэма о великом Сиде. И хоть отсутствует в рукописи той начало, однако же поэма поистине прекрасна. Даже запомнил я некоторые строчки...

Зажмурился толстячок, шевельнул усиками.

– Да, вот! Послушайте! Всадники... Да точно!

Всадники шпорят, поводья ослабив.

Ворона в Биваре взлетела справа,

А прибыли в Бургос, слева взлетает.

Мой Сид распрямился, повел плечами:

“Вот, Альвар Фаньес, мы и в изгнанье,

Но с честью в Кастилью вернемся обратно”.

Вступает в Бургос мой Сид Руй Диас,

С ним шестьдесят человек дружины.

Встречать и мужчины и женщины вышли.

Весь людный город у окон теснится.

Бургосцы плачут в большом унынье.

Каждый твердит, взирая на Сиды:

“Честной он вассал, да сеньором обижен”.

Дать ему кров им в охоту, но страшно...

– Стихи о великом Сиде! – вскричал мой идальго, даже до конца не дослушав. – И при том неведомые даже мне, хоть немало я слышал об этом замечательном рыцаре! Поистине, вам не о чем беспокоиться, сеньор Рохас, самому такое не придумать и в бреду, конечно же, не услышать.

И вновь послышался вздох, но уже совсем иного рода.

– И в самом деле, сеньоры, в самом деле! – сеньор лисенсиат даже окуляры снял, на солнышко взглянул. – Не придумать мне такого, тем более стихи эти сложены на старинном наречии и забытым ныне размером... Но хотелось бы еще, еще что-то, чтобы уже никаких сомнений...

Палец снова заскользил по бумаге.

– Есть! – теперь сеньор лисенсиат уже улыбался. – Мне надо было про это сразу вспомнить. О таком я точно нигде не слыхал и придумать тоже не мог...

Встал, ручки свои потер, вновь на небо посмотрел.

– Как славно сеньоры! Как славно, что разум мой в порядке, хоть и засомневался я изрядно, потому как имелась причина, показавшаяся мне веской...

А меня уже и любопытство разбирает. И в самом деле, что такого могло случиться, чтобы сеньора Рохаса с толку сбить?

Толстячок уже и бумаги все спрятал, и на мула взобрался.

– Пора нам, сеньоры! Надеюсь, извините вы мне мою слабость...

– Да чего уж там, – вздохнул я, самого себя вспомнив. – С каждым бывает!

– Если помните вы, сеньоры, – принялся рассказывать толстячок, между мною и рыцарем калечным пристроившись (благо тропа пошире стала). – Хозяин наш, дон Хорхе Новерадо, не велел нам оглядываться, когда выберемся мы за ворота. Не удержался я, признаться, назад поглядел.

Вспомнил я – точно! Было дело – оглянулся толстячок. Оглянулся, а после принялся пот со лба вытирать.

– Верно, сеньоры, солнце было тому виной или дымка над горами, однако не увидел я замка, где только что мы с вами гостили. Ни его, ни руин даже. Просто площадка ровная да какие-то ямы. И камни по бокам. Долго я глядел...

– Думаю, причиной тому не солнце, – глубокомысленно заметил мой идальго. – Всему виной окуляры, которые не столь помогают, сколь искажают зримый образ мира, особенно же на расстоянии. Потому и не ношу я их.

– К тому же я тоже оглядывался, – подхватил я. – И ничего никуда не пропадало.

Лисенсиат вновь кивнул, весьма успокоенный, а я вдруг сообразил, что оглядывался-то еще перед воротами! Перед ними – не за!

Сообразил – но вслух уточнять не стал. Этак и впрямь тараканы в голове заведутся.

– А потому, – подытожил сеньор Рохас, – будем исходить из логики, всеми мужами учеными чтимой. Ежели во многих случаях видел я нечто, вполне меж собой согласующееся, и только в одном – нет, то резонно предположить будет, что именно в этом случае чувства мои слегка обманулись. Сие и следует из правила, бритвой Оккама именуемого...

– И быть по сему! – согласился я, а Дон Саладо поспешил осенить себя крестным знаменем. Не иначе от того, что про Оккама услышал. И действительно, что за демон такой?

...А я вновь булавку потрогал. Все в порядке, на месте булавка.

Ну точно, заразная хворь у моего идальго!

– Однако же, сеньор Рохас, – продолжал Дон Саладо, – что за книгу вы вспомнили последней? Видать, особая она была, ежели от воспоминаний о ней ваша хворь без следов сгинула.

– И правда, – кивнул толстячок. – Книга сия весьма редкая, ей лет двести без малого будет. И замечу, что сохранилась она отменно, более того, эта книга, точнее же, рукопись – самое последнее, что приобрели предки почтенного дона Новерадо для своей библиотеки. Видать, новые книги у них не в чести! Охотно расскажу о ней, поскольку чую, что вам, Дон Саладо, услышать о том любопытно

будет.

А мне уже и не до того стало. Здоров наш лисенсиат – и славно. А книги... Бог с ними, с книгами этими! От них уму – одно помутнение. Тем более, за тропой следовать требовалось. Вниз шла тропа, катилась даже. Значит, с горы сваливаемся, напрямик на равнину. Не налететь бы нам аккурат на заставу Святой Эрмандады. Вечно они в самом ненужном месте появляются!

– Рукопись эта вот о чем гласит, – вещал тем временем наш толстячок – бодро так, весело даже, не иначе, оклемался совсем. – В году Anno Domini 1291-м два венецианца, братья Луиджи и Пьетро Вивальди, оба – кормчие опытные, отплыли на двух своих галерах мимо Столпов Геркулесовых, именуемых еще Гибралтаром, напрямик в море-Океан,* надеясь обогнуть Африку...

* Море-Океан – Атлантический океан.

Тут уж и я уши наострил. Эка замахнулись! Мы от острова к острову ходим, берег из виду не теряем, а тут – в море-Океан! И когда? Вон, португальцы уже почти сто лет пытаются Африку морем обойти – да без толку все. Недаром Океан этот мавры, чтоб им пусто было, морем Мрака называют.

– Однако же сильная буря, равно как течение, куда галеры эти попали, понесли их напрямик на запад. И плыли они более тысячи лиг...*

* Имеется в виду морская лига. Тысяча лиг – 5600 км.

– Сколько? – не удержался я, обо всем позабыв, даже о Святой Эрмандаде. – Вы, сеньор Рохас, зря книжку эту читали. Тысяча лиг! Да галера и двести не пройдет, да что я говорю – ста, если воды на борт брать не будет. Видел я эти галеры. Большие, конечно, но чтобы тысяча лиг!..

Вспомнил я Венецию, Арсенал тамошний, галеры, что всю бухту покрыли. Хороши, очень хороши, но не для моря-Океана. Там ведь шторма не такие, как у наших берегов. Говорят, волны – вроде тех гор, что мы только-только проехали.

– И вправду, досталось им изрядно, – согласился толстячок. – Однако все же доплыли они до некой земли...

– И мы доплыли, – самым невежливым образом перебил я, Куло своего придерживая. – То есть, не доплыли, конечно. Приехали!

Приехали – потому что кончился спуск. И горы кончились. Впереди – словно яйцо куриное разбили да желток развезли. Равнина! Желтая-желтая, даже деревья, что вдалеке торчат, желтыми мне показались. От пыли, видать.

Ну, равнина желтая – это по сторонам. А впереди, совсем близко – стены серые, приземистые, за ними – крыши черепичные, а вот и колокольня – странная такая, не иначе, минарет бывший.

– Касалья-де-ла-Сьерре, сеньоры, – сообщил я, для верности рукой указав. – Сейчас приступ начнем или до вечера подождать следует?

– Отчего же до вечера? – удивился лисенсиат. – Думаю я...

Бум-м-м!

Не везет толстяку сегодня – опять перебили, договорить не дали. Но на этот раз уже не я был тому виной. Колокол! Да так громко!

Загремело с колокольни,

Загремело, отозвалось.

Отовсюду зазвонили,
Басовито, со значеньем.
Не пожар ли? Так нет дыма.
Не война? Врагов не видно!
И поехали мы шагом
Прямо к городским воротам,
Тому звону удивляясь.
“Если ловят, то не нас ли?” –
Я сказал, не удержавшись.
“Не чума ли?” – вздрогнул Рохас,
Поспешив перекреститься.
Только славный Дон Саладо
Не имел на то сомнений:
“Не простой тот звон – драконий!
Не иначе, монстр ужасный
Поступил к вратам Касальи.
Чую, ждет нас нынче битва!”
Усмехнулся наш ученый,
Про драконий звон услышав.
Я ж имел иное мнение:
Пусть уж лучше два дракона,
Даже вместе с василиском,
Чем Святая Эрмандада!

ХОРНАДА Х.

О том, как мы встретились с Драконом.

Хорошо, когда ловят кого-нибудь другого, а не тебя! То есть, конечно, нет, никому подобного не желаю (еще не хватало!), просто дышится легче, ежели не ждешь, что дурак-глашатай вот-вот заорет: “По указу королевскому... за злодейства разные... именуемого также Бланко, лет же ему... приметы же...”. А приметы у меня – и не придумаешь лучше, одна башка белая чего стоит, особенно в Андалузии. Орет глашатай, а соседи уже морды любопытные в мою сторону поворачивают, реалы с мараведи в уме пересчитывают...

Фу ты!

А вроде искать меня пока не должны, во всяком случае по указу. Правда, коррехидор в Сарагосе распорядился еще год назад, и алькальд в Малаге, той, что мой идальго приступом брал... Но туда я и не суюсь – ни в Сарагосу, ни в Малагу, ни в Бургос.

А здесь что?

“Здесь” – это, само собой, в Касалья-де-ла-Сьерре. Пока мы с одрами нашими через толпу, что улицу главную запрудила, протискивались, успел я осмотреться. Бывал я тут этак с год назад, и ничего в Касалье не изменилось. Да и чему меняться? Крыши черепичные, стены желтого кирпича, морды опять же – кирпичные.

Дыра!

Одно хорошо – людно тут сегодня, отовсюду собрались-набежали. Со всего города, да и с округи, пожалуй. Стиснули – не повернуться, отовсюду луком несет да маслом прогорклым.

Не хотел бы я здешней ольи отведать!

И все это толпище вперед ломится – на главную площадь. Бывал я и там. Площадь,

как площадь, мощеная, вокруг дома под желтой черепицей, один, алькальда здешнего, даже двухэтажный. Ну и церковь, понятно – та, что с минаретом. Только в обычные дни пусто тут и голо. А вот сегодня...

– Или праздник какой нынче, Начо? – спросил Дон Саладо, не иначе, мысли мои подслушав.

В этой пыльной толпе козопасов да свинопасов мой идальго на своем коньке выглядел чуть ли не самим Сидом Компеадором. По меньшей мере – Ланчелоте. На нас уже поглядывали – уважительно так, серьезно.

– Едва ли, – дернул я плечами. – Троица уже прошла, Святой Андрей и Святой Хуан – тоже...

– Может, праздник тут местный? – встрял толстячок, от чьей-то широкополой шляпы нос свой отводя (ой, несло от той шляпы, на десять шагов слышно!). – Известно, что в провинции почитаются обычаи всякие, порою весьма древние...

Я даже слушать не стал. Праздником тут и не пахло (луком пахло!). Ясно – случилось что-то. Но не пожар, не война. Или война все-таки? Повелела Ее Высочество* Изабелла созвать воинство да идти напрямиком на Гранаду...

* Высочество – титул королей Кастилии, Арагона и Португалии до начала XVII века.

А по хребту – словно иголки покалывают. Нет, не война, чую. Вот заорет сейчас глашатай про злодея державного с башкой белой да с дагой миланской у пояса...

Ага, уже орет! Прямо с паперти церковной.

– ...и к тем словам должно отнестись вам с вниманием и почтением!..

Ага! Так и есть. Морда пропитая, штаны черные, узкие, накидка тоже черная.

Глашатай! Да не простой – из Севильи, не иначе, накидка-то серебром шита! А рядом с ним...

Да как тут увидеть того, кто рядом? Площадь маленькая, ступить негде, людей ежели не море, то с озеро немалое – точно. Толкнули нас, затем снова, Куло мой зубищи желтые скалит, сейчас укусит кого-нибудь...

– Пропустите сеньора! Пропустите! Эх, деревенщина, а ну, в сторонку!

Так и знал, так и чувствовал! Эрмандада! Этих сразу узнаешь – морды красные, бороды черные, латы огнем горят. И прямо к нам!

– Сеньор! Сеньор идальго! Благоволите поближе! Мы вам место расчистили.

Ого, кому это такой почет? Неужто рыцарю моему калечному?

Оказалось – ему. И не только ему – нам. И дорогу указали, и место освободили к паперти поближе. Поклонились даже.

...Ох, ни к чему мне такой почет!

А Дон Саладо приосанился весь, мочалку свою огладил.

Хорош!

Ну ладно, что там на паперти? Точнее – кто там?

А на паперти, у самых врат церковных – черное с белым.

– ...почтенные и благочестивые братья фра Мартино и фра Луне*... Да тише вы, добрые граждане Касальи! Тихо, болваны, кому говорят!

* Фра – от латинского “брат” (frater). Употреблялось только вместе с именем. В противном случае к монаху обращались просто “брат” (“hermano” – исп.).

Стихло!

Стихло, замерло, я в седле чуть привстал, за чью-то шляпу заглянул...

Да, черное с белым – ризы. И знакомые такие!

– Домине канес...

Тихо сеньор Рохас это сказал, прошептал почти, да только я услышал. Услышал, повернулся...

Не узнать толстячка! Похудел словно, губы ниточкой сжались, побелели...

– Домине канес...

Повторил, глазами блеснул. А мне не по себе стало. Зря это он так шутит! А ежели думает, ученый, что латынь тут не знают, то зря думает. Я вот не знаю, а то, как он братьев-доминиканцев обругал, сразу понял. Домине канес – божьи собаки, значит. Псы!

Не любишь монахов – и не люби. Только чтобы тихо. Вслух-то зачем?

– Дети мои-и-и-и!

Словно бомбарда ахнула. Колыхнулась толпа, Куло мой ушами дернул, я еле в седле усидел. Только это не бомбарда и не кулеврина даже, это один из черно-белых голос подал. Большой, громоздкий, лицо как жернов мельничный, брови черные глаза закрывают. А голосина! Бас колокольный!

– Дети мои! Граждане города Касальи! О великой беде пришли мы с фра Луне рассказать вам!..

Тишина – мертвая. Была бы муха – услышали муху. Да только нет мухи, от жары, наверно, сдохла.

– ...В опасности наша Кастилия! В великой опасности! И не только она, но и весь мир христианский, Господом нашим сотворенный и спасенный!..

Что такое? Переглянулись мы с толстячком.

– Не иначе, турки, – озабоченно заметил сеньор Рохас. – Слыхал я, эмир Гранады завел переговоры с Баязедом...

– Неужто в крестовый поход? – донеслось из-под шлема. – Славно, сеньоры, славно!
Я только вздохнул. Ну, Дон Саладо!

А громоздкий нас словно услышал. Услышал, ручищу поднял, да так, что рукав черный сполз.
Ух, ручища!

– Но не от мавров беда эта, не от турок даже, не от французов и не от португальцев! Враг
– в нашем доме, в нашей родной Кастилии. Тут, среди нас, готовит он измену черную. Имя же ему
– Легион, ибо многочисленны сии бесы, наш дом запрудившие!..

– Бесы-то в свиньях... – тихо-тихо проговорил сеньор Рохас, а мне вновь не по себе стало.
Молчал бы лучше!

– Я понял, кажется, сеньоры... Ах, сволочи!

Не молчит! Рот ему, что ли, заткнуть, толстячку? Уже и соседи коситься начали!

– Кто же враги эти, дети мои! Кто?!

Эге, да это уже другой – длинный, худой как жердь. Но тоже – черно-белый.

– Кто? Спросите меня, добрые граждане Касальи! Спросите меня, скромного брата Луне!

– Кто?! – единым вздохом отозвалась толпа. – Кто-о-о?!

– Знаете вы их! – заверещала жердь. – Хорошо знаете, дети мои! Кто распял Христа, Господа
нашего? Кто погубил Его апостолов? Кто забил камнями Святого Яго, нашей Кастилии покровителя?

– Но не только в давние годы злодействовали они! – вновь вступил бас. – Но и наши дни
мерзостью их переполняются. Правда, фра Луне?

– Правда, фра Мартино! – радостно подхватила жердь. – Кто дерет с вас безбожные проценты,
деньги в рост отдавая? Кто упивается кровью добрых христиан? Кто презирает веру Христову и над
тайнствами глумится? Кто маврам проклятым первый помощник? Кто-о-о-о?

– Иудеи! Иудеи! – глухо пронеслось над толпой.

– Кто-о-о?!

– Жиды-ы-ы-ы-ы-ы!!!

Я покосился на своих спутников. Дон Саладо недоуменно моргал, ладонь к уху приложив – не понял, видать. А толстячок замер, губы свои тонкие закусил...

Этот-то понял!

– Поглядите на них, на христопродавцев! – вновь загремел бас. – Всегда они отвергали учение наше и христианских обрядов сторонились, от креста святого отворачивались. Да посмотрите только на них! Они – пропойцы и обжоры, жрущие и пьющие за наш счет! Правда, фра Луне?

– Правда, фра Мартино! – взвизгнула жердь. – Разве не жарят они лук и чеснок на растительном масле, оттого и воняют гнусно – и они сами, и дома их. Воняют! Воняют! Воняют!..

Я не удержался – приняхался. Кажется, я попал в синагогу!

– ...Они мерзкие, гадкие, уродливые, похотливые, отвратительные, жестокие! Даже у соседей наших, португальцев, нет в языке слова “жестокий”. Говорят они “judeu” – “иудей”. Nao seja judeu – жестоким не будь, то есть не будь иудеем! Не будь жидом! Правда, дети мои? Правда?

Зашумело, загудело. Но, странное дело, люди словно очнулись. Переглядываться стали, плечами пожимать. Перемудрил фра Луне. Португальцы кастильцам не указ!

– А еще ведомы они хитростью своей змеиной! – пришел на помощь бас. – Многие, страха ради своего иудейского, согласились принять Завет Христов. Можем ли мы верить им?

И вновь – стихла толпа. Иудеев ругать – дело привычное, да и где встретишь в этой глуши иудея? Но речь сейчас, кажется, не о них.

– Не можем! Не можем! – что есть силы завопила жердь. – Иудей – всегда иудей! Даже если примет он для вида Завет Христов, то в душе иудеем остается, и праздников наших не чтит, и свинину не вкушает, и шаббат свой мерзкий соблюдает. Ведь правда, фра Мартино?

– Правда! – грянул бас. – И не только сами в ереси своей иудейской остаются, но и добрых христиан к тому склоняют. Недаром зовут их “марраны”, что означает “проклятые”!

– Марраны – от слов “Марран-атха” – “Господь идет”! – не выдержал сеньор лисенсиат. Его не услышали – к счастью, конечно. А достойные братья, между тем, переходили к главному.

– Вы скажете, добрые граждане Касальи, что не ваша это забота, – загремел фра Мартино. – Ибо есть власти светские и духовные, коим такими делами ведать надлежит. К тому же мало в ваших краях тех, о которых речь сегодня идет. Значит, нет для вас в том беды. Так ли это, фра Луне?

– Нет! – пустила петуха жердь. – Ошибаются, они фра Мартино! Ибо зло проникло даже в эти края! Так знайте же, добрые граждане Касальи, что совсем недалеко отсюда, в трех днях пути, совершенно страшное дело. Страшное, умом не постижимое! Гнусные иудеи, под личинами христианскими рожи свои жидовские скрывающие, выкрали прямо из церкви ребенка, и пытали его, и бичевали, распяли на кресте, и вырезали сердце! А чтобы не думали вы, что все сие – лишь сплетни, то скажу, что случилось это чуть больше трех месяцев назад на Страстной неделе, в селении именуемом Ля-Гвардия, и звали того ребенка Хуан Мартиньес, отец же его – тамошний чесальщик шерсти, мать же – блаженная женщина, слепая от рождения...

Колыхнулось море – с ревом, с шумом, с грохотом. Колыхнулось, плеснуло выше черепичных крыш.

– Какие сволочи! – выдохнул сеньор лисенсиат. – Господи, какие сволочи!

И вновь не услышали его. А если и услышали – то не поняли. Решили, видать, что ученый человек гнусных марранов ругает.

Повезло нам, что так решили!

– Надо что-то делать, что-то делать, что-то делать! – бормотал толстячок, пальцы свои узлом сцепляя. – Это же толпа, стоит ее подтолкнуть – и все! Надо обратиться к властям, есть же тут власть!

Не стал я отвечать. Вот ведь, умный вроде, а непонятливый. Да вот она, власть – рядом с этими крикунами стоит. Вон и алькальд, староста здешний, и судья, и, понятно, парни из Эрмандады.

Разве сами эти псы господни такое придумали?

А жердь черно-белая между тем словно выросла, ростом выше стала, вверх потянулась, тощую руку с крестом вперед выставила, лысой макушкой сверкнула.

...Взвизгнула! Да так, что вороны на крышей церковной засутились.

– А нет ли в славном городе вашем оных марранов, кои Христа и Деву Святую что ни день предают, а? А не поискать ли?

И в ответ – дружное, слитным хором десятков голосов:

– Бе-е-е-ей!!!

Оглянулись, брови хмуря,
Друга на друга косо глядя:
“А не жид ли ты, Хименес,
То-то нос твой больно длинен?
А не ты ли, Санчо Лопес,
В долг мне дал в запрошлом годе
По привычке иудейской?
Вот цирюльник наш, Рисалес,
Тот уж точно, сын Сиона –
По субботам в чистом ходит!
Не позволим! Не позволим!
Разбирай дубье скорее!
Надо вычистить Касалью

От иуд-христродавцев!”
Колыхнулось, зашумело –
Будто кто бревно в болото
Ненароком уронил!

Рыцаря моего я поймать все же успел – не унесла толпа. Подхватил я его конька за узду, сам с осла соскочил...

Хорошо еще, стена церковная близко оказалась. К ней и прижались.

– Однако, Начо, я отнюдь ничего не понимаю! – бормотал сбитый с толку Дон Саладо.

– Неужто столь страшные злодеи обитают в этом мирном городке?

Я даже огрызаться не стал. Не до того было. Кого-то уже топтали – прямо у паперти, но большинство валило по улице – искать. С криком, с гиканьем, со свистом. Видел я, как конокрадов ловят, да разве с этим сравнишь!

Оглянулся я, думал толстячка увидеть, да где там! Сгинул лисенсиат.

– Кажется, у городских ворот есть харчевня, – вздохнул я. – Надеюсь, тамошний хозяин – не марран...

– И все-таки, не понимаю, Начо, – Дон Саладо мотнул головой, словно шлем вдруг стал ему тесноват. – Ежели злодейство имеет место, то надлежит обратиться в королевский суд...

Под навесом, куда мы забрались, было пусто. В эту сиесту здешнему трактирщику не придется заработать. Ничего, вечерком наверстает, когда герои с победой вернутся и захотят жажду утолить!

Почему-то я думал, что вокруг будут кричать, вопить, проклятиями сыпать. Нет, тихо кругом, пустынно даже. Только где-то вдалеке вроде как шумок легкий.

– Если же в городе этом и вправду злодеи обретаются... – не унимался мой идальго.

– О чем вы, рыцарь! – вздохнул я. – Где-то за сотню миль кого-то зарезали, поэтому надо убить цирюльника Рисалеса да всех прочих, у кого носы с горбинкой? Какой суд? Вы не в сказке, идальго, тут великанов с василисками нет. Это Кастилия, ясно?

Зря я голос повышал! Бедный рыцарь даже отшатнулся, в глазах темных – испуг.

– Но я не понимаю, Начо! Ты хочешь сказать, что в нашей славной Кастилии, оплоте истинного благородства...

Тут уж и я не выдержал.

– Вы что, не слыхали, Дон Саладо, что в нашей славной Кастилии людей живьем палят? И не видели? Место такое рядом с Севильей есть – Кемадеро. Не бывали, нет? Красиво там, ухожено все, по бокам фигуры разные, вроде как пророки библейские. А как люди горят, знаете? Сначала одежда огнем идет, потом кожа лопается...

– Начо!

Его рука легла мне на плечо.

– Не надо. Я понял.

Веско так сказал, тяжело. Отвернулся я, чтобы лица моего он не видел, плечами дернул.

– Говорил ты, Начо, про учителя своего, коего падре Рикардо звали. Угадал ли я?

Да чего уж тут угадывать! Ведь не слепой он, Дон Саладо, а всего лишь сумасшедший...

– Он был марраном, сеньор. Даже не он – то ли прадед, то ли прапрадед. Его, падре Рикардо, обвинили, будто у него в задней комнате семисвечник стоит и еще что-то... Будто я в той задней комнате никогда не бывал! Не любили его попы за то, что с голытьбой, такой как я, якшается, деньги все им раздает, кормит, лечит... Тогда, семь лет назад, в Севилье первый Акт Веры готовили. Никто и не верил вначале, что живых людей эти сицилийцы сжигать станут. Виданное ли это дело – живых! Поверили...

И снова – его рука на моем плече. И вроде как легче мне стало.

– Есть Бог, Начо! Есть Бог на Небе!

– Так и падре Рикардо говорил, – согласился я. – На небе. Да только мы с вами – на земле пока что...

Только под вечер, когда уже в харчевню народ потянулся, нашел нас сеньор лисенсиат. Даже не он – мы его нашли. Идет, бледный весь, мантия его черная – ключьями, под глазом – пятно темное. Идет, мула в поводу тащит.

Окликнули. Поглядел на нас, ничего не сказал. Рядом сел.

Спрашивать не стали. Я лишь подумал, что у лисенсиатов этих одежда – один к одному, как у священников. Потому, видать, и жив остался толстячок. Поколотили только.

А вокруг уже кружки вверх поднимают. Поднимают – хвалятся: кому кости пересчитали, кого на балке потолочной подвесили, с чьей дочкой от души позабавились, под чью крышу петуха красного пустили. И мордатые эти, из Святой Эрмандады тут же, и альгвазил здешний, порядка да закона страж.

Все постарались, все потрудились.

На славу!

– Еще месяц назад я думал, что хуже не будет, – наконец негромко проговорил сеньор Рохас.
– А я теперь вижу, что ад только начинается...

Хотел я возразить, да понял – нечего.

В красном мареве заката
Покидали мы Касалью,
В ночь, не глядя, уезжали

Прочь от проклятого места.
Хмурил брови Дон Саладо,
Я молчал, кусая губы,
А ученый сеньор Рохас
Вдруг сказал, негромко этак:
“Зря не верил я вам, рыцарь!
Повстречали мы Дракона.
Жалко, голову не срубишь,
Слишком много их у гада!”
Помолчал в ответ идальго,
А затем ответил тихо:
“Раз голов драконьих много,
Бить пристало прямо в сердце!”

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СИЛА БУКВ

ЛОА

Подставляй скорей палитру!
Нам нужны иные краски,
Все вокруг переменялось.
Вместо желтого – зеленый:

Мандариновые роши
Андалузии Приморской.
Золотой для апельсинов.
И лимонный – для лимонов,
В небо кинем больше синьки,
Не жалей! Ведь мы на юге,
Мы почти в гостях у мавров,
Что гнездо в Гранаде свили.
Только все цвета – по краю,
В середине будет черный,
Грязно-черный, цвета крови,
Что покрыла коркой рану,
Запеклась на ярком солнце.
А идти нам под чакону,
Под напев ее печальный,
Что на поминках играют,
Что у склепов ночью слышен,
В час для призраков привычный.
Зелень, спелые лимоны,
Синька, золота немного,
Чернота кровавой коркой
И чакона!

ХОРНАДА XI.

О том, как Дон Саладо рассказывал о своих подвигах.

– А не встречали ли вы, рыцарь, во время своих странствий некоего Федерико Гарсиласио де Кордова? – поинтересовался я с самым невинным видом, на тучки, что по небу плыли, поглядывая.

– Как ты сказал, Начо? – встрепенулся Дон Саладо. – Де Кордова, слов нет, род известный, более того, слыхал я, кто-то из этой семьи был возведен в достоинство маркиза, однако же ни с кем из де Кордова я не встречался, да и в свойстве с ними не состою.

Я кивнул, ничуть этим не удивленный, хотя следовало бы. Ведь именно к маркизу де Кордова направила барынька в маске моего калечного идальго.

Узнавать об этом было самое время – до поместья маркиза всего день пути оставался. Почти приехали.

Итак, не знает, и даже не родич. Почему-то я сразу об этом подумал, когда меня барынька попросила...

Кстати!

– А не приходится ли вам родственницей сеньора Лаура Брантес-и-Энрикес?

Дон Саладо подумал, помотал головой своей ушастой:

– Нет, даже не слыхал об этой достойной сеньоре и не встречал ее никогда.

...Встречал, да только она сеньора Лаура любит маску носить. И представляться не спешит. Мне вот не представилась. Только мир, как известно, тесен...

И что прикажете делать? С одной стороны, моя забота маленькая: довести Дона Саладо до места, сдать с рук на руки, эскудо свои, честно заработанные получить.

Это с одной стороны...

Я покосился налево, где восседал на муле достойный сеньор лисенсиат. Совета спросить?

Так он вроде не видит ничего, не слышит. Думает – разговаривать не желает. Еле уговорили его на постоялом дворе мантию отдать, чтобы зашили, да лед к синякам приложить.

И вновь, в который раз, ощутил я некую странность. Ну точно на похороны спешит, а не к невесте! Понятно, что не по душе ему все, нами в Касалье виденное. Да и какому кастильцу это может понравиться? Но только слишком мрачен наш толстячок, словно гложет его что-то...

А между тем, самое время на что-то решиться. Горы далеко за спиной остались, вокруг – сады да поля, селеньица друг к другу жмутся, по дорогам народу – как на ярмарке. Андалузия! Скоро Гвадалквивир, а там и морем повеет.

...И снова схитрил я чуток – на одном перекрестке влево мы свернули вместо того, чтобы прямо ехать – к Севилье. Влево, потому что поместье Кордовы-маркиза как раз в полутора днях пути. Так наш толстячок даже не заметил, а еще географию изучал!

Вредно много думать. И ничего не замечать – тоже вредно. Плохо, если не видишь, не слышишь...

– Вы что-то говорили о маркизе де Кордова, Начо?

Я вновь покосился налево. Слышит. Ну, надо же!

– Я немного знаю этого достойного человека...

Вот даже как? Достойного!

– ...Он и супруга его – известные меценаты, ко всем людям ученым весьма щедрые. Маркиз каждый год присылает немалые деньги в Саламанку, в наш университет. Слышал я также, что и у себя в поместье создал он школу...

Теперь уж я поглядел направо, на рыцаря нашего. Или барынька эта думает его в школу отдать?

– Впрочем, слывет маркиз изрядным чудачком. Поговаривают, что избегает он дневного света,

все же приемы проводит только ночью.

Я только плечами пожал. Еще один чудак! Будто мало мы их встречали. Впрочем, чудак – это не беда.

– Однако же, рассказывают о нем и не столь лестное. Передавали мне, будто бы маркиз де Кордова первым в совете королевском настаивать стал, чтобы Супрема начала поиск марранов, якобы от веры католической отпавших. Именно он на Севилью указал, сообщив Ее Высочеству, что в городе этом проживают чуть ли не сто тысяч отступников. А сейчас, по слухам, требует он, чтобы каждый подданный королевский получил хартию, в которой указано будет, давно ли принял он веру Христианскую. Впрочем, это лишь слухи, а верны ли они – не знаю даже.

Помолчал сеньор лисенсиат, кончик носа зачем-то потер.

– А об ее сиятельстве маркизе говорят, как о прекраснейшей из женщин, хоть видели ее немногие, ибо редко покидает она поместье. Не знаю, так ли это, ведь слышал я, что маркиза блистала еще при дворе покойного короля Хуана, то есть лет сорок тому. Значит, сейчас ей, как и супругу...

Я быстро подсчитал – да, не сходится. Впрочем, и это не диво, за десяток реалов любую старуху наши стихоплеты первой красавицей назовут.

Я ждал продолжения, но толстячок явно исчерпался. Зато Дон Саладо...

– Вспомнил я, сеньоры, разговор наш, что случился в тот день, когда повстречали мы сеньора Новерадо. Обещали вы, что, буде доберемся мы до славного города Севильи, покажете вы мне книги, именуемые атласами, дабы мог я поискать там землю, мне привидевшуюся.

Вот ведь, не забыл! Одна беда, не в Севилью я его везу.

...Или плюнуть на маркиза вкуче с двумя эскудо? Отвезти дядьку в Севилью, а еще лучше в Палос или Кадис? Там моряков – пруд пруди, никакие атласы не понадобятся.

– А также рассказывали вы, сеньор Рохас, про двух братьев из Венеции, кои двести лет назад...

– Что? – вздрогнул сеньор лисенсиат. – А-а, действительно. Извольте, охотно завершу я

рассказ, ибо должно мне отвлечься от забот...

Давно пора!

– Итак, причалили оные галеры к некой земле. Произведя необходимые измерения, определили братья, что находятся они много западнее и несколько южнее относительно Геркулесовых Столпов. Неудивительно, что климат земли той от нашего весьма отличается. Он много теплее и влажность немалую имеет, однако же не чрезмерную...

А я уже и слушать бросил – не до того. Севилья скоро, а в Севилье ой как много крутится придется! И по делам Калабрийца, и по своим собственным. А ведь еще доехать следует, да так доехать, чтобы никакая рожа любопытная нос свой в мой выюк не сунула. Пока обходилось вроде.

...Повезло мне с идальго моим да с толстячком! Другой кто спросил бы, не удержался: а по какой надобности ты, друг Начо, пикаро с Берега, так далеко от моря оказался? Отчего не на фелюге в Севилью добираться, удобней ведь да и привычней. И вообще, откуда едешь?

Соврать-то можно, но не люблю врать без крайней потребности. Оно и опасно – умный человек всегда ложь почует. Есть, правда, способ: когда врешь, чуток глаза скашиваешь – налево и вверх. Да только не всегда помогает.

А кстати, что там с землей этой неведомой?

– ...На обратном же пути настигла братьев Вивальди новая буря, – вещал толстячок, ручкой своей пухлой для убедительности помахивая. – И на сей раз разметала она галеры. Та, на которой Пьетро Вивальди пребывание имел, без вести сгинула, брат же его Луиджи после странствий долгих у берегов королевства Английского оказался, после чего в плен попал и только через десять лет в Венецию вернуться сумел. Там уже сеньора Вивальди погибшим почитали, отчего передали имущество его наследникам. Пришлось оному Вивальди с родичами судиться, о чем он тоже с огорчением великим пишет...

Вздыхнул толстячок, усиками дернул, не иначе жадных родичей сеньора Вивальди осуждая.

– Отчего же не плавали больше к этой чудной земле? – весьма удивился Дон Саладо, немного подумав. – Разве не долг наш попасть туда, дабы жителей тамошних в веру Христову обратить и с добрыми обычаями познакомить?

– С такими, как мы в Касалье видели? – не утерпел я, на что мой идальго лишь головой помотал.

– А насчет Венеции, дело ясное, сеньор, – продолжал я. – Жадные они, венецианцы, за цехин удавятся. А что за выгода в столь дальние края плыть? Никакого барыша, я вам скажу.

– А другие о той земле просто не узнали, – подхватил сеньор лисенсиат. – Подозреваю, что скрыли власти Святого Марка рассказ Луиджи Вивальди. Дивлюсь лишь, как рукопись сия в замок Анкору попала? Однако же ныне, в Кастилии нашей, разговор идет, что есть нечто на западе, за морем-Океаном. Тому и доказательства имеются. Мартин Висенте, кормчий на службе короля португальского, подобрал к западу от мыса Сан-Висенти кусок дерева, весьма искусно обработанный. Подобный же обломок дерева найден был на острове Порту-Санту. К берегам же островов Азорских прибывало во время бури целые сосны и тела неких людей, ни с кем из известных нам народов не сходных. Даже имя той земле дали. Кто называет ее Антилия, кто – остров Святого Брендана, а кто – земля Семи Городов.

Лучше бы не рассказывал! У дядьки моего глаза аж засветились, словно лучину в его башку вставили. Вцепился он здоровой рукой в бороду-мочалку, качнул шлемом:

– Тысяча лиг! Много, конечно, но что такое тысяча лиг перед лицом доблести рыцарской?

Хотел я спросить, бывал ли он хоть раз в море, когда штормить начинается, но не стал. Ведь шторм перед лицом доблести рыцарской – тоже сущая ерунда!

О доблести рыцарской в этот день еще раз вспомнить пришлось, да только совсем по другому

поводу. Даже сразу по нескольким.

Здесь, в Андалузии Приморской, я за рыцарем моим особенно внимательно поглядывал. Это там, на Алькудийских полях, овец больше, чем людей. Здесь же – наоборот совсем, в харчевнях – не протолкнуться, на постоянных дворах народ прямо на улице ночует. Так что жди беды отовсюду. Как заведется Дон Саладо со своими великанами и людоедами, как назовет трактирщицу принцессой!

Пока обходилось. И вовсе не потому, что идальго мой помалкивал. Совсем даже напротив! В первой же харчевне толстопузого хозяина “сеньором герцогом” титуловал, заодно осведомившись, не требуется ли ему помощь против злобных великанов, что во дворе его замка обосновались. Повезло – хозяин смешливый попался, решил, видать, что гость шутики шутить горазд.

...А той девчонке, которую мой рыцарь “инфантой” назвал, даже понравилось. Покраснела, хихикнула...

Понял я, что зря опасался. Много народу – даже хорошо. Привыкли тут к чудикам, да и сами андалузцы слова в простоте не молвят. Так что Дон Саладо вполне ко двору пришелся. Ну, едет себе сеньор в помятом шлеме, ну, кажет вежество свое рыцарское. Драться не лезет – и ладно.

И в харчевне, куда мы ближе к вечеру завернули, тоже обошлось. Хозяин (диво-дивное, первый раз я худого трактирщика увидел) только кивнул, когда наш рыцарь его “благородным сеньором” назвал. Не до удивления ему было – народу полным-полно, еле-еле мы места свободные нашли. А вокруг – шум, кружек стук, разговоры всякие. Ковырнул я ложкой здешнюю олюю, винца хлебнул – да и уши наострил, благо Дон Саладо с толстячком вновь о земле той неведомой лясы точить принялись.

А я себе слушаю. Не их, понятно, с ними-то я наговориться еще успею...

Послушал, снова из кружки хлебнул.

Да, дела!

Черно-белые, жердь и громоздкий, и тут побывали. Правда, народец здесь поумнее, чем в Касалья-де-ла-Сьерре. Поумнее – да потише. Бить никого не били, но из соседних селений несколько семей марранских уже уехали – от греха подальше.

Выходит, во всей славной Андалузии такое творится? А может, и по всей Кастилии?

Про младенца, украденного и распятого, тоже толковали. Оказывается, все началось в такой же харчевне, только в Ля-Гвардия. Не понравился завсегдааям тамошним некий пожилой сеньор. Точнее, не он, а его нос. И решили они узнать, а что у этого носатого в дорожной сумке такое? Глядь – а там гостия святая!

Ну и кликнули парней из Эрмандады. А те, понятно, рады стараться. Прижали носатого к стенке, сапогом куда надо наступили...

Ох, не понравился мне этот рассказ! И про сапог, и про сумку. А ежели в мою заглянут? Святой гостии там понятно, нет, но ведь у меня не только сумка с собою...

– Начо! Начо!

Фу ты, что значит задуматься! Эге, а чего это с нашим толстячком? Шепчет, глаза скашивает куда-то влево...

И я глаза скосил. Скосил – и плохо мне стало.

Эрмандада!

Накликал! Вот уж, не поминай беса к ночи...

Виду мы не подали, за олью взялись, за винцо. Сидим, никого не трогаем, ни в чем не виноваты. То есть, это мы с сеньором лисенсиатом вид делаем, а славный идальго гостей незваных даже не заметил. Ну и хорошо!

Вдруг обойдется?

Не обошлось, понятно...

– Так что, добрый вечер, сеньоры! Кто такие будете, откуда да куда едете? А бумаги какие имеются?

Бородатые, в латах, на красных рожах – усмешки. Сразу поняли – нездешние мы, таких и проверять следует.

...И что обидно – мзды не берут! На лапу, в смысле. Не берут, потому как не просто Эрмандада, а Святая. То ли дело обычные альгвазилы. Сунул пяток мараведи – и гуляй.

Хотел я ответить, и уже глаза скосить приготовился – чтобы налево и чуток вверх.

Не успел.

– И вам добрый день, славные рыцари!

Ну конечно, Дон Саладо! Уже стоит, мочалку свою выпятил.

...А про “рыцарей” им, кажется, понравилось.

– Приветствует же вас скромный идальго Алонсо Торибио-и-Ампуэро-и-Кихада...

Переглянулись бородачи, один даже шлем снял. Не иначе – подействовало!

– Рады приветствовать вашу милость! А это спутники ваши?

Его, само собой. Дон Саладо сие подтвердил, даже “доблестными сеньорами” назвал.

– Мы чего спрашиваем, – продолжал бородач, тот, что шлем снял. – Потому как время тревожное. Заброды всякие ходят, добрых людей бить зовут, разбойники опять же. А в Авиле, слыхали, мятеж учинился. А вы-то часом не из Авилы едете?

...Самое время глаза скашивать!

– Мятеж? Какой мятеж, сеньоры?

Это уже толстячок. Молчал бы лучше, а то спросят про мешок с деньгами, что на брюхе его спрятан!

– Или вы не слышали? – удивился бородач. – Мятеж в Авиле нынче. Добрые горожане против герцога Бехарского как один поднялись. То есть, не добрые, конечно... Гм-м...

– Войска, что герцог послал, как есть разбили! – подхватил второй, чуть постарше. – Потому, как оружия у мятежников – страх как много. И бомбард, и кулеврин с аркебузами, и пороху само собой. А ведь порох, сеньоры, в Кастилии нашей продавать запрещено. Так не оттуда вы?

...Ну, пороху в моей сумке, конечно, нет – как и святой гостии.

– Ручаюсь я за спутников своих! – гордо ответил Дон Саладо. – Игнасио Гевара, славного моего эскудеро, повстречал я в некоем замке великанском, где напали на меня жестокие людоеды...

Ой!

– Но оный Игнасио Гевара опасность презрел и помощь мне оказал, людоедов страшных не убоявшись...

Ну, все...

И поехал мой идальго,
Ничего не пропуская,
Про ужасных людоедов,
И про злобных великанов,
И про замки, где инфанты
Заточенные томятся,
И про славного Артуро,
Про сеньора Ланчелоте,
Про ужасного Дракона,
И конечно, про Анкору,
Про сеньора Новерадо,
Что гостей у перекрестка,
Встретил следуя обету.

Стало ясно – мы пропали!
Поглядел я на окошко –
Может, выпрыгнуть успею?

Договорил рыцарь мой.
Умолк.

Тихо-тихо вокруг стало, я даже голову поднять не решился. Кажется, рядом с нами вся харчевня собралась.

– С-с-сеньор! – наконец выдавил из себя бородач. – С-с-сеньор, вы...

– Не внесу ли я некоторую ясность? – прехладнокровно заметил лисенсиат, вставая. – Зовут меня Алессандро Мария Рохас, изучал же я разные науки, в особенности же медицину...

Переглянулись бородачи, плечами кольчужными пожали.

– А-а-а! – спохватился один. – Так вы лекарь, сеньор Рохас?

– А-а-а-а! – подхватили другие, но уже с пониманием.

– Юноша же сей, – невозмутимо продолжал толстячок, – нанят мне да сеньору Кихада в помощь. А почему сопровождаем мы этого доблестного сеньора, могу обстоятельно пояснить.

– Да что вы! – тут же откликнулся тот, что про Авилу спрашивал. – Никакой надобности в том не имеется, сеньор Рохас. Нам бы сразу догадаться, как только мы про Анкору да про старого сеньора Хорхе слышали!

– Помилуйте, да в чем дело? – поразился ничего не понимающий Дон Саладо. – Или вы сомневаетесь в благородстве славного сеньора Новерадо?

– Что вы! Что вы! – замахали руками бородачи, друг друга перебивая. – Ну, никак не сомневаемся, сеньор! Потому как дон Хорхе – рыцарь великий, с маврами еще двести лет тому назад бился, и сейчас бьется, и завтра тоже будет. И Сид, который Руй Диас – тоже сеньор благородный, и

тоже мавров проклятых бил, и сейчас их бьет, видели его недавно в войске королевском. Вы, главное, сеньор не волнуйтесь, потому как волноваться вам вредно...

– Странное дело! – воскликнул Дон Саладо после того, как бородачи, переглядываясь да перемигиваясь, прочь убрались. – Показалось мне, что сии благородные сеньоры сами изрядно были взволнованы. И кто пояснит мне, отчего?

Вытер пот со лба наш Рохас,
Подмигнул: изрядно вышло!
А потом ко мне склонился
И сказал: “Вам ехать завтра,
А сегодня, как стемнеет,
Пошепаться надо, Начо,
Только чтоб никто не слышал!”
Не понравилось мне это –
И у стен бывают уши!
А бездомному пикаро,
Что по краешку гуляет,
Ни к чему чужие тайны,
Мне своих пока хватает.
Или он мне про невесту,
Что в Севилье ожидает,
Вдруг собрался рассказать?

ХОРНАДА XII.

О том, как довелось мне расстаться с моими славными спутниками.

– Сир-е-е-ена-а-а-а-а-ас!*

* Ночная стража имела обязанность сообщать жителям о том, какая погода на дворе. “Сиренас” – “ясно”. Из-за этого стражников иногда называли “сиренасами”.

Ну конечно, и тут они, “сиренасы” эти! Селеньице в сотню домов, а поди ж ты – прямо как в Севилье, где-нибудь на улице Головы Короля Педро. Бродят по ночам, людей пугают. Или я не знаю, какая нынче погода?

– Сире-е-ена-а-а-с!

Хвала Деве Святой, уже подальше. Пошел к дому алькальдову людей пугать-будить. Слышал я, где-то в море такие же “сиренасы” имеются, тоже людей криком да ревом своим с пути сбивают. Сам не видел, да шкипер один в Палосе рассказывал.

Оглянулся я, поежился. А прохладно нынче ночью! Или это мне кажется?

Во дворе харчевни – королевство сонное. Спит народ – кто на телегах, кто просто на плащах да пополах. Спят? А хорошо бы, потому как всегда кто-то в самый ненужный момент просыпается да ухо из-под попоны выставляет...

– Я здесь, Начо!

Толстячок! В мантию свою черную закутался, шляпу на глаза надвинул – словно серенаду

петь под чьим-то балконом собрался.

– Пойдемте, сеньор, – вздохнул я. – Присядем в уголке, авось не услышат нас.

С самого начала мне этот разговор страх как не понравился. Чутье у меня на всякую гадость!

...И на опасность – тоже чутье. Печенкой слышу, селезенкой даже.

Присел я на какое-то бревнышко, сеньор лисенсиат рядом бухнулся, плечами дернул. Не иначе, ему тоже не жарко.

Молчит!

И я молчу. Молчу, на небо поглядываю, на звездочки. Ушли тучки, ясная нынче ночь. Сиренас, стало быть.

– Как я понял, Начо, стражники уверены, что никакого замка Анкоры не существует. После гибели Хорхе Новерадо Анкора была разрушена до основания, и никто там больше не жил...

– Ага, – согласился я. – Это и я сообразил.

– Вы помните, мне показалось...

– И мне показалось, – вновь кивнул я. – В самом начале, как только мы сеньора Новерадо встретили. Тени он не отбрасывал. Ни он, ни конь его. И в замке тени не было, даже днем.

...Это я и заметил, да все сообразить не мог. Только недавно дошло.

– Не знаю, что и думать, Начо, – вздохнул толстячок.

Потрогал я булавку – ту самую, с камешками синими, снова на звездочки поглядел.

– Да и я не знаю, сеньор. Но только не об этом, видать, вы разговаривать пришли.

– Не об этом, Начо...

И – замолчал. Тяжело так замолчал.

– Сеньор Гевара...

Дернуло меня даже. Плохи дела, если толстячок меня по фамилии называть начал!

– Я – добрый католик, сеньор Гевара. Католик и подданный Ее Высочества. Мой отец и дед

воевали с маврами, честно воевали. Я сам, как могу, служу Кастилии. Но сейчас в нашей... в этой стране происходит нечто ужасное.

Повернулся ко мне, словно ответа ждал. Ну уж нет, на такое отвечать не стану!

...Вот ведь чудно как – сейчас сеньор лисенсиат обычными словами заговорил, понятными, словно и не ученый.

Припекло, видать – угольками.

– Вы знаете об этом не хуже меня, сеньор Гевара. Нас словно стали рвать на части... Нет, даже не так, кастильцы, наш народ, начал разрывать на части сам себя. Мы очень долго воевали, много веков, поэтому привыкли всюду видеть врагов. Уже много лет в Кастилии преследуют иудеев. Их всюду преследуют, увы. И виной этому не столько власть, сколько фанатизм и зависть темного народа. Да вы сами видели!

Видел, конечно. И не только в Касалье...

– Можно было надеяться, что успехи просвещения и усилия Церкви покончат с этим, как уже покончено с подобным в Италии. Увы... Случилось нечто страшное. Наши монархи внесли раздор в самое сердце народа. Теперь уже нет кастильцев, есть “старые” и “новые”, настоящие – и нет. А ведь “новые” – почти половина народа. Мы начинаем душить друг друга!

Хотел я сказать, чтобы он, толстячок, про королеву нашу зря языком не трепал – без языка остаться можно. Но – промолчал.

Жаль, что я вообще сюда пришел!

– В Кастилии организована Святейшая Инквизиция, как ее еще называют – Супрема. Во главе ее – Томазо Торквемада, племянник кардинала Педро Фернандеса. Говорят, Торквемада не просто фанатик, он – больной человек, а это особенно страшно. Даже фамилия... Turre Cremata – Сожженная Земля. Это то, что он творит с нашей Кастилией... В феврале 1481 года в Севилье был проведен первый Акт Веры.

– Знаю! – не выдержал я.

...Почти всех тогда придушили перед тем, как спалить. А вот падре Рикардо живым зажарили. Не покаялся он, да и не в чем ему каяться было. Долго жгли – на соломе, и еще воды подливали, чтобы не сразу умер...

– Сейчас созданы трибуналы в Севилье, Кордове, Хазне и Толедо. Погибли тысячи, десятки тысяч погибнут завтра. И убивают не мавров, не иудеев – убивают добрых кастильцев, виноватых лишь в том, что их предки имели не ту форму носа. А сейчас готовится что-то вообще чудовищное. Вы же слышали эту дурацкую историю с распятым ребенком! Понимаете, чем все это кончиться может?

– Вот чего, сеньор Рохас, – перебил я, вставая. – Считайте, что вы мне ничего не говорили, а я и не слышал. Спал я, ясно?

– Погодите! Погодите, Начо!

Вскочил толстячок, оглянулся испуганно.

– Погодите, ради Бога! Я... Я не знаю, что делать. Ее отец арестован, и братья тоже, она сама под домашним арестом...

Повернулся я, чтобы уйти. Подумал.

Не ушел.

– Стало быть, сеньор Рохас, невеста ваша...

Понурил голову, кивнул. Зашептал – тихо-тихо, еле слышно.

– Ее отец – марран, на него донесли, будто он тайно соблюдает субботу, не ест свинины.

Какая-то сволочь не поленилась залезть на крышу севильского собора – в субботу, чтобы поглядеть над какими крышами нет дыма. Конечно, это все глупость, страшная глупость, но...

– Для того и деньги везете? – понял я.

– Да... Я продал все, что у меня было, занял у друзей. Деньги – единственное оружие против

них. И я надеялся... И я надеюсь, что вы мне поможете, Начо.

Я только вздохнул. Вздохнул, опять на небо взглянул.

– Спятели вы, сеньор? Да кто же вам поможет? И как? Да вы хоть понимаете, чем рискуете?

– У меня нет выхода, Начо! Слушайте...

– А что ты думаешь, Начо, по поводу неведомой земли, что лежит за морем-Океаном? –
вопросил Дон Саладо, близоруко поглядывая по сторонам.

Поглядеть и вправду стоило. После желтой равнины и красных гор – сад. Огромный, на целые мили протянувшийся. Маслины, мандарины, апельсиновые деревья. Дух такой, что башка кружиться начинает, вот-вот в пляс пойдет.

Славно живется по владениях маркиза де Кордова!

– По поводу той земли, рыцарь? – пожал я плечами. – Да чего же тут думать? Далеко она.

– И то правда, Начо. Однако же, сожалею я, что расстались мы с ученым спутником нашим, и не расспросил я его более обстоятельно.

Сеньор Рохас покинул нас утром. Ему было по той дороге, что направо идет – к Гвадалквивиру и Севилье. Нам же с идальго моим – прямо, через сады эти. К маркизу, который де Кордова. Вот и едем, воздухом дышим, о земле, что за морем-Океаном лежит, разговариваем.

То есть, это Дон Саладо разговаривает. Я-то молчу больше.

– Но знаешь, Начо, хоть и прекрасна земля, куда сумел доплыть сей сеньор Вивальди, кажется мне, что видел я во сне землю иную, еще более прекрасную. Достичь бы ее! Совершил бы я поистине прекрасный подвиг, тебя же, Начо, как и обещал, сделал бы аделантадо некоего острова...

Вот спасибочки, не забыл. Хоть не слушай дядьку этого! То великаны ему с драконами, то земля на краю света. Мне бы такие заботы!

...Еще и толстячок со своими бедами, будто мне собственных напастей мало. И далеко ходить

не надо: вот она, напасть, в шлеме расплющенном на коньке восседает. И что мне с напастью делать прикажете? Маркизу этому, де Кордове, отдавать?

А зачем он, рыцарь мой калечный, его сиятельству? Или дон Федерико Гарсиласио де Кордова, кроме школы, еще и богадельню в поместье завел?

Я уже понял – богатые владения у сеньора де Кордова. Богатющие. Одни сады чего стоят! А ведь земли его не только тут, под Севильей. Наверно, и в других провинциях кое-что имеется.

Но что интересно – никто из местных о маркизе и говорить не хочет. Молчат! Это когда же такое было, чтобы добрые кастильцы о своем сеньоре языки бы не чесали? Куда ни поедешь, на первом же постоялом дворе местному владельцу все косточки перемоют, с мылом даже. Добрый он, злющий, щедрый, скупой – все расскажут.

А тут – молчок. Вроде как не слышат.

Оглохли!

– Так почему бы не купить нам с тобою, Начо, галеру добрую, да не набрать храбрых матросов и не отправиться за море-Океан?

– Потонете, – перебил я, от мыслишек своих невольно отвлекаясь. – И вместе с матросами храбрыми, и с галерой.

– Но отчего же, Начо? – весьма удивился Дон Саладо. – Ведь плавают же многие достойные шкиперы...

– Где плавают? – вздохнул я. – У берегов плавают, и то, если не зимой. Галера или, скажем, галеас, в открытом море – это, рыцарь, гроб плавающий. И не только галера. На всем том, на чем мы к Сицилии или в Берберию ходим, в океан лучше не соваться. Для моря-Океана другие суда нужны.

– А какие? – подхватил доблестный идальго. – Ведь слышал я, плавают бесстрашные

португальцы...

Кажется, мой дядька себя уже на палубе видит! Потеря лоб, затем нос почесал.

...Это вроде как к деньгам. Хотя нет, к деньгам, когда левая рука чешется, а нос – к выпивке. Много вина можно будет купить на те два эскудо, что маркиз мне за рыцаря калечного выплатит! Иуде – и тому немногим больше досталось, тридцать серебряников всего, то есть, вроде как тридцать реалов.

Эй, о чем это я?

– Приходилось мне слышать о судах, именуемых каравеллами...

Господь Вседержитель, Святая Дева! Каравеллу ему!

– Есть такие, – кивнул я, пытаюсь о тридцати реалах этих забыть. – Удобные, слов нет. Борт у них высокий, волна не захлестнет, управлять легко.

...Плавать не плавал, а на борту бывать приходилось, и не раз. И в Палосе, и в Кадисе.

– Только маленькие они, сеньор. У некоторых даже палубы нет. А маленькие – значит, воды не наберешь, припасу опять же. Португальцы, между прочим, тоже у берегов ходят, далеко в море не суются. И по одной каравеллы не пускают, а сразу по несколько, чтоб вернее было. И все равно, тонут эти каравеллы, считай, каждая третья не возвращается. Есть еще нао, у тех паруса лучше, но тоже, слышал, не очень они надежные.

Говорю – а сам по сторонам поглядываю. Нет, не лежит душа дальше ехать! Два эскудо, конечно, деньги, а четыре тем паче...

Вот и Иуда так думал!

– Есть другие суда, рыцарь, их только недавно строить начали. Называется судно такое “каракка”. Видел я одну в Палосе – загляденье просто. Четыре мачты, паруса – и прямые, и латинские, три палубы, десять бомбард. До трехсот человек на борт возьмет, а то и поболее. На такой далеко уплыть можно, особенно ежели кормчего опытного позвать с компасом да с прочими

хитростями...

Даже сам увлекся, пока рассказывал. И вправду, прикупить бы такую каракку да уплыть куда-нибудь к бесовой бабушке – подальше от родной Кастилии!

Укусил я себя за язык глупый, по башке даже пристукнул, мыслишки дурацкие отгоняя. Точно! Заразная хворь у моего идальго. Надо бы осадить его слегка. И его, и себя, дурня.

– Только, рыцарь, напрасно вы нашего сеньора Рохаса так внимательно слушали. Он, конечно, человек ученый, зато я в море по полгода провожу, да и с моряками знаком. Ерунда все это! Чтобы знали вы, у всякого кормчего на картах эта самая земля, за морем-Океаном которая, обозначена. Только у каждого – по-разному, и никто туда по доброй воле не поплывет. А думать об этом вредно, между прочим. Встречал я генуэзца одного, который сам эти карты и рисует. Так он вообще спятил – хочет на запад плыть, чтобы в Индию попасть.

– В Индию?! – Дон Саладо от удивления даже конька своего осадил. – Но ведь Индия, как всем ведомо, на востоке находится!

Вовремя мой рыцарь остановился. Вот и постоянный двор, словно по заказу...

– Потому что генуэзцу этому кто-то сказал, что Земля наша – вроде шара, – пояснил я, с Куло своего слезая. – Круглая, значит, как апельсин.

– Кру... – оторопел Дон Саладо. – Ты сказал, кру...

– Круглая, – кивнул я. – Все, сеньор, приехали!

Апельсиновое царство,
Мандариновое графство –
Красота вокруг и благодать,
Только что-то гарью тянет,
Мертвый тлен шибает в ноздри...

На краю живет пикаро,
Каждый день – как день последний,
Но спешить нет смысла в пекло
И других толкать не стоит.
Два эскудо – это деньги,
А четыре – деньги вдвое.
Много стоит Дон Саладо!
Был бы я корсар алжирский,
Попросил бы даже больше.
Только я – не мусульманин,
Я рабами не торгую,
И людей не продаю!

– Вот так, Дон Саладо, – подытожил я, кружкой глиняной по столу пристукнув – для убедительности пущей. – Потому, значит, и ехать туда вам никакого смысла нет!

Хороший постоялый двор оказался. И название пристойное – “Меч Сида”, и комнатка свободная нашлась – маленькая, но чистая.

Там и поговорили. Все, понятно, идальго моему я рассказывать не стал. Ни к чему ему знать это “все”. Но про главное – выложил.

– В чем же сомнение твое, Начо? – помолчав немного, спросил Дон Саладо. – Или, думаешь, что захватил замок славного маркиза де Кордова некий ужасный людоед-великан? Не числишь же ты самого маркиза, верно Кастилии нашей служившего, людоедом?

В самую точку вопросик! Да как ответить?

– Даже не знаю, рыцарь, – вздохнул я. – Да только сами посудите. Барыньку ту, что деньги мне

дала, вы не знаете, маркиза тоже не знает, не родичи они вам...

– Но вдруг сподобились они помочь по доброте своей христианской? – несколько растерянно предположил мой идальго. – Отчего бы и нет? Почла меня та сеньора, которую мы с тобой в замке Молинильо встретили, хворым и решила помощь оказать?

Ничего не ответил я, к окошку подошел, выглянул. На втором этаже наша комнатка, а внизу – зелень чуть ли не до самого горизонта. И дух сладкий.

...В дверь ломиться станут – высоко прыгать!

– Однако же отнюдь не вижу я в замысле том злодейском, на который намекаешь ты, Начо, никакой логики...

Фу ты! Опять логика! Затошнило меня даже от этого словечка.

– Небогат я, Начо, и не взять за меня доброго выкупа. Доспехи же мои, сам видишь, немного стоят, равно как и конь мой, хоть и честно он мне служит...

Это верно, конечно. Покосился я на моего идальго – неглуп, дядька, когда не про своих великанов говорит.

...К тому же я и сам не прочь с маркизом этим познакомиться. Есть на то причина!

– И не на войне мы, чтобы в плен меня стоило обманым образом захватить и о некой тайне проведать. Если же ты мнишь, что ждут нас лютые душегубы, до крови христианской жадные, то стоило ли нас за столь много миль в логово свое заманивать? К тому же дал ты слово, а слово эскудеро, от чистого сердца данное, так же нерушимо, как и слово рыцаря!

Достал я письмоце – то, что барынька мне всучила, в руках покрутил-повертел. Запечатано, конечно, да только печати – дело смешное...

– Пишет она, чтобы маркиз помощь вам оказал, – заметил я, письмоце пряча. – Помощь оказал – и лекаря вам определил. Доброго лекаря! Слово “доброго” она даже подчеркнула – аж два раза.

– Ну и что? – не понял мой идальго, глазами своими близорукими моргая.

– Ничего, – вздохнул я. – Мы с вами вот что сделаем, рыцарь...

Отошел я от окошка, пальцами прищелкнул.

Годится!

– Я поеду, а вы тут покуда побудьте. Если пришлю я вам письмо, то не читайте даже – на подпись поглядите. Подпишусь “Бланко” – значит, в порядке все, можете к маркизу ехать. А уж если “Гевара” – уносите ноги.

– Постой, постой, Начо! – Дон Саладо даже подскочил. – А ты?

Усмехнулся я, на героя моего калечного поглядел.

– Да я-то выберусь. Я – пикаро.

Не пускал меня мой рыцарь,
Зашумел, за меч схватился,
За дурную железяку,
В бой готовый устремится,
Поразить врагов коварных,
Что в засаде ждут героя.
Только меч его забрал я,
И коня его стреножил,
Комнатушку прочно запер,
А хозяину поведал,
Что буянить друг мой начал,
Потому как выпил много –
Надо дать ему проспаться.
За воротами уж слышу:

“Начо! Начо!” – из окошка
Борода торчит – мочалка.
Почему-то страшно стало,
Словно вправду к людоедам
Или к злобным великанам
Повезет меня мой Куло.
Вот уж, право, незадача!

ХОРНАДА XIII.

О том, какое бывает гостеприимство у маркизов.

– Так что вали, парень, отсюда! Письмецо давай, а сам проваливай!

– А вот сейчас, – с самым наглым видом ответствовал я, письмецо барынькино пряча. –

Сказано: в собственные руки, значит, в эти самые руки и отдам. В собственные.

Ну, никак не хотели меня в дом пускать! Видать, рожа моя привратнику здешнему не понравилась. Даже подмогу кликнул. Здоровые ребята, да и привратник тоже – не заморыш. А рожито, рожито! Чистые мавры!

...А богатый дом, даже снаружи видать. И сад вокруг, и забор с башенками. Дом тоже с башенками – мавританский, старый очень. Жил тут какой-нибудь эмир, может, даже Абенгальб.

Тот самый.

Эмира-то уже нет, а вот мавры остались (самые настоящие, хорошо, если крещеные). Не пускают. Да я тоже уперся – иначе как маркизу, письмо не отдам. И все!

А не пустят – уйду. И гори оно все вместе с моими эскудо!

А мавры ряхи свои кривят, переглядываются.

– Лично в руки, говоришь? Его сиятельству, говоришь? Ну, заходи, заходи, если смелый!

Нехорошо так сказал, с намеком вроде. Словно тут и вправду людоед живет, а людоеду тому самое время обедать пришло.

Ладно, чего уж тут!

Зашел.

Сначала по лестнице вели – вверх, потом по галерее, затем по комнатам каким-то, потом снова по лестнице, но уже вниз. Головой вертеть не стал – не деревенщина какая-нибудь. Зато искоса поглядывал, да не просто, а со вниманием. Во-первых, пригодится, ежели удирать придется – от людоеда, к примеру. А, во-вторых, интересно, как маркизы живут. У графов бывал, даже к герцогу одному заглянул как-то (в Италии, правда), а вот к маркизам еще не зааживал.

Да, богатый дом, нечего сказать. Каждая комната чуть ли не шелком обита, гобелены всюду, мебель дерева темного. Ну, богатый – это понятно, только вот странное дело – все двери, через которые проходить пришлось – с замками. А не с замками, то с засовами.

Или они тут друг от друга запираются?

А вот еще двери – тоже с замком. Ну, дела!

Слуга, что меня вел, двери те отворил – не обе створки, понятно, одну, потому как птица я невеликая. Отворил – знак мне сделал: жди, мол. А сам – за дверь.

Жду. Жду и по сторонам поглядываю. Странное дело, за дверью вроде как птицы поют?

А как слуга вернулся да мне кивнул, чтобы, значит, шел я дальше, все и разъяснилось. За дверью-то сад оказался. Только не сад – садик, маленький такой, меж четырех стен. Оттого и птички пели. Красивый садик! Посреди – фонтан мрамора белого, водичка, самой собой, струится-плещет, чуть дальше два льва, тоже мраморные, на меня облизываются.

А у фонтана – кресло. Вот туда меня и подвели. Слуга – не тот, что меня привел, другой – толстый, мордатый, над креслом склонился:

– Письмо, ваше сиятельство!

– Буль...

То есть как это, “буль”?

– Буль! Буль-буль!

Точно, “буль”. И не вода булькает, а именно “буль” – словами. И не из фонтана, а из кресла.

– Ваше сиятельство...

– Буль-буль!

Оторопел я вначале – не каждый день такое услышать можно. А после и понял. Сидит в кресле дядька чернобородый, весь в черном бархате. Шляпа тоже черная, на шляпе – жемчужина чуть не с мой кулак. Сидит – булькает. А глаза – веселые-веселые. А щеки розовые-розовые!

– Буль-буль! Буль-буль!

– Ну так чего, парень? – это мне слуга, шепотом. – Отдавай письмо. Хотел лично в руки – вот тебе и руки!

– Буль!

Сглотнул я, Деву Святую мысленно помянул, письмо достал.

...Теперь ясно, почему его сиятельство Федерико Гарсиласио де Кордова днем никуда носа не кажет. Занят потому что – булькает.

Взял он письмецо (а на руке перчатка – тоже черная), в пальцах повертел, распечатал...

– Буль-буль-буль!

...в воздухе письмецом помахал.

– Буль!

А слуги уже ухмыляются да перемигиваются – по моему, понятно, адресу. Мол, хотел

повидать его сиятельство – так и повидал. А хочешь свои два эскудо просить – проси, тебе в ответ побулькают...

И смех, и грех. Ну, барынька и удружила. Через всю Андалузию ехать, чтобы бульканье послушать. Хорошо еще, не кваканье!

...И что рыцаря моего калечного тут не ждут – тоже хорошо. Даже очень! А насчет маркиза – ошибся сеньор лисенсиат. Не старше сорока маркиз, так что, видать, это другой де Кордова старому королю Хуану служил.

Да и какой из этого “буль-буль” служака!

– От кого письмо?

Даже вздрогнул я.

Обернулся – туда, где львы мраморные.

В темном шелке, в длинном платье,
Серебром тяжелым шитом,
С пестрым веером огромным,
Крепко сжатым в тонких пальцах,
На меня она смотрела
Без улыбки и без гнева –
Равнодушно, как на мрамор,
Или просто – на собаку,
Что случайно забежала.
Лишь на дне очей зеленых,
Под высокими бровями
Что-то странное плескалось,

Только что – не разобрать...

...Высокая, худая, длинноногая, длиннорукая.

– От кого письмо?

Спокойно так повторила, равнодушно – словно и вправду с собачкой разговаривала.

– Его сиятельству письмо, – ответил я, чуть головой дернув вместо поклона. – Маркизу де Кордова. Лично в руки, стало быть. Ему.

...Не ей, в смысле. Мы – тоже гордые.

Поглядела, губы тонкие поджала, ко мне шагнула – резко так, словно из чьих-то рук невидимых вырывалась.

Сколь же ей лет? Тридцать – точно будет, но уж никак не больше. Или больше?

– Я – маркиза де Кордова. Говорите!

Моргнул я только. Все не так, все толстячок перепутал! Маркиз – все ясно с маркизом, да и ее сиятельство совсем другая. И лет ей поменьше, чем сеньор лисенсиат думал – раза в два, и уж точно – не прекраснейшая! Острая вся какая-то, резкая.

И глаза зеленые. Злые глаза!

Однако, делать нечего – рассказал. Все, как было.

Слушала, веером по пальцам постукивала, губами чуть подергивала – словно ругаться собиралась. А как я закончил, задумалась, веер сжала...

– Деньги вам заплатят.

И на том спасибо. Теперь и поклониться можно.

– Пойдемте... Адонис, возьмите веер!

Какой еще Адонис? Может, собачка?

Нет, не собачка. Соткался из-за льва мраморного худосочный сеньор в балахоне с разводами

желтыми (такое сейчас в Генуе носят, неудобно – страх) и в желтом же колпаке, поклонился, изобразил усердие, веер подхватил. Думал я – зубами возьмет. Обошлось, но вид у него – точно собачий. Имя, впрочем, тоже.

...Но не слуга. Слугу сразу узнать можно. И одет богато, и перстни на пальцах.

– О-о-о-о-о-о-о-о! О, Галатея! О, не оставляйте меня, Галатея!

И глазами томными – на маркизу. Та, впрочем, и ухом не повела, ко мне повернулась.

– Да пойдете же!

А я так и не понял, обругал этот Адонис ее сиятельство – или похвалил?

– Алонсо Торибио-и-Ампуэро-и-Кихада... Нет, не слышала.

На этот раз разговаривать в комнате довелось. Мрачной такой, темной тканью обитой. И окошко маленькое, словно бойница. Вот ведь диво! Бывал я в домах у сиятельств всяких, даже у светлостей бывал (у того самого герцога итальянского). Так там у каждой дамы – комната с эстрадо,* с коврами да с подушками. А тут словно узилище какое.

* Эстрада – возвышение, устланное покрывалом или ковром.

– Род моего мужа в свойстве с Ампуэро, но те живут в Леоне, а этот сеньор, вы говорите, из Эстремадуры...

Ее сиятельство изволили в кресле восседать, мне же скамейка досталась. Но все-таки усадила! Это мне понравилось даже. И что на “вы” – тоже понравилось.

– Сеньора Брантес-и-Энрикес наша дальняя родственница. Она – человек добрый, наверно, и

в самом деле пожалела этого рыцаря...

Замолчала, куда-то вверх поглядела.

– Но в любом случае, мы, само собой, поможем. Не по-христиански бросать человека на дороге, тем более защитника нашей Кастилии... Да, конечно.

Нельзя сказать, чтобы сомнения мои совсем развеялись. Но все же поменьше стали. Кажется, барынька в маске и в самом деле думала моему Дону Саладо пособить. Бывает же иногда, чтобы без подлости обошлось!

Редко, правда...

– У нас есть хорошие лекари, в том числе по душевным болезням. Увы... Вы же видели моего мужа.

Ап!

Кивнул я, с ее сиятельством соглашаясь, а сам глаза незаметненько опустил. Взгляд чтобы не выдал.

Зря ее сиятельство меня за собачку принимает. Впрочем, собаки – они тоже умные.

По каким-таким душевным болезням лекарь? Ведь я ни о чем подобном и не говорил! Про руку сухую сказал, про то, как бомбарду разорвало, сказал...

А я чуть было Галатее этой не поверил!

Знает. Все знает!

Эх, зря я сюда сунулся!

– Так где, вы говорите, Игнасио, оставили сеньора Кихада?

Как же! Ничего такого я как раз и не говорил.

...И не скажу. Теперь уж точно.

– В Севилье он меня ждать будет, – сообщил я, глаза влево скашивая. – В Триане, на улице Альтосано. Ну, знаете, той, что от деревянного моста, который на тринадцати лодках, идет. Рыцарь

этот, ваше сиятельство, человек страх как скромный, обузой быть не желает, потому и к вам ехать не хочет. Но ежели хотите, я его уговорю. Прямо сейчас туда отправлюсь.

И ищи ветра в поле!

– Нет. Его и так найдут. А вы пока здесь побудете.

Твердо так сказала – и в глаза мне поглядела.

Понял – не выпустят.

Всем хороша комната оказалась – та, куда меня поместили. И окно большое, и кровать широкая. Мягкая кровать! Только засов на дверях не изнутри, а снаружи.

Плотник перепутал – не иначе спяну мастерил.

Запирать все же не стали. Гуляй по коридору да в другие комнаты заглядывай. Правда, все комнаты запертыми были. И не на засов – на ключ. А из коридору хода нет – тоже заперто. Прошелся я взад-вперед, послушал. И почудилось мне, что за одной из дверей вроде как шевелится кто-то. Прислушался, ухо к двери приложил. Точно!

Ну что же, теперь можно и губы приложить. К замочной скважине.

– Сеньор, а сеньор!

Шевельнулось, замерло.

– Сеньо-о-ор!

Нет, не отвечает сеньор! Или сеньора. А может, они тут собаку заперли? С них станется!

Осталось одно – на подоконник забраться и в окошко смотреть. Тем более, второй этаж, далеко видно.

А виден был из окошка сад – тот, что дом окружает. Густой такой сад, схорониться легко – если искать станут. А что? Окошко широкое, решеток нет, вниз слезть – раз плюнуть. Вот стемнеет только...

Подумал я – и сам себя одернул. Потому как хуже нет, когда другого за дурака считаешь. Сам в дураках враз окажешься. А тут дураков нет – если маркиза булькающего не считать, конечно. Так что окошко это неизвестно куда еще ведет.

Значит?

Значит, поглядим. Итак, сад, в саду – деревья всякие: и апельсины, и маслины, и мандарины, и просто тополя с кленами. За деревьями – забор. Не то, чтобы высокий, но и не слишком низкий. А поверх – ничего, ни решеток острых, ни чего-то иного. Словно зовут-приглашают – в окошко, по-над деревьями, к забору. А поскольку дураков тут нет...

Значит, собаки. Или сторожа. А скорее всего, и то, и другое. Правда, сейчас день, никого не видать – ни тех, что на лапах, ни тех, что на ногах.

Но и это тоже ничего не значит. И такое видеть приходилось – тишь да гладь, да благодать божья...

Высунься, высунься, называется.

...Только бы идальго мой геройствовать не начал! С него станется. Еды-то ему принесут, заплатил я хозяину. И не выпустят – за это тоже заплачено.

А там и я подспею.

В общем, решил я не спешить покуда. С тем и с подоконника слез.

А тут и дверь в коридоре грякнула.

– А-а-а-а-а-а! О-о-о-о-о-о! Галатея, а-а-а-а!

Что-то знакомое! И что-то, и кто-то.

Сеньор Адонис, все в том же балахоне и колпаке, дверь подпирать изволили – ту, что в одну из комнат вела.

Лбом.

Подпирать – и выть. Тоскливо так, протяжно.

– Галате-е-ея!

– Помилуйте, сеньор, – не выдержал я. – Да что это с вами? И разрешите загадку – отчего это вы ее сиятельство Галатеей обзываете? Маркизу ведь Беатрисой кличут!

...Не просто Беатрисой (представились мне ее сиятельство), а Беатрисой Марией Селестиной Анной. Но уж не Галатеей – точно.

– А-а-а-а-а-а! Галате-е-е-я-я-я!

Ну и дом! Один булькает, другой воеет, третий за дверью скребется.

И всех запирают!

Огляделся я по сторонам – никого, пусто в коридоре. Человек пропадает, чуть ли не дверь лбом пробить пытается – а помочь некому!

Взял я Адониса этого, встряхнул, как следует.

Умолк!

Умолк, зубами клацнул, на меня поглядел. А глаза пустые, какие-то белые...

Отволок я его в свою комнату, водой из кувшина (спасибо, оставили – не забыли) ополоснул слегка.

– Эй, сударь, очухались?

– Да... Да, кажется.

Очухался!

– Зовут меня Франциско Пенья, сеньор, Адонис же, равно как Галатея – имена поэтические, из древних мифов взятые. Называю я так сеньору маркизу потому, что Беатрисой может звать ее каждый, Галатея же – имя, только мною произносимое, оттого и особо оно сладким кажется.

Почесал я затылок, пытаюсь всю эту мудрость уразуметь, да не вышло. К тому же хотел бы я

поглядеть на того, кто ее сиятельство запросто Беатрисой назовет!

– Знает она о любви моей безответной и в милости своей позволяет мне изъяснять оную любовь поэтически, конечно же в формах пристойных и изящных...

Когда ближе я присмотрелся, Адонис этот, который Франциско Пенья, даже на человека похожим показался. Молодой парень, меня чуток постарше, тонкокостный, лицо смазливое, такие дамам всегда нравятся.

Похожим – но не до конца. Чего-то в этом Адонисе было непонятное, да такое, что и словами не выразишь. Прозрачный он какой-то! Не бледный (хотя и бледный – тоже), но именно прозрачный.

И так я присматривался, и этак. Вроде бы не светится, и стену через него не видеть.

...А все-таки прозрачный!

– О сколь славно воспевать даму своего сердца сладкими словами языка кастильского!..

– А дверь бодать зачем? – вновь не выдержал я.

– Что?!

Удивленно так поглядел, даже рот раскрыл.

Не помнил! Ни как дверь бодал, ни как выл, ни даже как веер из ее сиятельство из рук брал. И что весь день делал – не помнил.

И что интересно – даже не удивлялся. Вот когда я расспрашивать его стал – удивился.

– Действительно, сеньор, не помню я, что со мною за день этот случилось. Ночь помню, утро... Нет, ночь не помню, спал я, конечно, но... Не помню. Не иначе, любовь, душу мою переполняющая, затмила на время рассудок.

– Да вы не волнуйтесь, сеньор Пенья, – вздохнул я. – Оно бывает!

...И надо же такому совпадению стать. Маркиз булькает, Адонис-бедолага воет да себя не помнит, тот, что за дверью – молчит.

А еще им мой Дон Саладо, головою скудный, понадобился!

– Вы, значит, успокойтесь, – продолжал я. – О себе расскажите, что ли. Вы, стало быть, поэт будете? Романсьеро сочиняете?

– А? – вскинулся он. – Что вы, сударь! Романсьеро – не стихи, а песни, причем весьма грубые, созданные в угоду простонародному вкусу...

Вспомнил я сеньориту Инессу, как пела она – и даже обиделся.

– К тому же я не признаю стихи, где есть то, что именуется сюжетом. Стихи – это звукопись, сеньор, в них не должно быть иного смысла, кроме смысла созвучий. Настоящая словесность это та, где герои не рыцари, с драконами воюющие, но слова. Это и есть литература, истинная, глубинная. О-о-о-о-о-о!

Кажется, опять начал!

– Вы бы, сеньор, свои стихи почитали, – поспешил я, чтобы это “О-о-о-о-о-о!” не слушать.

– Страсть как хочется про звукопись вашу узнать.

– Стихи? – сеньор Пенья задумался, затем на меня поглядел – растерянно этак.

– Стихи, сеньор? Но я не помню своих стихов!

За окошком – месяц полный
Серебрит листву на ветках.
Тихо-тихо! Только шорох
И чуть слышный скрип деревьев.
Дом как вымер, сад как вымер,
Сторожей совсем не видно,
И не слышен лай собачий.
Выходи, гуляй, где хочешь!
Только знаю – все неправда.

Сторожат и глаз не сводят.
Словно взгляд чужой уперся –
Прямо в сердце, не в затылок.
Месяц скалится на небе,
Тоже взгляда не отводит,
И хохочет, и хохочет:
“Что, попался, глупый Начо?
Не старайся! Не уйдешь!”

ХОРНАДА XIV.

О том, как мы снова встретились со славным идальго Доном Саладо.

Когда не о чем думать – или когда ни о чем мозгой шевелить не тянет, самое время о жратве поразмыслить. О еде, в смысле. Оно, правда, тоже опасно бывает: лежишь голодный, руки за голову закинув, и представляешь себе то пулярку жареную, чтобы с жиром да с кожицей золотистой, то карпа со шляпу размером – тоже, стало быть, жареного. Вначале ничего, отвлекает, а потом совсем худо становится. Одна надежда – накормят, не дадут с голоду пропасть.

Это я к тому, что к утру оголодал я ну прямо-таки всеконечно. А все потому, что всю ночь глаз не сомкнул. И не то, чтобы спать не хотелось. Хотелось, да еще как! Но появилась у меня одна задумка, и вот эту задумку я всю ночь и исполнял. А как солнышко сквозь кроны густые, что за окном, выглянуло – тогда и лег, чтобы о жратве подумать. Ведь все-таки я у их сиятельств в гостях. Должны же покормить хоть чем-нибудь!

И только тогда, как петуха (тоже жареного и тоже с корочкой) себе во всей его красе

петушиной представил, долбануло меня – прямиком по макушке. Ведь пятница сегодня! У всех добрых католиков – пост, стало быть, в лучшем случае кусок хлеба принесут, а в худшем до полуночи ждать придется. Ждать – да слюнки пускать. Тем более, в последний раз завтракать довелось еще на дворе постоялом, перед тем как мы с идадьго моим расстались.

Фу ты!

И взяла меня тоска. Да такая!..

Впрочем, ненадолго.

Ведь я думал как? Думал, сперва ключи зазвенят, потом та дверь, что из коридора дальше ведет, хлопнет, потом появится на пороге какой-нибудь мавр с рожей бородатой – и с хлеба куском. Потому как в тюрьме я, а в тюрьмах (навидался!) все так и происходит.

А разве не в тюрьме? Никуда не пускают, дагу мою еще вчера отобрали, а что решеток на окнах нет – так тюрьмы, они разные бывают. Да только одна другой не слаще, даже если без решеток.

А все иначе получилось. И ключи зазвенели, и дверь хлопнула, и мавр на пороге появился. Появился – и пригласил, вежливо этак. Оказалось – на завтрак. По коридору, вниз по лестнице, на первый этаж, а там не то комната, не то целый зал. А в зале том – стол накрыт, да слуги возле стола скучают. И две тарелки (не миски, понятно, не в харчевне). Одна для меня, само собой. А вторая для кого?

А у меня аппетит уже почти пропал. Не совсем, конечно, но куда поменьше сделался. И не в том дело, что на столе стоит – пахнет, ароматы пускает. То есть, и в этом тоже. Мясо на столе, в подливке с перцем и шафраном, да вино в кувшине чуть ли не серебряном. Это в пятницу-то!

...Перекрестился даже.

С одной стороны – спасибочки, конечно. Все мечты, что желудок за ночь мой посетили, сбылись – причем враз. Мяско такое – пальчики оближешь и еще попросишь. А с другой... В каком

же благородном доме пост не соблюдают? Это мы, кто попроще, грешим порою. И то редко.

Ну, вкусил. А как вино распробовал – местное, но из неплохих, пожаловал к столу генуэзский балахон. Сеньор Адонис персоной собственной.

Вошел, на меня и не взглянул – а ведь я сразу поздоровался! Сел, начал в мясе ковыряться...

Все ясно, опять сеньор не в себе. Хорошо еще, не воет и не бодается. Хотел я его растормошить да порасспрашивать о всяком да о разном. Но – не стал. Потому как не одни мы, да и подумать требуется.

...Вот уж право, смеялся я с сеньора Рохаса, с толстячка нашего, что он часто слишком этим занимается – думает, в смысле. А тут и самому довелось.

Думал я уже в саду, потому как после завтрака меня напрямик в сад отправили. Проветриться, видать. Не в тот, где львы с фонтаном, а в большой, что вокруг дома. Тот самый, за которым я всю ночь наблюдал.

Вот я и говорю, полезно не спать иногда. И слушать. Да и поглядывать.

И вот дышу я всем этим благорастворением – мандаринами с апельсинами – и вспоминаю, чего ночью видел. Стены, на башенках мавританских, что по углам, по стражнику, но это охрана не для нас, а для тех, кто снаружи пожалует. Потому как эти, на башенках, спуститься не успеют, если я через забор перелазить стану. Конечно, у них и арбалеты могут быть, и аркебузы или эспингарды* даже, да только ночью темно, не совы же они, в самом деле!

* Эспингарда – длинная пищаля.

А во дворе – ни собак, ни сторожей. Долго я удивлялся, потом даже злиться начал. Или дураки они тут – или умные очень. А если умные, то значит, это я дурак буду.

Обидно!

И только под утро заметил – ходит! И вроде бы как женщина. То есть, не ходит – появляется вроде. То в одном углу, то в другом. Темно, понятно, всего не разобрать (луна уже за ветки спряталась), но дивно как-то. То тут она, то там. Невысокая, кряжистая такая, плечистая. Но – не баба, а чуть ли не дама. Одежа, во всяком случае, благородная. Платье темное, на голове вроде шапочки круглой. Почти как дуэнья, которую ни с того, ни с сего в сторожа определили.

В общем, как хочешь понимай. А понял я так: в сад без спросу ни ногой. Потому как непонятное – хуже всего.

...А днем – точно не убежишь. Я гуляю, воздух нюхаю, а за мной пара мавров – тоже прогуливается.

Ну и пусть себе! А я дальше думать буду. Про то, что увидел – ясно, а вот что услышал...

Первое дело – шаги. В той самой комнате, что заперта. Ходит кто-то – то быстро, то медленно. Значит, не собаку там заперли. Послушать, так вроде мужчина, крупный такой. Но это ладно, а вот сеньор Адонис, который Франциско Пенья!..

Вначале молча сидел. Тихо-тихо, как мышка. Потом вдруг подвывать начал. То “О-о-о-о-о-о!”, то “А-а-а-а-а!”, а порою и вовсе “Ы-ы-ы-ы-ы-ы!”. Даже страшно мне стало. А затем выходит. В коридор. Думал вначале, в нужный чулан собрался (в самом конце коридора чулан этот), так нет. Постоял, позавывал, потом чего-то скрипнуло...

И нет его! Ни шагов, ни вытья. Сгинул – а куда? Допустим, гулять его пустили, дверь коридорную открыли. Но он туда даже не подходил, возле своей двери постоял. И пропал – с концами.

Уже под утро вернулся. Сперва скрипнуло, затем дверь комнаты открылась, а потом “О-о-о-о-

о-о!”

Ну и домик!

А по саду народ всякий ходит, на меня не смотрит даже. Ну, мавры, что дом сторожат, ну, слуги (этих по одежке пестрой сразу узнать можно). Служаночка пробежала, козочка (она-то как раз на меня взглянула!). Это понятно. А потом появился дядька в балахоне темном да с книгой подмышкой. На подбородке – борода козлиная, на носу – окуляры. Следом – такой же, только без бороды, зато тоже с книжкой. И чернильница при поясе. На меня не взглянули, прямо в дом пошли. А следом – еще один.

Вспомнил я – школу тут его сиятельство открыл. Да только не для детишек сопливых, видать, эта школа!

...И сразу же увиделось. Собрались все эти умные в том садике, где фонтан, выкатили к ним маркиза в кресле, а его сиятельство им: “Буль!” Они и записали. Он снова: “Буль!”

Смехота, конечно. Только не до смеху мне было.

...Особенно, когда меня из сада этого позвали. Погулял, значит, и будя. А как понял, куда меня ведут...

– Садитесь, Игнасио. Я сейчас...

Вежливая она, сеньора маркиза, Галатейя которая. Вроде бы как извиняется.

В ту самую комнатку меня привели – в маленькую, с окошком узким. И ее сиятельство там же – в кресле, у столика. На столике, рядом с ампольтетами*, бумага, письмо вроде, а ее сиятельство это письмо читает.

* Амоплеты – песочные часы.

Она читает, я жду. Это вроде как у коррехидора на допросе или у судейского какого. Не сразу говорить начинают – томят. Чтобы, значит, помягче стал. Помягче – да поразговорчивей.

– Я попросила вас задержаться, Игнасио. Надеюсь, вы не в обиде.

Ага, уже дочитала. И снова извиняется.

– Да чего уж! – руками развожу. – Какие тут обиды, ваше сиятельство!

И рожу делаю – вроде, совсем дурак. И тут поглядела она на меня глазами своими зелеными...

...И сразу язык к гортани прилип.

– Ваши деньги, Игнасио. Возьмите.

И на стол кивает. Как же я не заметил? Вот они – мои два эскудо, на подушечке бархатной, гербами кастильскими сверкают.

Встал я, к столику подошел.

Странное дело! Обычно эти благородные сами не расплачиваются. На то у них секретари есть или просто слуги. А Галатея не побрезговала.

И только когда я эскудо эти рукой сгрел, понял – не так что-то. С монетами все в порядке (тяжелые, даже края не обрезаны!) и со мною пока – тоже.

...Или нет? Словно слабость какая-то накатила, и булавка с камешками синими, что у меня за воротом, тяжелой сделалась.

– Сеньор Кихада неподалеку отсюда, на постоялом дворе “Меч Сида”. Напишите ему!

И снова на меня посмотрела – прямо в глаза. Ох, и плохо же мне стало. Наивный я человек, если думал моего Дона Саладо от этой зеленоглазой спрятать!

– Если надо, могу позвать писца. Продиктуете.

– Обойдусь как-нибудь, – вздохнул я, табурет к столику поближе придвигая. – Это у тех, которые благородные, почерк плохой.*

* Испанские дворяне плохо владели грамотой.

Даже дернуло меня, когда она рассмеялась.

– Согласна! Да что с вами, Игнасио? Неужели вам кажется, что сеньору Кихаде здесь нанесут какую-нибудь обиду?

– Да не кажется мне, ваше сиятельство.

(Кажется – это если никакой уверенности нет.)

Перо уже в руке – большое, чуть ли не павлинье. И что делать? Не писать? Так на веревке идальго моего притащат.

Написал. Расписался, аккуратно так, буквочка к буквочке: “Игнасио Гевара”, на ампольтеты поглядел...

Сыплется в ампольтетах песочек – песчинка песчинку догоняет.

А может, еще успеет мой рыцарь удрать? Или сообразит чего? Мечом-то он работать умеет, сам видел!

– Хорошо.

Сложила она письмо, в руке подержала.

Положила.

– Я хотела бы, чтобы вы, Игнасио, пожили здесь еще некоторое время. Вам будут платить тридцать мараведи в день, а делать ничего не придется.

Угу...

Улыбнулся я, встал.

– Пикаро я, ваше сиятельство. А пикаро – они народ вольный!

– Знаю! – оборвала она меня – резко так, решительно. – Но пикаро тоже служат, если срок не превышает год. От одного дня Святого Хуана до другого. Так?

Все верно! Как говорится, я служить исправно стану от Хуана до Хуана...

А ей-то кто сказал? И на что намекает? Что меня здесь целый год солить будут?

– Так что вам, Игнасио, лучше остаться здесь. И лучше со мною не ссориться. Это ясно?

Тут с меня весь задор и сошел. Потому как и вправду ясно все стало. И с тем, что не выпустят, и чего с моими эскудо не так. Полное просветление наступило. Потому как не просто золотые на подушке этой лежали...

Эх, где же мои глаза-то были!

...а в петелечке вроде. Тоненькая такая петелечка – из волос человеческих...

Говорят, что у Кордовы,
Если чуть на юг проехать,
Ты увидишь пропасть Кабра.
По краям там голый камень –
Камень да земля сухая,
Не найдешь и травки козьей.
Днем туман стоит на Каброй,
Даже солнца не заметишь,
Ночью блещет свет холодный –
Словно бы гниет там что-то.

И болтают поселяне,
Если выпьют в праздник вволю,
Что не просто пропасть Кабра,
А дорожка в Преисподню.
Будто сам Нечистый ходит,
В ночь на Страстную Субботу
Через Кабру в мир наш грешный,
Чтоб забрать лихие души.
Но маркизе де Кордова
Ни к чему в Кордову ехать,
Если Кабра под рукою –
Дверь открыла – и шагнула.

Весь коридор – сорок шагов. А если широко шагать – тридцать четыре.

Вот и шагаю. А чего еще делать? Комнатка за день опостылеть успела, поговорить не с кем, из коридора не выпускают.

И тошно так, тошно! Рука, что эскудо эти проклятые брала, аж горит. Одна надежда – не дотронулся я до этой петельки. Да только надежда слабенькая, знала ее сиятельство, что делала.

Ох, и наслышался я по эти петельки! Про петельки, про следки вынутые. Фу, и вспоминать не хочется. Вот дела! Бабку какую-нибудь из селеньица глухого за эту петельку прямиком на дыбу пошлют. На дыбу, а после на поля Таблада, где Кемадеро это, будь оно неладно. Ну, а с их сиятельствами так, понятно, не поступишь. Да и разве докажешь чего? Посинеет морда, кишки со внутренностями всеми узлом завяжутся...

Ой!

Повернулся я, головой тряхнул, чтобы про внутренности мои бедные не думать – и снова коридором. Я ведь не просто так хожу, подметки стаптываю. У той двери, что заперта, каждый раз останавливаюсь.

Слушаю.

Да только тихо там. Не совсем, конечно. То шелест какой-то, а то и вроде застонет кто-то. Но – не отзывается, я уже три раза выкликал.

И сеньора Пенью, Адонис который, снова куда-то черти унесли.

...А вдруг и правда, спаси нас Дева Святая?

Остановился я, подумал чуток и решил коридор больше не мерить. Иначе поступить. Я, конечно, не лицедей-хуглар, в театре бродячем не играю, но если надо...

Встал я возле дверей, за которыми комната сеньора Адониса, и себя им вообразил. И ростом я меньше, и в плечах уже, и балахон на мне генуэзский. И ночь вокруг стоит. Выхожу, значит, я из комнаты, вою, гнусно так:

– О-о-о-о-о-о-о!

...Ну, выть я, положим, не стал, вообразил только.

И шаг делаю, другой, третий. Вроде как прямо иду, потому как шаги не удалялись и не приближались. Иду, значит, затем чем-то скриплю.

Исчезаю.

А куда? Перед носом – стена, деревом обшита, темным таким, прочным...

Обшита, значит? Ой, как интересно!

Стал я пальчиком обшивку эту ковырять...

Не успел – сеньор Адонис пожаловать изволили. Не сквозь стену – через дверь коридорную. Отворили, видать, ему. То есть, не пожаловал, потому как слово это ну никак сюда не лезет.

...Еле подхватить успел!

– Вы правы, сеньор, со мною и в правду происходит что-то странное, но самое невероятное в том, что я об этом не могу думать. Вот разве что, когда вы рядом...

Как меня зовут, он тоже забыл. Бледный такой весь, прозрачный.

Точно – прозрачный! Только не светится, а вроде как наоборот. Лежит, тихий такой, даже не моргает, в потолок беленый уставился.

Уложил я его на кровать – в его комнате, само собой. Заодно и осмотрелся. Такая же комната, как у меня, на столике – книжка толстая в переплете кожаном с застежкой серебряной, перо с чернильницей, лист бумаги. Чистый – ни строчки, ни кляксы.

И распятия нет. У меня-то висит – черное, большое.

– Вот сейчас, когда вы рядом, сеньор, понимаю я, что помню себя только пару часов в сутки – на рассвете и ближе к вечеру, как сейчас. А в прочее время... Может, это и есть любовь, как вы думаете?

А я все петельку вспоминаю...

Поглядел я на него, болезного, головой покачал:

– А скажите мне, сеньор Пенья, откуда вы взяли, что вы поэт и что Галатею, то есть, ее сиятельство, страх как любите?

Моргнул, губами пошевелил – испуганно так.

– Не знаю!

Не знает, значит...

А ночью, как стемнело совсем, собаки во дворе появились. Много! Большие, вроде канарских ищеек, будь они, сволочи, прокляты! Не лают, зато по всему двору носятся, носами землю роют.

И женщины той нет – дуэньи. Или привиделась мне она?

Ну, и понятно, вой в коридоре, шаги, скрип. Сгинул сеньор Адонис, прямо через стену. Через панели эти. А в комнате, что заперта, то ли плачет кто-то, то ли скулит.

А мне и самому выть захотелось.

Утром за мною пришли. Бороды черные, рожи наетые. Мавры, стало быть. Пришли, во двор потащили.

...То есть не потащили, сам пошел. А все равно – противно. Один бородач впереди, двое с боков. И зубы скалят – радуются.

А чему радуются, уже у самых ворот я понял. Настежь ворота, а в воротах...

Ох, и тошно мне стало!

– Добрый вам день, сеньоры! Позвольте приветствовать славных хозяев этого замка и благ всяческих пожелать, и благословение Божье на вас призвать!

– И вам добрый день, сеньор Кихада. Добро пожаловать в поместье де Кордова!

Это, понятно, ее сиятельство. Тут уже она, и Адонис блаженненький здесь же, веер держит, меня не узнает.

А Дон Саладо с конька-недомерка слезает, поклон отдает, железками своими позвякивает. Улыбается, бороду-молчалку выставил...

Эх, рыцарь, рыцарь!

Поговорить нам все-таки дали – минутку всего. Отвел я его в сторону, за плечи железные взял:

– Что же вы, Дон Саладо, или читать совсем разучились?

А он мне тихо-тихо так:

– Неужто думал ты, Начо, что брошу я тебя в беде? Пусть прав ты, и в замке этом вправду зло таится, разве не справимся мы с тобой, не разобьем все козни супостатов? Ведь чем трудней наш подвиг будет, тем большую славу добыть нам предстоит!

Посмотрел я на рыцаря моего, на шлем его дурацкий, на бороду мочальную.
И вроде как легче мне стало.

Увели конька куда-то,
Долго он смотрел-косился,
Шею все тянул, старался.
Улыбнулся Дон Саладо,
Улыбнулся, шлем поправил,
Что на ухо ему съехал.
Ну, а мавры скалят зубы,
На меня глядят-смеются.
Не по-твоему, мол, вышло,
Сам попался, глупый Начо,
И идалго твой калечный
Сам приехал в наши сети!
Ничего я не ответил,
Не ответил, отвернулся.
Не спешите щерить зубы!
Одного меня съесть можно,
Но двоих – не подавиться б!

ХОРНАДА XV.

О том, что узнал я днем и увидел ночью.

– Нет, нет, Начо! – воскликнул доблестный рыцарь Дон Саладо, головой своей ушастью качая. – Не ведаю я, что станется дальше, но покада не причинили мне здесь ни малейшего вреда. Обхождение же со мною самое благородное. Порой даже стыдно становится, ибо не привык я жить в безделии и роскоши.

Спорить я не стал – до того рад был, что вновь идальго моего калечного вижу. Живого и умытого. А обо всем остальном он мне как раз рассказывать собрался.

В сад меня выгнали – и снова утром. То ли, чтобы в комнате моей убрать (а чего там убирать-то?), то ли, чтобы соседями моими заняться. Меня, стало быть, оставили – вроде как на закуску.

Ну и ладно. Денек – но мой.

В общем, спустился я в сад (с маврами за спиною), а в саду – мой идальго. Прогуливается, мандаринами с апельсинами дышит.

– Поместили же меня в покоях истинно королевских, – продолжал Дон Саладо. – И яства приносят отменные, и лекари ко мне ходят..

Насчет королевских покоев я тоже не стал спорить – много ли дядьке моему надо? А вот приодели его знатно. Вместо лат мятых – куртка с плечами до ушей бархата темного с блеском серебряным, штаны черные узкие до самых щиколоток. Из самой Флоренции полотно, не спутать. И сшито – как раз на него. Вдобавок – туфли длинноносые, мягкие, последнего писку. И такой, знаете ли, серьезный сеньор получился!

...Шлем, впрочем, никуда не делся – так и остался над ушами сверкать. А мне даже понравилось.

– Что же касаемо тебя, Начо, то не иначе недоразумение тут некое вышло. Ибо обошлись с тобою, как с человеком роду худого, с коим и церемониться не след. Но пояснил я, что род твой искони дворянский, и не простолюдин ты, а мой верный эскудеро, которому славным рыцарем быть

предназначено. А нужен ты, как мне пояснили, поелику лекаря здешние присутствие твое полезным почитают ради здравия моего...

И вновь я спорить не стал – да и слушать начал вполуха. Лекари себе – и лекари. Не режут они дядьку моего – вот и славно, а так пусть лечат, хоть в апарисиевом масле купают.* А у самого мыслишки уже совсем о другом. Я ведь снова ночь почти не спал. Смотрел, слушал... мозги напрягал.

* Апарисиево масло – оливковое масло с примесью разных лекарств. Лекарство это было настолько дорогостоящим, что вошло в поговорку: “Дорого, как апарисиево масло”.

– И что дивно, Начо, стал спрашивать меня лекарь про самые удивительные случаи в жизни моей. А еще более странно, о тебе вопросы стал задавать, не было ли с тобой происшествий неких удивительных...

– Что? – очнулся я. – Удивительных, говорите?

Оглянулся я, схватил моего рыцаря под ручку, к скамеечке каменной поволок – в самом теньке скамеечка.

Усадил.

– То есть, Дон Саладо, спрашивали вас о том же, что и дон Хорхе, так?

Оказалось, так. Внимательный лекарь попался – про всю жизнь моего идальго выслушал. Тот, однако, благородство проявил – про себя рассказал, не утаил ничего, а обо мне говорить отказался.

– А какой лекарь? – не отстаю я. – Один из этих?

И на соседнюю скамеечку киваю. А на скамеечке той школяры бородатые восседают – с книжками да в окулярах. Они в сад каждое утро выходят – тоже мозги проветрить. На этот раз их

целых четверо оказалось.

Прищурил Дон Саладо глаза свои близорукие, качнул шлемом:

– Отнюдь, Начо. Лекарь тот старше был, и виду благородного, и одет иначе совсем. Забыл же я тебе сказать, что оный лекарь отчего-то ночью приходил, как стемнело совсем...

Почесал я затылок – не помогло. Странные дела тут ночью деются. К дядьке моему лекарь неведомый приходит, Адонис, бедняга, невесть куда шляется, а по саду дуэнья в платье черном до пят бродить начинает.

...Снова появилась! Она появилась – а собаки сгнули. До утра ходила – то тут мелькнет, то там. Рассмотрел я ее, благо луна светила ярко. Крепкая такая, плечистая, на черном платье – воротник кружевной, широкий. А ходит быстро, резко – прямо как ее сиятельство. Может, и вправду дуэнья? С бессонницей, стало быть?

Хотел я рыцаря моего про все это спросить, но решил по-другому начать. Только как начать, чтоб не обиделся?

– А не видели ли вы тут, рыцарь, чего-нибудь странного? Ну, великана там, дракона?

Хотел про василиска добавить – осекся.

Задумался Дон Саладо, бороду-мочалку огладил:

– Увы, Начо! Не видел я всех сих чудищ мерзких, так что не удастся мне защитить этот славный замок и тем совершить подвиг великий. Но скажу тебе иное. Не заметил ли ты, Начо, что каждую ночь небо над замком этим отнюдь не черное, но почти белое, ибо исходит от дома некое свечение? Даже луна меркнет, и звезды не видны совсем.

Как?!

Решил я Дона Саладо обо всем этом поподробнее расспросить, да не вышло. Подошли к нам мавры, поклон изобразили – и прости-прощай, рыцарь!

Увели!

Увели, меня одного оставили – думать. И как прикажете дядьку этого понимать? То ли померещилось ему, как с тем василиском, то ли...

А мне и самому ночью не по себе было. Прилягу, глаза закрою – и словно зовет кто-то. Негромко так, настойчиво. Слов не слышно, и голос не разобрать, но ясно – зовет. И вроде не просто зовет, а как бы чего обещает. Сладкое такое, душевное.

...А булавка на рубаше моей словно свинцом наливается. Я ведь рубашу теперь не снимаю, даже ночью – о петелечке волосяной помню. Ведь петелечка, дрянь этакая, все что угодно означать может. Схватил я золото – и попался. Зацепили, одним словом, душу мою грешную, и теперь могут в свое удовольствие ею распоразжаться.

Или не могут все же? Зовут меня – а я не иду. А не в булавке ли дело? Если так, спасибо сеньорите Инессе!

Ее, Инессу, я каждый день вспоминал, и как пела она, и вообще. Вот ведь дела! Или я с девицами общения не имел? Вроде не урод последний, и деньга за поясом порою звенит. Да и без денег бывало. А тут – и некрасивая вроде, и мне уж совсем не ровня, и видел ее всего ничего.

Без всякой петелечки зацепила!

Только что сейчас об этом думать? Вот выберусь (то есть, не вот, а если), справлю на золотишко свое, честно заработанное, платье новое сукна флорентийского, а еще лучше – шелка венецианского. И в гости завалюсь!

...Если, конечно, стоит еще замок этот, Анкора. Вот ведь, непонятка! Все мы трое его видели, и булавка на месте, и платок с узлами на месте, при мне. А как же тени? Или ошибся я, свет там неяркий был, вот и тень не заметил?

А стражники, те, что из Эрмандады Святой, могли все и перепутать. Разрушили Анкору мавры, а родичи старого сеньора Хорхе снова замок отстроили, соседям не доложились. Все так, но

отчего-то привиделось: еду я дорогой знакомой, вот и камень у перекрестка торчит, а дальше, вместо замка – пустота.

Даже передернуло меня от таких мыслей, даже морозом ударило!

Ну, мысли я эти прогнал, потому как не время об этом мозги сушить. Иные есть заботы. Тем более, меня как раз из сада попросили. Обратно, в комнату.

А у меня и там дела есть!

– Благодарю вас, сеньор Гевара! Знаете, в вашем присутствии мне становится легче.

Бедняга Адонис уже и говорить не мог, шептал только. И вставал с трудом. Зато выть перестал. Лежал – прозрачный, словно и не здесь уже, и улыбался – жалобно так.

...После того, как сеньор Пенья мне на руки прямо у двери свалился, кончились его гуляния.

Раз-два из комнаты выйдет, в нужный чулан завернет – и назад.

Зато дурь вроде как проходить начала. И меня вспомнил, и о себе кое-что.

– Вы знаете, сеньор Гевара, я, кажется, ошибся. Стихов я никогда не слагал, хотя читать всегда любил и знаю их изрядно. Жаль, не могу вспомнить чем я занимался и почему попал в это поместье. Раньше думалось, что привела меня сюда любовь, теперь же даже в этом стал я сомневаться.

– А сосед наш? – перебил я. – Тот, что в запертой комнате? С ним вы встречались, сеньор Пенья?

Не откликается тот, кто за дверью. Ночью голос подает, но не мне, а вроде как себе саму. И слова непонятные.

– Сосед? Какой сосед? – моргнул бедняга-Адонис. – А-а, понял! Увы, не помню. Хотя... Кажется, видел его. Бородатый, волосы седые, чуть ли не до плеч. Почему-то показалось мне, что он иудей. Может, одежда? Нет, не помню...

Уже кое-что. Ежели иудей, понятно, отчего молчит. То есть, не понятно, но предположить

можно. Разыскивают беднягу фратины из Супремы, вот он и притих. Лучше уж тут сидеть, чем в севильской тюрьме!

...Или не лучше?

– Вы вот что, сеньор Пенья, – вздохнул я. – А вспомните-ка, откуда вы родом, да кто родители.

Глядишь, и поможем вам.

Говорю – и сам себе не верю. Не жилец, он, бедолага, губами – и то шевелит еле-еле.

Вот, шевельнул.

– Нет, сеньор Гевара. Не вспомню. Не могу! Даже не в силах понять, что я делал в этом доме.

Пытаюсь вспомнить и...

Закрылись глаза, судорогой дернулись губы бесцветные.

– Страшно... Чудится мне, что лежу я на полу... Нет, на каком-то ложе, и жила на шее моей отворена, и что пьет она мою кровь. Жадно пьет! А глаза ее уже не зеленые – желтые, словно пламенем горят. А потом заключает она меня в свои объятия и любит, и слизывает мою кровь с шеи...

Даже не стал я спрашивать, о ком сеньор Пенья толкует. Все ясно с этими глазами зелеными.

Повернул я его голову, на шею посмотрел, затем на руки.

Нет – ни шрамика. А все-таки не по себе стало.

– Понимаю, сеньор Гевара, – вновь шевельнулись бледные губы. – Сочтете вы мои слова бредом. Хотя бы потому, что упыри не способны к близости любовной, да и не видел я ни разу на теле, равно как на платье своем пятен крови. Наверно, и в самом деле брежу...

Задержалось его лицо, задрожали губы

– Вот уж точно, сеньор, – согласился я, виду стараясь не показать. – Никто кровь из вас не пил, и все это – мозгов помутнение. Вы вот чего, отвлекитесь лучше. Говорите, не писали стихов? Но быть может, читали? Так вспомните чего, мне перескажите!

Стихи мне эти, понятно, до свечки сальной, но уж больно парня жалко стало. А заодно голос,

что меня ночью звал, вспомнился.

Это же куда, интересно, меня кликали?

– Увы, кастильская поэзия не в силах пока сравниться с поэзией Прованса, в особенности же с итальянской, украшенной такими именами, как Данте и Петрарка, – вздохнул сеньор Пенья, не иначе немало тем огорчаясь.

– Который Петрарка? – не утерпел я. – Тот, что шелком торгует, из Неаполя?

Имел Калабриец с Джузеппе Петраркой, с хитроvanом этим, делишки. Ушлый итальяшка, такого на кривой козе не объедешь!

– Что вы, сеньор! – Адонис даже глаза раскрыл, широко так. – Франческо Петрарка, поэт величайший!

Да-а, ляпнул, называется!

– В нашей же Кастилии славен разве что только Хуан Руис, что создал поэму, именуемую “Книга о благой любви”. Но давно это было, полтора века тому. Из современников назову лишь сеньора Фернандо де Рохаса, хоть пишет он в последнее время низкую прозу вместо сладкозвучных стихов.

Фернандо де Рохас – уж не нашему ли толстячку родич?

– Вы, кажется, спрашивали меня о романсьеро, сеньор Гевара...

– Спрашивал, – согласился я.

Вспомнил! Ну, молодец! Так, глядишь, благодаря стихам этим и башка у него проветрится.

Эге, уж не изобрел ли я свою систему? Жаль, сеньора лисенсиата нет – позавидовал бы.

– Повторю, однако, что литература сюжетная есть чтиво для толпы, ибо произведения словесности не могут быть занимательны, читатель же, равно как и слушатель, должен соучаствовать в труде литературном, тонкости всякие разгадывая...

Отвернулся я, дабы взглядом своим сеньора Пенью не спугнуть. Пусть болтает до полного

прояснения!

– ...Вот, скажем, упомянутый сеньор Фернандо де Рохас в молодые годы писал сонеты по строгому замыслу. В одном сонете были все гласные буквы, кроме буквы “а”, в следующем же отсутствовала “е”, в третьем “і”...

Никак опять бредит?

– Целью же имел он создать венок сонетов, именуемый “Отрицание литер”. Подобное перевернуло бы всю словесность нашу и превыше итальянской ее бы вознесло. А дальше хотел упомянутой сеньор де Рохас творить “моносонеты”, то есть сонеты, в каждом из которых только бы одна гласная присутствовала. Скажем, “о-сонет” или же “и-сонет”. Увы, не осуществил он замысел сей и стал писать прозу, причем сюжетную, для чтения отвратительно легкую и занимательную, где обязательно добро борется со злом. Ну, скажите, сеньор Гевара, какому настоящему ценителю словесности интересно, зло в мире правит или добро, если есть слова и звуки? О-о-о-о, слово, только ты самоценно и прекрасно!

– А я вот один красивый романсьеро знаю, – перебил я его самым невежливым образом, не в силах более про “и-сонеты” слушать. – Знаете такой, про Хорхе Новерадо?

Не зря я сегодня сеньориту Инессу вспоминал!

– А-а! – без всякого интереса откликнулся он. – Варварские средневековые песни! Это для хугларов...

Ну вот! Сеньору Рохасу, толстячку нашему, романы про рыцарей не нравились. А этот за романсьеро взялся. Видать, образованным главное, чтобы книжки скучными были – и чтобы мозги набекрень.

– Впрочем, история Хорхе Новерадо и его дочери весьма, как сейчас любят говорить, романтична... Вы знаете, сеньор, я пожалуй встану.

Встать я сеньору Адонису помог – самому ему тяжело было. Встать, к окну подойти.

...Опустел сад. Солнце за кроны валится, значит, скоро ночь, а там дуэнья эта, в черном которая, бродить начнет.

Я сеньора Пенью и про нее спрашивал. Видел он ее, но только не в саду, в доме. А вот где именно, да чего она делала – не помнит.

– Про Хорхе Новерадо сложили несколько романсьеро, – продолжал между тем Адонис, воздух вечерний вдыхая жадно. – Один о том, как он с эмиром Абенгальбом сражался, второй про Королевскую Измену, третий – про заклятие. Или проклятие, не помню.

Навострил я уши.

– Потом про то, как родичи Новерадо отомстили королю. А вы какой романсьеро имели в виду, сеньор Гевара?

– Про Королевскую Измену который, – откликнулся я, вновь лобастую вспоминая. – А страх как интересно, что дальше было? После того, как дон Хорхе к воротам спустился?

Задумался сеньор Пенья, плечиками пожал, снова воздух глотнул.

– Точно не помню, сеньор. Кажется... Да, дон Хорхе погиб, мавры попытались взять в плен его дочь, чтобы отдать ее королю, ибо таков был уговор, но сеньорита Инесса покончила с собою, шагнув с башни. А перед смертью завязала она свой платок семью узлами...

– Этот? – не утерпел я, платочек шелковый доставая.

Даже засмеялся Адонис – негромко так, слабо. Засмеялся, головой покачал.

– Что вы, сеньор! Это же легенда. Семь узлов на платке – символ семи смертных грехов, ибо самоубийство – грех, равный по тяжести им всем. И говорят... Вы знаете, сеньор Гевара, я, кажется, вспомнил. Да, верно...

Поглядел сеньор Пенья на солнце заходящее, глаза чуть прикрыл.

Не найти душе покоя,

Ибо грех самоубийства
Всех грехов иных страшнее.
И блуждать теперь Инессе
По развалинам пустынным
Тихим призраком безгласным,
Пока трубы не затрубят,
Пока Страшный Суд настанет.
Говорят же и другое:
Тот, кто семь узлов развяжет,
На себя возьмет проклятье,
В рай отпустит ее душу,
А свою – тотчас погубит.
Только скрыт платок с узлами
В подземелиях Анкоры,
И ночами призрак девы
Вновь стоит на тени башни,
И не смиляется Небо
Над несчастною Инессой,
Той, что душу загубила
Ради чести и отца.

Поглядел я на платочек, в ладони качнул. Как это говорила лобастая?
“...Не вздумайте развязывать узлы! Ни в коем случае!”

Выходит, Инесса тоже этой легенде верила? Взглянул я пальцами за один узелок – тот, что

побольше...

...Отдернул руку.

И что прикажете думать? Лучше бы я сеньора Пенью ни о чем не спрашивал!

Ночью тоска накатила. Да такая – что чуть было не пошел двери в коридоре вышибать. Вольный я человек, не люблю, когда запирают. Другие в тюрьме годами сидеть могут, знавал таких. Хоть и грязно, и тесно, зато кормят и крыша над головою есть. Нашу тюрьму севильскую (ух, дыра!) некоторые так и называют – “Каса”, дом, то есть. Ничего себе, дом! Я и мальчишкой больше недели высидеть в Касе этой не мог, руки грыз, жилы себе кусал. А теперь – так совсем худо. В последний раз, как забрали, на третий день из Касы этой дернул. Не из севильской правда, а из той, что в Бургосе.

...В предпоследний, впрочем, тоже.

И вот теперь – снова. Да только здесь хуже дела. Сам-то я, может, и сделаю ноги, а Дон Саладо? Это какой же пикаро друзей своих бросит?

...Бросали, конечно. Да только я не из таких буду!

В общем, плюнул я в окошко, отношение, стало быть, выразил, а затем – в коридор. Благо, свечка только наполовину сгореть успела.

Дверь, правда, ломать не стал – успею. А вот стену, ту, что деревом обшита, самое время было оглядеть. Да повнимательнее, ничего не пропуская.

...Адонис, бедняга, про стену тоже ничего вспомнить не мог. Значит, без него обойдемся.

Трудного, конечно, в стене этой ничего не оказалось. Все доски одинаковые – в треть браса длины, в шестую долю – ширины, а одна на три части вроде как поделена. Ширина та же, а длина – как раз в треть локтя. Каждая часть – одна над другой. Нажал я одну – поддалась. Другую – тоже...

И ничего! Я уж их и по очереди нажимал, и по два раза каждую. Хитрая задумка, слышал о

таких. Нажимать следует не просто, а в порядке строгом. Скажем, верхнюю три раза, среднюю – два. А не так нажмешь – клац, и падает засов, чтобы, значит, особо любопытные судьбу не испытывали.

Засов, правда, не клацал, но и стенка не двигалась. У меня уже и пот на лбу выступил. Хотел я кулаком что есть силы по доскам этим клятым врезать – просто так, от злости...

– Зачем ты все стучишь, молодой человек? Такой молодой и такой беспокойный. Если ты такой беспокойный, то полежи в гробу – это очень хорошо успокаивает!

Замер.

Застыл.

– Или ты вообразил, что там, за стеной, сад Пардес, где только и ждут таких неучей, как ты, чтобы позволить вкушать блаженство рядом с уважаемыми и почтенными людьми? Ой, и ошибаешься же ты!

Голос хриплый, немолодой такой. Незнакомый, сердитый очень...

Конечно, незнакомый! Не подавал голоса мой сосед – тот, что в комнате запертой.

А вот теперь – откликнулся!

Заскрипела дверь негромко –
Позабыли петли смазать,
Огонек свечной зажегся,
Осветил седые космы,
Пал на бороду седую.
В темном глазе отразился –
В левом глазе, а на правом,
Вроде, черная повязка.
И не скажешь, кто: разбойник?

Или человек достойный?
Или просто сумасшедший?
Поглядел, губами дернул,
Вроде, значит, улыбнулся
И кривым костлявым пальцем
Поманил меня к себе.

ХОРНАДА XVI.

О том, как довелось мне остаться без серьги.

– А если думаешь, неуч, что тебя звали в гости, то пойди и подумай об этом где-нибудь очень-очень далеко отсюда!

В его комнатушке стоял чесночный дух, да такой, что даже открытое окно не помогало. Но я все-таки зашел.

Свечку он отставил подальше, так что кроме бороды и седых волос, что до самых плеч спускались, я так ничего и не заметил. Разве что повязку на макушке – странную такую, в полосках.

– А вы, видать, иудей, сеньор, – заметил я, слова бедняги Адониса вспоминая.

– Ну конечно! – откликнулась темнота. – Сейчас этот молодой человек будет говорить, что именно я продал гвозди, которыми прибили к бревну бен-Пандиру! Если бы ты, неуч, хотя бы слышал о книге, именуемой Талмуд, то я бы тебе мог сказать, что этого вашего бен-Пандиру вообще никто не распинал. Сорок дней серьезные и уважаемые люди ждали, чтобы хоть кто-то заступился за этого недоучку, а потом сына Пандиры просто побили камнями. Ха! А как прикажете поступать с тем, кто позабыл, что лик времени еще не стал мордой собаки, и Нестираемые Имена – это не игрушки для

необразованных молодых людей?

Выслушал я все это спокойно – рыцарь мой с сеньором Рохасом приучили. Сварливый старик в полосатой повязке все-таки меня позвал. Кажется, не только я следил за ним – но и он ухо к двери прикладывал.

– Вот чего, сеньор, – заметил я. – Про бен-Пандиру вашего – это вы мне в следующий раз. Как-нибудь. А сейчас мне страсть как интересно узнать, чего в доме этом происходит? Сдается мне, вы, сеньор, куда больше моего об этом знаете.

Кажется, не так спросил. Во всяком случае, борода седая аж ходуном заходила.

– Он хочет узнать! Узнать! Это слово не для таких, как ты, молодой человек! Однажды, когда раби Шимон спокойно ехал на своем осле, Амнуэль, будь он неладен, подбежал к нему и осмелился спросить, в чем смысл слова “Вай”? Раби Шимон снизошел к этому неучу, остановил своего осла и объяснил, что Глава Основания – это буква “Йод”, ибо “Йесод” – это малое “Вав”, Святой, благословен Он, – это “Вав” большое. И поэтому записывается буква “Вав” через два “Вава”, а глава “Йесода” – это “Йод”. Что может быть проще и понятнее? Но раби Шимон напрасно останавливал своего осла. Амнуэль, будь он неладен, конечно же, ничего не понял, потому что был таким же неучем, как ты. Вы оба недостойны не только бежать за ослом раби Шимона, но даже мыть копыта моему ослу, который, впрочем, все равно уже сдох... И что ты понял из всего этого?

Выпуклый темный глаз блеснул в темноте. Кажется, меня проверяли – на знание буквы “Вав”.

– А дайте-ка подумать, сеньор, – вздохнул я. – Понять, конечно, мудрено, но я вам вот чего скажу. Все в этом доме не так. Хозяин с хозяйкой, с ее сиятельством, еще старому королю Хуану служили, значит, годов им ну никак не менее семидесяти стукнуло, ежели не больше. А на вид – и сорока нет. Сеньора маркиза умным считают, а он булькает только. Собирают в доме этом людей как есть странных – страннее некуда, да творят с ними чего-то скверное. Вон парня, что рядом скучает, вроде как выпили – тень одна осталась. А мне деньги в петелечке волосяной дали – душу, значит,

ловили. И сторож тут странный – тетка в платье черном. А еще здесь всякие бородатые ходят, вроде вас. Я все правильно сказал, сеньор?

– Хм-м-м...

Он медленно встал, подошел к окну.

– А еще бы ты мог добавить, молодой человек, что вместо решеток тут – Непускающие Имена. Ха! Неужели они думают, что старый человек будет спускаться со второго этажа, теряя башмаки и кашляя? Впрочем, на твоем окне ничего такого нет, но, раз ты до сих пор не полез в сад, значит, ты все-таки не Амнуэль, будь он неладен... Зачем тебе нужна потайная дверь, молодой человек?

Ну вот! А говорил – не понимаю.

– А чего делать-то сеньор? Через сад не уйти – это я уже понял...

– Не все, – негромко перебил он. – В ночь с пятницы на субботу – можно. Если не боишься собак. Но по тайному ходу далеко не уйти. Там всего две двери – одна сразу налево, а вторая – вниз по лестнице. В первую дверь ходил глупый молодой человек, который сейчас готовится отдать все, что осталось от его души, Тому, Кто так неосмотрительно ему эту душу одолжил. Во вторую иногда хожу я... Ходил – прежде. Поверь, тебе там делать нечего.

Странное дело, даже голос его изменился. Усталым стал, хриплым. Старым совсем.

– Стража в этих комнатах есть? – осторожно поинтересовался я. – Такая, чтобы со мною справилась?

Кажется, хихикнул он. Или просто заскрипел.

– Или ты считаешь себя, молодой человек, Голиафом? Стражи из таких неучей, как ты, там нет, но там есть Стража Букв. Раз тебя ловили на волосяную петлю, значит, пока не приняли всерьез. Вернее, приняли за того, кто ты есть – за нахального молодого неуча. Все эти уловки не страшнее слепой собаки. Сунь ей в пасть тряпку, чтобы пахло твоими грязными пятками, и она эту тряпку

заглохнет. Только это – пока. Здесь правят неучи, но страшные неучи – неучи, которые сумели что-то узнать...

Замолчал он, голову опустил, затих. Ну точно Дон Саладо, когда расстроится! Прямо-таки жалко мне его стало.

– Ты еще здесь? – наконец вздохнул он, головы не поднимая. – Если так хочешь геройствовать – иди! Шифр простой – “гимель” – “бейт” – “гимель”... Что, не понял? Три-два-три! Или старый человек должен еще выходить в коридор на сквозняк и показывать молодому неучу...

Получилось со второго раза. Кажется, вначале я “бейт” с чем-то другим перепутал. Скрипнуло дерево, скрипнули петли...

И тут их не смазывают!

Свечка моя совсем доходила, и я ее брать не стал – от греха. Все и так понятно. Обычный коридор, только дверь с хитринкой. А в коридоре – пусто вначале, затем дверь – справа, и лестница – вниз ведет. Шагнул я – и поморщился. Скрипят половицы! Или плотника позвать забыли?

...А может, и не забыли? Как войдет кто – слышно сразу, особенно если ночью.

Сел я прямо на пол, ноги скрестил, что твой мавр. Задумался.

Вначале казалось, что за дверью этой тайной – чуть ли не спасение. Пройду коридорчиком напрямиком к Дону Саладо, потом – на конюшню, где Куло мой скучает...

Теперь понял – глупость это. Ход – для самых своих. А кто тут свои? То-то!

...Про стражу я недаром у деда этого спросил. На самый крайний случай, когда уже выбирать не придется, можно и на прорыв пойти. Стража Букв – дело, видать, серьезное, но кто знает? Ведь я – везучий!

Но пока – рано. И прорываться рано, и коридорчик обследовать этот – тоже рано. Сцапают – запрет, и хорошо если в комнате, а то и в подвал загнать могут.

...А этот седой, в повязке полосатой, не иначе – колдун. Причем настоящий, такой и в жабу превратить может.

Но ведь не превратил! Видать, и ему тут несладко.

Посидел я, послушал. Тихо кругом – то ли нет никого, то ли двери плотные. И совсем уже было назад собрался...

Словно толкнул кто-то.

В спину.

И – сгнуло все. Словно петля-удавка на шее схлестнулась. Схлестнулась, вперед потянула.

Очнулся уже у двери – той, что направо ведет. От боли очнулся – будто что-то в шею мне впилося. То есть, это потом уже я понял, что у двери стою. Темно вокруг, шея болит – а я во что-то твердое упираюсь.

Лбом.

Сперва я Адониса вспомнил – как он с дверью бодался. Потом шею пощупал.

Булавка! Та самая, с камешками синими! Накалилась, кожу печет...

И сразу же – как отпустило.

Фу ты! Еще бы немного – прободал бы головой дверь... Точно – дверь! Ладонью провел, ручку дверную нащупал. Эге, а тут открыто!

...И еле-еле заметный свет просачивается. То есть, не было его еще миг тому, а теперь – появился. Хотел я уже отступление сыграть, чтобы значит, врассыпную, и – спасайся кто может. Но тут зло меня взяло. В гости ждете? Ну, считайте, дождались!

Толкнул я дверь...

Свечи, свечи – не из сала,

Восковые. Не скупаются!
Только воск не желтый – черный,
Словно сажи подмешали.
Огоньки идут звездою,
Пять лучей горят по полу.
В центре – ложе, покрывало –
Хвост павлиний гладью вышит.
А на стенах то ли буквы,
То ли знаки – паучками
По побелке разбежались.
В изголовье – как тарелка.
Медь горит, и глаз на меди
С белой выпуклой глазницей.
Ни иконы, ни распятия,
Пряный запах, как в таверне...
Возле ложа белым камнем,
Неподвижная, немая,
Их сиятельство стояли,
Наготой своей сияя.
Замер я, не в силах молвить,
Словно вдруг ударил кто-то
Белой кожей – по глазам!

Одурел я, очумел даже. Стою, глаза на ее сиятельство пялю, а мыслишки всего две: выжгут

мне глаза за то, что сеньору маркизу в таком сраме увидел, да еще одна – про кожу. Белая кожа, гладкая, точно у девчонки, да только ненастоящая какая-то. Будто бы и вправду – из камня.

...И не пахнет ничем. А если и пахнет – то воском.

Схватил я мыслишку эту, про воск, за самый хвост и понял – готов. Спятить в смысле, причем без всякой ворожбы.

Стою – молчу. Не говорить же “Доброй ночи, сеньора!”. То есть, может, я бы и ляпнул, не подумав, да на взгляд ее наткнулся. И сразу язык прикусил. Пустой был взгляд, никакой – словно у Адониса-бедняги, когда он веер таскал да шакалом берберийским выл. Страшно так смотрит ее сиятельство, но не на меня, а как бы на дверь.

Насквозь.

Да она же меня не видит. Вот дела!

Закусил я губу, отвел глаза. Не то, чтобы глядеть на ее сиятельство неприятно было. Совсем наоборот даже – видная дама, таких встречать не приходилось (без одежды, в смысле). Да только дико это все – стоит голышом посреди свечек черных ее сиятельство Беатриса Мария Селестина Анна, маркиза де Кордова, пустыми глазами светит (и вроде бы не зелеными уже – желтыми), а на стене дрянь всякая, и по стенам – дрянь всякая. И распятия нет!

...Бывают, слышал я, чудики такие – луньерос, которые от луны дуреют и по крышам ходят. Да тут, видать, без луны обошлось.

Попятился я назад.

– Иди... Скорее... Иди...

Даже рот не раскрыла, губами не шевельнула. Будто слова сами собой в уши воткнулись.

– Иди! Мой... Мой!

Словно хлыстом по ушам!

– Мой!

Вперед подалась, руки подняла – медленно так, неспешно.

Оскалилась.

– Скорее...

Мне бы бежать, а я с места сдвинуться не могу. И не потому, что грех уходить. Хороша маркиза, слов нет, но в ту минуту не о прелестях ее думалось. Вроде бы как мертвец зовет. Или старуха древняя, кожу молодую нацепившая. Содрала кожу с кого-то...

...С сеньора Пеньи, к примеру.

А она руки тянет, а на пальцах ногти кровью горят, длинные такие. Чисто упырь!

Пропал, думаю.

А сеньора маркиза шаг делает – меня аж затрясло всего, – но возле свечей горящих, что звездой идут, словно натывается на что-то. Как будто руки ее в железо ударились. Отшатнулась, зашипела кошкой – и снова ко мне.

И опять назад! Не пускает, видно, что-то.

Эге! Вот оно как, значит!

И тут не знаю уж, что на меня накатило. Может, байки по ведем да про колдуний мавританских вспомнил – в каждом селении тебе такую байку расскажут. А может, и слова соседа моего – про слепую собаку да про тряпку.

Вынул я из уха серьгу (пропадай – не жалко!), сорвал с головы пару волосин, да плюнул на все это дело. Слюной в смысле.

– Вот я, ваше сиятельство!

И через свечи перебросил – прямо к ногам ее босым. Упала серьга, звякнула чуть слышно.

Н-на!

Тут ее сиятельство и повело. Дернулась, волчком крутанулась...

А когда повернулся уже, за ручку в дверную взялся, ударил в спину вой. Словно дагу мою ей в

живот вонзили. И вроде бы слова даже какие-то слышны, а непонятно.

Да я и понимать не пытался. Болтом арбалетным в коридор меня вынесло. Да так, что только у своей двери перекреститься догадался.

А сзади – вой. Даже сквозь доски слышно.

...Когда уже отдышался, когда на кровать повалился, когда все молитвы, какие знал, прочел, странная картинка мне привиделась. Будто сижу я в заведении папаши Молинильо, что на полях Алькудийских, вокруг – парни из Месты в своих лохматых плащах-сайялях, и рассказываю я им все, как есть, чего со мною за последние дни случилось. И про старого дона Хорхе, и про платок с семью узлами, и про их сиятельства. Рассказываю, а чернобородые перемигиваются, пальцами у висков крутят, кто-то уже за веревкой побежал, чтобы беднягу Начо Бланко, умом повредившегося, вязать. Живо так представилось!

А мы над Доном Саладо зубы скалили, когда он, калечный, про великанов с людоедам толковал.

Чего же это выходит?

Ясное дело, до утра глаз не сомкнул. Так у окна и просидел. Решил так: в дверь рваться станут (чего ж рваться, не на запоре она), так я сразу – в окошко. А там – будь что будет!

Не рвался никто. Тихо в коридоре было. За дверью, где старик в повязке полосатой, вроде как шепот, а из комнаты сеньора Пеньи – плач, жалобный такой. Не выдержал – в обе двери постучал, но – не открыли. К Адонису я и так войти мог – открыто у него, да только неловко как-то. Видать, совсем парня довели.

...А потом запалил я свечной огарок, ворот рубахи расстегнул да на булавку с камешками синими глаза скосил. Снимать, понятно, не стал – себе дороже. На месте булавка, но вроде как

почернела. Потер – снова серебром блестит. Так и не понял, почудилось или вправду.

А у забора дуэнья круги пишет. То есть, не круги, а как и в первую ночь: появится – и сгинет. Исчезла, и тут же где-то в стороне вынырнула.

В общем, успокоился я только под утро, когда небо белеть начало. И уже спать собрался, как вдруг слышу – топот. Не в доме, хвала Деве Святой, на улице. Всадники – да не один, не два, чуть ли не десяток. Сон, понятно, сам собой пропал, и превратился я в одно большое ухо – растопыренное такое, словно у Дона Саладо. Точно – подъезжают. Куда – не видно, зато слышно – прямоком к воротам. А дуэнья черная уже там, а вот и стража, что на башенках мавританских, голос подала.

А затем – голоса, уже близко, во дворе. Высунул я голову – точно. Конные, у каждого лошадь заводная рядом.

Значит, гости – и не простые. Звон железный издалека слышно. А этот звук спутать мудрено. Ясное дело, с оружием гости. И оружия этого у каждого – полным полно.

Этого еще не хватало! Уж не Эрмандада ли пожаловала? Правда, шлемов я не заметил, так, может, сняли шлемы?

Эх, зря я в первую ночь из окошка не выпрыгнул!

За стеною – плач негромкий,
Словно маленький ребенок,
Злою нянькою обижен.
В коридоре – скрип да шепот,
Сквозняком холодным дует,
Шелестят под ветром кроны,
Голоса доносит ветер,
Вперемешку с конским ржаньем –

Видно, гости у конюшни
Лошадей по кругу водят.
А в ушах, не умолкая,
Плещет вой нечеловечий,
А в глазах – пылают свечи,
Истекают черным воском,
И маркиза де Кордова
Снова тянет свои руки
Прямо к горлу моему!

ХОРНАДА XVII.

О том, как бежал сеньор Франциско Пенья.

К утру вроде как отпустило слегка. То ли из-за солнышка, то ли оттого, что бедняга Адонис плакать перестал – заснул, видать. А может, просто свыкся я. Кому утонуть не суждено? Вот именно, таким пикаро, как я, тем, кто по краешку ходит да на лезвии даги севильяну танцует. А годом раньше, годом позже...

Когда же во дворе оказался, то и вовсе весело сделалось. День прошел, ночь прошла, а я жив! Ну, не славно ли? А там, глядишь, идалго моего увижу, потолкуем о том, о сем. В общем, когда мы на дорожке, под старой оливой (высокая такая, выше крыши), нос к носу с ее сиятельством столкнулись, я даже улыбочку изобразил. Добрейший, мол, вам денек, сеньора де Кордова, хорошо ли почивать изволили?

Не ответила. Не увидела. Через меня посмотрела – насквозь.

Эге!

Шагнул я в сторонку, дабы ее сиятельству дорогу не загораживать, глаза потупил слегка, а сам гляжу – не отрываюсь. Ох, не так что-то с маркизой. То есть, совсем не так. Во-первых, не узнает никого – ну, точно как сеньор Пенья. Глазами пустыми по сторонам рыщет, губы кривит, словно завывать собирается. Что-нибудь этакое: “О-о-о-о-о! Адони-и-и-с!”. Во-вторых, не одна она. И не с беднягой Адонисом, понятно, а с какой-то дамой. Плотной такой, широкоплечей, в черном.

Тут я и ахнул. Да это же дуэнья! Персоной собственной. Жаль, лица разглядеть не успел, только и заметил, что волосы короткие, не женские какие-то. А ступает дуэнья эта черная твердо так, аж гравий трещит, на ногах – туфли-чапины, тяжелые, старинные, такие только у меня дома в Астурии и носят. А ее сиятельство улыбается себе блаженненько, головой крутит – и на руку дуэньи опирается.

И еще показалось, что вроде как постарела сеньора маркиза. Или морщинки легли, или кожа потемнела, серой сделалось.

Ну, это, видать, от ночи бессонной. Спать надо, а не голышом среди свечек выплясывать!

Поглядел я ей вслед и дальше пошел – идальго моего искать. Вокруг дома пробежался – нет его, одних учеников этих, которые с книжками и бородами, встретил (если, конечно, слуг не считать). Я к воротам, а там...

– Эге, парень, да ты, видать, с Берега?

Пятеро... Нет, шестеро даже, рожи – смотреть страшно, кинжалы у пояса, шляпы серые, пастушеские, сапоги высокие, мехом вверх.

Уж не гости ли ночные?

– С Берега и есть, – киваю я с видом невозмутимым. – От Калабрийца. Слыхали, может быть? Переглянулись рожи, кивнули. Слыхали!

– А мы, стало быть, монтаньес. С Горы, от Риваро Коррехи.

И я о них слышал – о тех, которые с Горы. И о Риваро тоже. Не встречался еще, правда.

– Ты, чего, Коста, тоже тут служишь?

Я плечами – дерг. Понимай, как знаешь.

– Ну его, маркиза этого! Даже не заплатил. Или мы виноваты, что Бенито Гарсия, дурак старый, попался? Сделали работенку – так плати, не задерживай! А с Гарсией пусть сам разбирается.

Изобразил на лице я сочувствие и дальше пошел. Мне бы удивиться, да за эти дни я напрочь удивляться разучился. А вообще-то говоря, непонятно. С Берегом многие благородные дружат. Кому винцо требуется, кому шелк-бархат, кому кость слоновая (хорошо продается!). А Гора – это же сплошь душегубы-разбойники, Калабриец с ними и дел никогда не имел.

Или их сиятельство в долю вошли – кошели на больших дорогах отбирать?

Ох, и попал же я!

– Нет, нет, Начо, ничего плохого о доме сем, равно как о хозяевах его, сказать не могу. Однако же...

Поглядел я на рыцаря моего, кивнул. В том-то и дело, что “однако же”.

Дона Саладо я все-таки нашел. Возле самого дома, на скамеечке каменной. Сидит благородный идалго, голову в шлеме своем мятом опустил. Но не грустный – задумчивый скорее.

– Скажу более, Начо. Нашел я тут понимание, какое редко где встретишь. Не хотелось мне ехать сюда, ибо знаю, что слышу безумцем в глазах людей, истины не разумеющих. Даже дама сердца моего, моя дражайшая супруга...

Вздохнул Дон Саладо, шлемом качнул.

– Здесь же верят мне; и даже лекарь, человек весьма разумный и ученый, сразу же сказал, что не сомнеается ни в одном слове моем. Все честно поведал я: что видел, с кем сражался. И о мечте моей, о земле, которую я Терра Граале именую, не умолчал. И что же? Рассудил он, что дана мне

свыше способность прозревать нечто, иным люди недоступное.

Не стал я спорить. Видать, у лекаря неведомого своя система имеется: кивать да поддакивать. Не хуже прочих.

– Более того, Начо! – дернул своей мочалкой рыцарь. – Более того! Сказано мне было, что великую пользу могу я принести Кастилии нашей, если сумею дорогу в ту землю открыть. Ибо только таким, как я, сие доступно бывает, иные же вслед пойти смогут.

– Выходит, рыцарь, владельцы здешние за державу нашу радеют? – не выдержал я, нашего толстячка вспоминая. Помнится, говорил он, сеньор Рохас, что маркиз де Кордова, пока еще не булькал, первым призвал костры запаливать на Кемадеро да кастильцев на “новых” и “старых” делить. А насчет ее сиятельства у меня и свое мнение сложиться успело.

– Радеют, конечно! – вскинулся Дон Саладо, но тут же сник. – Хотя...

Все-таки неглуп дядька! И улещивают его, похоже, и обхаживают. И все-таки почуял что-то.

А Дон Саладо между тем оглянулся, привстал даже, а затем к самому моему уху склонился:

– Думаю, бежать тебе следует, Начо. И в том бегстве не вижу я стыда, ибо из плена бегут, паче же из темницы. Мне же спокойней будет, и на душу грех не ляжет.

Редко когда меня стыд пробивает – кожа уж больно дубленая. А тут – пробило. Насквозь! Это же кто кого сюда затащил, кто за кого деньги взял?

– Спасибо, – говорю, – сеньор. Да только вместе мы убежим.

Говорю – а сам отворачиваюсь, на него смотреть не хочу. Где уж тут убежать, особенно если вместе.

Вздохнул Дон Саладо, за бороду-мочалку себя дернул.

– Негоже мне бежать, Начо. Надо будет – проложу себе дорогу верным мечом, как истинному рыцарю надлежит!

Ну, что с него взять, с дядьки этого?

Думал – посплю. Дело нужное, особливо ежели ночью не довелось почти. Оно и про запас поспать не во вред, потому как еще одна ночь предстоит. А ночью в доме этом – самая жизнь начинается.

Думал – да не пришлось.

Только в коридор меня завели да замком за спиною щелкнули, услышал я крик. Страшный такой, отчаянный. Даже не понял сперва, кто это голос подает. Или гостей здешних уже резать начали?

Оказалось – не режут. Сам по себе кричит – сеньор Пенья, Адонис который. На кровать упал, бьется, пена на губах. Отпоил я его водой, подождал, пока затихнет.

Делать-то чего? Лекарей и прочих умников – полон дом, а сюда хоть бы какая собака забежала! Стукнул я в дверь коридорную, затем кулаками забарабанил. Да куда там, даже не кашлянули в ответ. Плюнул, к соседу постучал – тому, что с бородой. И тоже – молчок. Я к стеночке, которая на три буквы (“гимель” – “бейт” – “гимель”) открывается – мертво! То ли засов задвинули, то ли бревном подперли.

Помирай, мол, сеньор Адонис, не надобен более.

Выпили – и выбросили!

Долго я рядом с ним сидел, с сеньором Пенья. Оклемался он чуток, в разум пришел, стал чего-то говорить. Да не понять только – тихо очень. Одно лишь уразумел: не хочу, мол, тут умирать. Грешно без исповеди да еще в стенах этих.

Стал я его, конечно, успокаивать, а самого злоба разбирает. Если уж не лекаря, так хоть попа привели бы! Или тут одни мавры живут? Так даже мавры к нашим, которые в Алжир попали, в рабство тамошнее, братьев-францисканцев пускают, потому как люди – не собаки все-таки!

Ну, а здешние, видать, похуже собак.

Наконец, заснул сеньор Пенья, укрыл я его да и к себе пошел – спать. Только, как стемнело, глаза и открыл. Плеснул в лицо водой – и на подоконник. Свежо, мандарины пахнут – и думается лучше. Тут бы, конечно, толстячок более меня сгодился, но делать нечего – приходится самому. Вроде как ниточки сплетаешь – одна к одной, чтобы веревочка получилась.

...А во дворе – непонятно что. Будто бы кричит кто-то, и даже не один. Глухо так, словно под землей. Или и вправду под землей?

В общем, стал я ниточки скручивать, что за эти дни к пальцам пристали. Первая не ниточка даже – петелька волосяная. А к ней в привесок сеньор Адонис, да свечки черные, да серьга моя. И все – узелком, а в узелке том – ее сиятельство. Теперь даже я мог бы сеньору лисенсиату растолковать, отчего это она на полвека моложе самой себя выглядит. Одно неясно – что меня уберегло? То ли булавка с камешками синими, то ли совет того, в повязке полосатой, то ли все вместе.

...А под окнами – перемена. Дуэнья появилась, да не одна, а с мешком. Длинный такой мешок – но легкий. На одном ее плече лежит. Подошла, под дерево мешок скинула...

С одним узелком ясно, а вот с другим хуже. Первая ниточка – сеньор маркиз, его булькающее сиятельство. Значит, всеми делами супруга его, Галатея которая, вертит? И королеве нашей пишет, и в совете Ее Высочества выступает? Так знали бы уже. Или его сиятельство недавно в уме повредился?

...А мешков-то уже два! Скинула дуэнья груз с плеча – и обратно пошла. Видать, за третьим. Жаль, не разглядеть, под деревьями лежат, а на дворе темно уже совсем...

Затем наши с Доном Саладо ниточки. Если мною думали Адониса-беднягу заменить, то идальго калечный им зачем? Ведь ясно, неспроста лекарь тот с ним лясы точит. Дон Хорхе вроде как в игру старинную играл, этот же о здоровье выспрашивает. А все к одному идет. Да только к чему? Не верить же байкам про мир неведомый, только моему рыцарю и доступный? Впрочем, я ведь и сам чуть было не поверил, когда по мечу пощербленному пальцем провел.

...Четыре мешка! Или она репу для кухни таскает? Много же тут репы едят!..

Теперь еще парни с Горы. Зачем их сиятельствам разбойнички? Не вяжется ниточка. А замок этот, Анкора? Вроде и не к месту, но ведь никто его не видел, а мы с Доном Саладо и с толстячком – совсем даже наоборот. Причем сеньора Новерадо именно идальго мой и встретил! Тот еще удивлялся очень.

...Шесть мешков!

В общем, не сплелась веревочка. И не скажешь, плохо ли это. Как бы на такой веревочке повеситься бы не пришлось!

Слез я с подоконника, на кровать рухнул, только собрался руки за голову закинуть...

Крик! Совсем рядом, громкий такой. То ли “А-а-а-а!”, то ли “О-о-о-о-о!”. Не в коридоре – под окном.

Не увидишь – тень на тени,
Лунный свет закрыли кроны.
Только крик – такой знакомый,
И как будто легкий шелест.
Хлопнул я по лбу ладонью:
Думать надо, глупый Начо!
В коридор, к соседней двери –
Пусто в комнате у Пеньи.
Табуретка вверх ногами,
Книги – горкой, а окошко...
Значит, верно говорил он,
Что на воле гибель слаще!

Понял я – ругаться поздно,
Поздно связывать беднягу.
Свистнул ветер – и подошвы
По траве скользнули влажной.
А в саду гуляют тени,
Шорох, шепот, шелест листьев.
Оглянулся – вдруг увижу?
Лунный лик блеснул сквозь ветви.
Не увидел я – услышал.
И упало сердце – поздно!

Споткнулся я о труп. Споткнулся – и почему-то сразу понял, что попало под ноги. Я ведь не бежал – летел, думал, успею. Хорошо еще, кустов в саду мало, можно прямо между деревьями. Вот я и рванул – к воротам, мимо тех мешков, что дуэнья в черном на плече таскала.

И – споткнулся. Кажется, о голову. Мотнулась голова, дернулась.

Даже не взглянул – до того страшно стало. Но когда нога зацепилась за чей-то сапог...

...Все шестеро были тут – те, кого я днем у ворот встретил, бравые парни с Горы. Недолго довелось им его сиятельство ругать! Только зря они жаловались, будто не рассчитались с ними. Вот он, расчет. Все шестеро, один рядом с другим!

Глотнул воздух – не плотается. Выдохнул, что осталось – и к воротам.

Но все равно – не успел.

Седьмой труп возле самой стены валялся. Недалеко убежал бедолага Адонис! Да и то, как только сил хватило из окошка выпрыгнуть и сюда добежать? Очень, видать, не хотелось в доме

их сиятельств Господу да Деве Святой душу отдавать. А что готовенький он, я еще на бегу понял, потому как не бывает, чтобы у живого – голова на сторону, подбородком чуть ли не к лопаткам. Так и лежал – на животе, а лицо вверх смотрело.

Хотел я к нему броситься, поглядеть, вдруг чудо какое, жив еще. Да только словно к месту меня пригвоздило. Семь холодненьких уже тут, восьмого не хватает. А восьмым-то я буду, больше некому.

Крутнулся я на месте...

Вот тут меня и накрыли!

Потом вспоминал – вспомнить не мог. Только пятна какие-то. Кажется, меня сразу по башке огрели, да я слегка уклонился, потому и на ногах устоял. А потом словно камень на горло упал.

...И лицо. Дуэньи этой в черном. Спокойное такое, как у младенца. На губах улыбка, глаза насквозь смотрят – будто меня, Белого Начо, уж и не свете нет.

Да, в общем, так оно и было.

– И почему из-за какого-то наглого неуча достойные люди должны тратить свое время, тратить Нестираемые Имена, спасая этого мальчишку от его собственной глупости, достойной глупости самого Амнуэля, будь он неладен?

Седая борода, седые волосы под полосатым платком. А может, это просто лунный свет по комнате пляшет. Скачут пылинки в нестойком серебре. Вверх-вниз, вверх-вниз...

– Верно говорят мудрые: оставь дурака идти путем его, пусть его ведет осел, ибо они достойны друг друга...

На лбу – холод. Не тряпка мокрая, не льда кусок – просто холод. Словно лунный свет загустел, на голову пролился. А горло – нет горла, голова вроде как отдельно лежит, и я – отдельно. Будто на

плахе побывал.

А пылинки – вверх-вниз, вверх-вниз...

– Спасибо, сеньор, – хриплю. Или мне только кажется? Да и кого благодарить? Лунный свет?

– И он смеет еще говорить “спасибо”, бездарный неуч, вообразивший себя Голиафом! Ты недостойн не только Имени, что я послал тебе вслед, но и той ямы, в которую тебя бы уже давно закопали...

А лунный свет снова идет в пляс, вновь надо мною склоняется седая борода. Выпуклый темный глаз смотрит равнодушно, с насмешкой.

– Что... Что это было, сеньор? – дергаю губами. Беззвучно, бессильно. – Эта... Дуэнья которая?

Дергаются пылинки от его смеха, пляшут в лунных лучах.

– Дуэнья? Слепому не увидеть, неучу – не понять. Да не твое это дело, наглый мальчишка, посмевший красть мое время. Ты – безоружный болван, рискнувший выйти на поле битвы, наглец, посмевший сунуть свой глупый нос в пещеру, где молится сам ребе Пинхас!..

Вверх-вниз, вверх-вниз пылинки. И вот уже ничего не увидеть, свет гаснет, и только где-то далеко, на краю мира, за морем-Океаном, маленькими капельками падают тихие слова.

– Если не поймешь, не я буду виноват, а ты... Возьми земли из-под камней синагоги или глину, принесенную водой с гор, не тронутую еще грешными руками. Позови с собою двух помощников, коим ведомы Нестираемые Имена. И молитесь вместе семь дней, и не говорите друг с другом, после же омойтесь, в чистое облачитесь, и с чтением молитв ступайте вон из города...

Слова-капельки падают, не застревая в памяти, уносятся куда-то прочь.

– Вылепи же из глины образ человека высотой в полтора локтя, положи его на спину, затем обожди до полуночи, после чего потерпи еще четыре часа. Когда же срок настанет, пусть каждый из вас троих воплотит в себя один из элементов, из которых наш мир состоит: огонь, воду и воздух; землей же будет тот, кто лежит на спине. И пусть один твой помощник обойдет вокруг слепого

семь раз, повторяя нужные Имена, если известны они ему. И станет тот, кто слеплен, сухим, после же горячим, и наконец, раскалится докрасна...

Голос из-за моря-Океана то стихает до неясного шепота, то приближается, а я все никак не могу понять, не могу догадаться...

– Затем пусть твой второй помощник проделает то же, и станет слепленное влажным, и вырастут ногти на пальцах, и покроют голову волосы. Следом же обойди созданное тобой сам, после чего положи ему под язык пергаментный свиток, именуемый “шем”, на котором начертано Имя Жизни. После чего поклонитесь все трое и произнесите нужные слова из книги Берейшит, если знаете их. Созданный же тобой пусть встанет и откроет глаза свои. Тогда дай ему имя, и пусть откликается он на него, и служит тебе верно...

И снова – ничего не видать, даже голос куда-то пропал. Жаль, я ничего не понимаю! Разве можно сделать человека из глины? Разве глина живет?

– Когда же вырастет твой слуга и станет ростом со взрослого, будет он делать для тебя, что требуется, и на все способным окажется, недоступна ему будет лишь речь, ибо это – дар Святого, благословен Он. Если же хочешь сотворить сторожа, невидимого для злодеев, надень на шею слуге своему ладанку из оленьей кожи с известным тебе Именем. Но не забывай вовремя вынуть изо рта создания этого пергамент “шем”, ибо в ночь с пятницы на субботу сила того, кто слеплен из глины, возрастает неимоверно, и не будет он слушаться тебя. Пусть пребудет слуга твой весь шаббат в праздности...

Тьма накатывает, шепчущая тьма ночного сада, Сада Смерти, где сгинула глупая башка Начо Бланко, пикаро с Берега, которому уже никогда не стать Белым Идальго, не ступить на Терра Граале, Землю Чаши Господней, что за морем-Океаном, куда может добраться только несчастный калечный рыцарь, называющий себя нелепым именем Дон Саладо.

...А может, и не было ничего? Может, я погиб еще тогда, возле иного сада, такого же Сада

Смерти, где канарские псы разорвали моего дружка Хуанито? Я просто не успел добежать до старой часовни, не успел увидеть Ее, прежде чем жадные клыки сомкнулись на горле?

Если ходишь ты по краю,
Если лезвие кинжала
Вместо камня под ногами,
Когда пляшешь под веревкой,
Прежде чем сплясать в петельке,
То узнать, конечно, хочешь,
Какова у Смерти морда,
Что там ждет тебя за краем?
У попов своя есть байка,
Но пикаро любопытен,
Если пальцем не пощупать,
То увидеть краем глаза,
Чтобы после не бояться.
Вот и я чуток увидел,
Вот и мне понюхать дали.
Но глаза во тьме не смотрят,
И ничем уже не пахнет
Темнота.

ХОРНАДА XVIII.

О том, как разговаривали со мною двое – полуживой и мертвый.

Ни дня, ни ночи.

Вроде как кисель серый вокруг, ни увидеть ничего, ни руки поднять – вязнет рука. И не поймешь, сколько времени – то ли Страшный Суд уже настал, то ли ночь эта проклятая еще тянется. Будто бы в ампульетах, что на Небесах время отсчитывают, песок кончился.

Помер я, что ли? А ежели помер, отчего вилы в бок не втыкают да в котел не волокут? Грехов на мне висит достаточно, к тому еще причаститься не успел, исповедаться...

Вспомнил я о вилах, на которые таких, как я, нанизывать полагается, и обрадовался даже. Потому как думать могу, мозгой шевелить. Значит, не помер! А раз не помер, и мозги шевелятся, то отчего рукой не попробовать?

Но до руки дело не дошло. Свет я увидел – далекий такой, желтоватый. Потом по ушам ударило – словами. Громкие такие слова, а не понять. Не по-кастильски и не по-мавритански даже.
– Вс-стань!

Даже сообразить не успел – болью всего дернуло. Потому как вновь руки-ноги вкупе со всем прочим ощутил. Шея ноет, грудь словно меж жерновов побывала, в висках кровь молоточками звенит.

Но – жив. И не просто жив – стою. А свет этот желтый все ближе.

– Глаза! Открой глаза!

Открыл. Открыл, зажмурился, снова открыл. Стена передо мною каменная, на стене факел потрескивает. Вот, значит, откуда свет!

– С-смотри на меня!

Да только я уже в себя пришел. Кажется, тут приказы отдавать любят! А у меня насчет приказов плохо – слушаться их, в смысле. Потому я сперва глаза наверх скосил, затем в сторону...

Вроде как подвал – или погреб. Стены камня темного, пол тоже каменный, неровный, рядом скамья колченогая (не иначе на ней я и валялся). А передо мною...

– Мне с-следовало поднять тебя мертвым, наглец! Глаза на меня, говорю!

Черная борода, глаза темные, щеки пухлые...

– Ты меня с-слышишь? Игнас-с-ио Гевара, ты меня с-слышишь?

Хотел я сказать, что покуда глухотой страдать не приходилось, да рот не раскрылся. То есть, как раз открылся, а челюсть так и вовсе вниз поехала. Отвисла, в смысле. Потому как узнал я его, чернобородого.

– Вижу, что с-слышишь. С-садись.

Бухнулся я на скамью, а сам все челюсть пытаюсь на место вернуть. То ли глазам своим не верить, то ли ушам. То ли вообще ничему верить уже нельзя.

Он и есть! Только в прошлый раз на голове его шляпа была черная – с жемчужиной. И лицо румяным казалось.

И не булькает уже. Зато сипит – на “сы” вроде как с-спотыкается.

– С-сейчас мне нужно, чтобы ты с-слушал очень внимательно, Игнас-с-ио Гевара. Очень внимательно!

Его сиятельство Федерико Гарсиласио де Кордова заложил руки за спину, чуть наклонил голову, поглядел внимательно. Дрогнули яркие губы среди черной бороды.

Вот тебе и “буль-буль!”

– Для тебя ес-сть много дорог, Игнас-с-ио Гевара. Но вс-се они ведут к с-смерти. Вс-се – кроме одной. И по этой дороге тебе придетс-ся идти с-со мною. Это яс-сно? Отвечай!

На такие вопросы только один ответ и имеется. Да что-то на меня накатило. Или злость, или даже чего хуже. Встал я, шей, от боли ноющей, повел, на факел чадящий зачем-то взглянул.

– Помирать никому не охота, ваше сиятельство, это точно! А душу губить – тем паче. Вы же

вроде как католик, сеньор. Были, то есть.

Думал – заорет. Или чего хуже. Кликнет своих мавров и растащат раба Божьего по косточкам. Нет, не заорал. Улыбнулся – снисходительно этак.

– Конечно! Мужланы с-сиволапые боятс-ся ада... А с-скажи, Игнас-сио, творить инкуба – разве не грех? Первый раз вижу богобоязненного колдуна!

Услыхал я такое – даже о шее своей забыл. Это кто же тут колдун? Сам он, его сиятельство, это слово и есть. Колдун, то есть.

– Мне с-следовало брос-сить тебя подыхать, как с-собаку. Ты, негодяй, погубил мою с-супругу, с-сеньору Беатрис-су! Не знаю, удас-стся ли ее вернуть... Я не могу одобрить то, что она делает, но ты пос-ступил с-слишком жес-стоко. И подло!

Моргнул я, его слова переваривая. Это чего же я сделал? Не тогда ли, когда серьгу свою за свечки кинул? Эге, кажется, собака и вправду тряпку заглотнула!

– А вы бы у сеньора Пеньи спросили, ваше сиятельство, – совсем осмелел я. – Он бы нас и рассудил, чего хорошо, а чего не очень. Вот, например, жизнь по капельке из человека выпивать, чтобы самой жить подольше, это как?

Яркие губы вновь дернулись, злым огнем вспыхнули глаза.

– А ты непрос-стой парень, Игнас-сио Гевара! С-спрос-сить хочешь? С-спрос-сим! Но с-сначала – выс-слушай и не вздумай больше с-спорить.

Уже не сипит – шипит!

Прошелся он по комнате, руки зачем-то потер, отвернулся, снова на меня поглядел.

– Я не колдун, Игнас-сио! Я – добрый католик и верный подданный кас-стильской короны. Для других – это с-слова, для меня – жизнь. Мои предки дралис-сь с маврами еще при С-сиде, еще при с-старом короле Родриго. Я тоже воевал, но с-сейчас требуетс-ся иное. Меча мало, нужна мудрость. А чтобы эту мудрос-сть пос-стичь, должны пройти многие годы. Поэтому я и живу долго.

Я прос-сто разделил свою жизнь надвое...

Сглотнул я, такое слушаю. А говорит – не колдун!

– Днем я – бес-смысленный труп, зато мне ос-стались ночи – долгие ночи, которые я провожу, пос-стигая истину. Моя с-супруга, маркиза де Кордова... Ты уже и с-сам вс-се понял. Она не решила-сь на такое, и у нее теперь с-своя с-судьба. Я не с-судья ей, и тем более не с-судья ты, Игнас-сио! С-сейчас – из-за тебя – ее жизнь вытекает из нее, и не по капле, увы... То, что ты с-создал, выпивает ее всю.

Поглядел он на меня – страшно так. Да и мне худо сделалось. Но только чего мне делать-то было? За свечки ступить, чтобы стать таким, как бедолага Адонис?

– Теперь – главное. Ты готов выс-слушать?

– Чего уж там? Готов, ваше сиятельство, – вздохнул я, сообразить пытаюсь. Не иначе “главное” – это моя башка на колу.

– Есть с-сила вещей, Игнас-сио. С-сила, которая ведет, нет, тащит нас-с вперед. А впереди нашу Кас-стилию не ждет ничего хорошего. Мы с-слишком много отдали с-самых с-себя, воюя с-с маврами. Мы бедны, у нас мало плодородной земли, мы отвыкли работать. Двадцать лет назад Португалия уже пыталас-сь захватить нашу с-страну. С-скоро португальские каравеллы дос-стигнут Индии, и тогда наша гибель – лишь вопрос-с времени. В Европе нам не помогут, там возрождае-с-ся С-священная Империя, лет через тридцать-с-сорок она поглотит государства Италии и, возможно, королевс-ство Французс-ское. А ведь есть еще турки, которые вот-вот придут в Алжир. Гранада – это пос-последнее, что мы ус-спеем завоевать, мы без с-сил, воюем на пос-следнем вздохе. Знаешь, Игнас-сио, наша Кас-стилия напоминает мне сеньора Кихаду, твоего знакомого. Ис-скалеченная, нес-счастливая, без гроша в кошеле, с-со с-старым дедовс-ским мечом, которым уже никого не напугаешь...

Слушал я его сиятельство и что-то непонятное в душе копошиться начало. Уж больно убедительно сеньор маркиз говорил. Не он первый, конечно. Всякого наслушаться довелось, пока

по морю плавал. Итальяшки на нас зубы скалили, французишки посмеивались, мавры... Ну, мавры – дело понятное. И что бедны мы, как крысы церковные – тоже ясно. Зачем нам с Калабрийцем все из-за моря таскать? Потому что своего нет, зачем же еще?

– Это с-сила вещей. Но ес-сть иная С-сила, Игнас-сио! И эта С-сила поможет нашей нес-счастной с-стране. Ради этого я отдал с-свою жизнь и, если потребуется-ся, отдам любую жизнь. Любую!

Очнулся я от слов этих. Красиво говорить начинал его сиятельство! А чем закончил? Все о том же – о ведовстве. Это чью же он жизнь отдавать собрался? Не мою ли?

– Я не имею в виду колдовс-ство, Игнас-сио! – усмехнулся он в черную бороду, а мне вновь худо сделалось. Или его сиятельство мысли подслушивать горазд?

– Больше с-ста лет назад двум очень умным людям – одному иудею и одному египтянину – удалос-сь разгадать тайну Бога. Иудея звали Моше де-Лион, египтянина – ибн-Араби Афлатун. Понимаешь, Игнас-сио? Раньше мы могли только читать и толковать Его с-слова, теперь же можем видеть нас-сквозь, через вс-се миры. Видеть и зас-ставить вс-се с-силы мира с-служить нам.

– Чего-то непонятно, – не выдержал я. – А как же папа Римский, ваше сиятельство? Ему, вроде как, ключи Святой Петр завещал!

Вздрогнул я от его смеха.

– Католики побоялис-сь с-сделать пос-последний шаг, Игнас-сио! Нынешний папа торгует индульгенциями и обкладывает податями римс-ских шлюх. Да, может, оно и к лучшему. Получи Рим эту С-силу, мы бы с-сделалис-сь жалкой провинцией в новой Римс-ской Империи. Поэтому надо с-спешить, чтобы нас-с не опередили, чтобы С-сила Букв пос-служила Кас-стилии!

Сила Букв – а ведь знакомое что-то!

– Погодите, ваше сиятельство, – не сдавался я. – Ежели иудеи с арабами эту Силу Букв заимели, отчего сейчас они всем миром Божиим не владеют?

– А ты неглуп, Игнас-сио Гевара! – дрогнули красные губы. – Иудеи прос-сто не ус-спели. У

них, как и у нас-с, не хватило с-смелос-сти, к тому же их равнины не умнее наших попов. Пока они с-спорили, удалос-сь принять меры – и в Кас-стилии, и во вс-сей Европе. С-самые решительные, те, кто был готов дейс-ствовать, погибли, а ос-стальные до с-сих пор тряс-сут бородами и с-спорят о количес-стве С-сефирот и Оламот, а также о значении буквы “Вав”...

...И это знакомо!

– К тому же иудеи ждут с-своего Мешиаха, а это нам очень на руку. Арабы... Там учение великого ибн-Араби попало к грязным с-суфиям, которые не толковее уличных пляс-сунов. Но вс-се же они с-сумели ос-сновать с-свою с-сильную державу. К с-счас-стью, она далеко, в Перс-сии.

Бедная моя башка! Мало того, что чуть с плеч не скатилась, до сих пор ноет, так еще такую заушь слушать. Да какое мне дело до этой самой Персии? Ковры там, конечно, загляденье...

– Пока – довольно. С-сейчас-с я тебе кое-что покажу. Это поможет тебе правильнее ответить на мои вопрос-сы.

Хлопнул в ладоши, раскрылась дверь, железом обитая. А вот и мавры. Давно не виделись!

Думал – свяжут, а то и в цепи закуют. Обошлось, просто за локти взяли – не повернуться. А коридор длинный, слева и справа факелы трещат, смолой на пол капают, а вот и лестница под ногами побежала.

Глубоко спускаться! Словно и вправду – в ад.

Фу ты, мыслишки!

Но – привели, перед дверью поставили, сеньор де Кордова связку ключей из-за пояса достал...

Комната – но побольше, вроде как зал целый. Известка белая по стенам, а по известке краской черной – знакомое что-то.

...Уж не в комнате ли ее сиятельства значки я такие видел?

У стенки, той, что справа, – занавес бархату синего, почти как на представлении у хугларов.

Свечей черных, слава Господу нет – факелы горят.

Повертел я шеей (ой, ноет!), огляделся. Дальше-то чего будет?

– Подведите его. Ближе.

Думал, к его сиятельству ближе. Оказалось, к занавесу. Подвели меня мавры, тряхнули слегка, отпустили, а сами – к двери, быстро так, чуть ли не бегом. Не иначе, даже головорезам здешним не по себе стало.

А его сиятельство засов на двери задвинул, на каблуках крутнулся – и снова улыбается. Недобро так, со значением.

– Ты, наверно, думаешь, Игнас-сио, почему это я, первый гранд Кас-стилии, перед такой с-сошкой, как ты, рас-спинаюс-сь? С-скоро поймешь, но с-сначала с-скажу о важном – куда более важным, чем твоя никчемная жизнь.

Облизнул я губы – пересохли! Это ему, его сиятельству, моя жизнь никчемной кажется. У меня же на сей счет совсем другое мнение...

– Чтобы помочь... Нет, чтобы с-спас-сти нашу Кас-стилию, чтобы с-сделать ее первой державой мира, нужна С-сила. И я знаю, где ее взять. Мы очис-стим учение Моше де-Лиона и ибн-Араби от ненужной чепухи, ос-ставим главное и единс-ственное – с-связь с-с Творцом, возможность говорить с-с Ним и прос-сить Его. Многое уже с-сделано, но работы ос-сталос-сь еще на долгие годы. Мне помогают – по доброй воле и... не очень по доброй. Моим учителем был один с-старый иудей, я с-сташил его прямо с-с кос-стра. Звали его Ицхак бен-Иегуда или Одноглазый Ицхак. Когда он умирал, то вс-се жаловалс-ся, будто душа его не найдет покоя, потому что он из с-страха поделилс-ся с-со мною С-сокровенным. Раньше надо было жалеть! Говорят, его призрак до с-сих пор ходит по дому. Не видел, но в комнате, где он жил, и в с-самом деле почему-то пахнет чес-сноком. С-смешно!

Что-о-о?!

– А теперь – гляди!

Отдернулся занавес. Отдернулся, задрожал...
Дернуло меня – словно петлей-удавкой за шею. Прикрыл я глаза...
– С-смотри, с-смотри!
...Эх, не зря я о голове подумал – которая на шесте торчит.

Кровь на шее – черной коркой,
Желтый срез – кости обрубков.
Вместо тела крюк железный
(Рядом тоже крюк пустует,
Не иначе – ждет кого-то).
На лице – как будто масло,
На пол капает, стекает.
Рот открыт, свисает челюсть,
Меж зубов язык чернеет,
Мертвый взгляд – недвижимый, страшный
Из глазниц полуоткрытых.
(Есть примета – даже медью
Не закрыть глаза такому.
Все равно глядеть он будет,
Чтобы высмотреть убийцу.)
Плохо жил Франциско Пенья,
Плохо жил и скверно помер,
Чтобы тут навек остаться –
Головою на стене.

Перекрестился я, “Pater noster” зашептал. Не по-людски это все-таки...

– Узнал? Узнал, с-спрашиваю?

Улыбнулся его сиятельство, белые зубы оскалил. Страшно так, словно и сам без шеи остался – с одной головою отрубленной.

– Узнал, вижу. А пус-стой крюк видел? Догадайс-ся, для кого он?

Да чего уж тут гадать?

– Не захочешь с-служить мне живым, пос-служишь мертвым. Мертвые тоже многое умеют. С-смотри!

Достал его сиятельство из-за пояса перчатки тонкой кожи, потом вновь за пояс полез. Глядь – а в руках пластинка золотая.

– Когда-то таких, как твой дружок, называли “терафим”. Терафимы были еще в храме царя С-соломона. Неглуп был, иудей, не даром арабы его повелителем джиннов с-считают. Ты, кажетс-ся, хотел поговорить с-с с-сеньором Пенья? Ну, поговори!

Куда уж там говорить! Язык не движется – к гортани примерз. Да и с кем говорить? С головою мертвой?

А его сиятельство поближе к крюку подходит, морщится – брезгливо этак, за челюсть отвисшую берется. А вот и пластинка – во рту уже. У головы во рту – под языком черным.

Да ведь и об этом слышать доводилось! “...Положи ему под язык пергаментный свиток, именуемый “шем”, на котором начертано Имя Жизни...” Только не свиток тут – пластинка золотая.

Дрогнули мертвые веки, шевельнулись белые губы...

– С-спрашивай!

Помотал я башкой, отшатнулся, лопатками стену нащупал.

– Тогда с-спрошу я. Тот, кто пришел, ответь! Что нужно Кас-стилии нашей, дабы победила она

врагов и вознес-слас-сь выше вс-сех держав в мире?

Шевельнулся черный язык, дрогнул...

– Ола! Ола!

Хоть и страшно мне стало до полного помутнения, но все-таки понял: не его голос, не Адониса-бедолаги. Другой совсем – хриплый, каркающий. Словно вместо сеньора Пеньи иной кто голос подает.

...А ведь нетрудно догадаться – кто!

А его сиятельство на меня поглядел, краешком рта скривился, и снова – к терафиму этому.

– А почему? Почему, отвечай!

– Ола насытит малахов наказания, и свяжет их, и пошлет в иные края. Ола! Ола!

– А мне чего делать? – заорал я во всю глотку. – Чего делать-то? Не хочу тут! Не хочу помирать!

– Кебаль, – шевельнулись белые губы. – Проси кебаля. Уходи с ним. Уходи...

– Молчи!

Дернул сеньор де Кордова рукой, спрятал за пояс пластинку золотую.

...Отвисла челюсть, язык черный меж губ свесился. А его сиятельство перчатки снял, на пол каменный бросил.

– Вот так, Игнас-сио. Второй крюк – для тебя. Понял?

Чего уж тут не понять?

Хорошо хоть не связали. И так радостей полно – сыро, камень вокруг, факел догорел, чад в воздухе стоит. Ни окошка, ни щели даже. А подвальчик – с гроб величиной, полтора шага туда, полтора – обратно. И скамейка – для мебели.

Сел я на эту скамейку, башку свою непутевую руками обхватил...

Ведь что плохо? Все плохо! Чего угодно в жизни видел, всякой дряни нахлебался. И голодал, и лупили без жалости, и под петлей стоять приходилось. Обвык как-то. Не то, чтобы совсем (с петлей свыкнуться – поди попробуй!), но задубела кожа, не проколешь, не укусишь даже. А тут – и вправду задело, до самых печенок.

А я еще над Доном Саладо, бедным моим рыцарем, посмеивался. Да он первый мудрец по сравнению с этими сиятельствами, будь они неладны! Ведь ясно – спятили оба. И неизвестно, кто хуже – сеньора маркиза или супруг ее булькающий? Впрочем, и это понятно – оба хуже. А с теми, кто спятил – какой разговор? Отрежут башку и на крюк повесят. Как бишь этот седой, в повязке полосатой, говорил? Неучи, мол, тут правят, но неучи страшные, те, что чего-то узнать сумели.

...А все-таки не убили меня. Жив Начо! А если жив...

Кстати, а почему, собственно, не убили? Слуга ему, его сиятельству требуется? Ой, нет! Слуге бы он про Кастилию да про иудеев с египтянами не выкладывал. А мне сказал – не побоялся, потому как знает – не выйти рабу божьему Игнасио отсюда.

Но все-таки я им нужен! Да только зачем, понять бы. Или потому, что мы с Доном Саладо вроде как вместе? А он, идальго доблестный, на что булькающему этому сдался? Может, его сиятельство вправду думает землю, что за морем-Океаном, отыскать? Так мы ему зачем? Купил бы каракку, нанял шкипера...

Эх, жаль, что не знаю я, где тот сеньор Кебальо, о котором терафим мне сказал! Послать бы весточку, может, и помог бы.

Вывел!

Сверху камень, снизу камень,

Темнота, тошнит от чада.

А в глазах – башка на стенке,

И железный крюк, что рядом.
Я зажмурился покрепче,
Прогоняя страх и одурь,
Не убили – есть надежда,
Если жив еще, не помер.
Лучше вспомню, как по морю
Мчатся белые барашки,
Как летит шебека наша
Под косыми парусами.
Ветер в скулу, чайки рядом,
За кормой – корсар алжирский,
И смеется Калабриец:
“Погуляем нынче, Бланко,
Вспорем брюхо сарацинам!
Раз еще мы не пропали –
И сейчас не пропадем!”

ХОРНАДА XIX.

О том, как Дон Саладо скорбел о гибели рыцарства.

– Поистине, Начо, невозможно найти должных слов, дабы описать радость мою, что жив ты, и что вновь я тебя вижу!

Да какие уж тут слова? Схватил я идальго моего за плечи, потрянул, снова потрянул, по спине

хлопнул. А у самого – бес знает что в глазах. Неужто плачу? Отвернулся я, чтобы его не смущать – да и себя тоже.

В саду мы встретились, все на той же скамейке каменной. Век бы нам не увидеться, но рыцарь молодцом оказался. Уперся, что Куло ушастый: подавайте, мол, эскудеро моего, иначе ни есть ни стану, ни пить. Болен – к больному ведите, даже чума у него если.

Вот молодец дядька!

Конечно, не одни мы тут. Слева мавры, справа мавры, на нас поглядывают, зубы свои мерзкие скалят. Но все-таки!

– Велели мне не расспрашивать тебя ни о чем, – продолжал идальго, – да и самому от рассказа воздержаться, ибо мнится лекарю, что нам двоим сие вредно будет.

– И мне велели, – усмехнулся я, все еще глазам своим не веря. – Дайте-ка, рыцарь, погляжу я на вас!

А посмотреть и вправду было на что. Из всего прежнего остался на Доне Саладо только шлем его мятый. Ну, это я и раньше видел, зато теперь на носу у моего идальго окуляры появились со стеклышками толстенными, чуть ли не в палец каждое. А в придачу к ним – книжка, большая, как сундук. Еле-еле на коленях его худых уместилась.

– Экий вы стали, сеньор, – хмыкнул я. – Никак в Саламанку собрались, в университет тамошний?

Смутился дядька, по скамейке заерзал.

– И верно, Начо, негоже рыцарю странствующему окуляры цеплять, однако же счел я сие возможным ради книги этой, прочесть которую за истинное счастье почел.

– И что за книжка такая? – подхватил я тут же.

Думал я, в погребке проклятом сидючи, что коль встречу идальго моего, тут же все ему расскажу. Ведь ясно – не только моей башке беда грозит, но и его тоже. Но как только увидел его,

Дона Саладо, решил – не стану. Что толку? Дядька неглупый, сам уже что-то понял. А лишние страхи ему ни к чему. Лучше уж о книге поговорить.

...Да и что за вид у меня будет? Дон Саладо мне про великанов с драконами рассказывал, а я ему про дуэнью глиняную с пергаментом под языком и про голову на крюке. Еще решит, что спятил я!

– А помнишь ли ты, Начо, – с важным видом возговорил рыцарь, палец худой вверх поднимая, – как познакомились мы со спутником нашим, высокоученым сеньором Рохасом? Был между нами спор на дворе постоялом, что “Император Трапезундский” именуется...

– Именовался, – возразил я. – Угольки там сейчас. Черные!

– И верно, – кивнул мятый шлем. – Говорили мы тогда о рыцарстве, и вспомнил сеньор Рохас некую книгу, именуемую “Смерть Артуро”, написанную англичанином сеньором Мэлори. И будто бы перевели книгу эту на кастильское наречие и напечатали ее способом книжного тиснения в городе Мадриде...

– Неужто она? – подивился я.

– Истинно так! – подтвердил Дон Саладо не без гордости. – Нашлась она в доме этом, и дали мне ее, и даже окуляры подарили...

– Лекарь подарил? – поинтересовался я.

Ох, понял я, что за лекарь рыцаря моего пользует! Благородного виду лекарь – и только по ночам приходит.

...Занят он днем – булькает.

– Верно, Начо, – согласился Дон Саладо. – И поскольку провожу я дни свои в непривычной праздности, то решил я провести время с великой пользой. И хоть не успел я прочитать ее всю, но просмотрел немало, особенно же начало и конец. Веришь ли, Начо? Написал эту книгу сеньор Мэлори, будучи в узилище, может, оттого и столь грустна она...

Вздыхнул рыцарь – невесело так. То ли о неведомом сеньоре Мэлори сожалея, то ли о нас, грешных.

– И понял я, Начо, что в чем-то прав оказался спутник наш, сеньор Рохас. Видать, и вправду гибнет в мире этом славное рыцарство, а может, и погибло уже. И не в бомбардах дело тут, не в аркебузах и кулевринах. Сгинули обычаи благородные, и вежество, и обхождение, главное же – нравы добрые, вера Христианской преданность. А без них – зачем же нужны мы?

И вновь вздохнул Дон Саладо, книжку раскрыл, принялся страницы листать.

– Послушай, Начо! Описывается тут прегорестная кончина благородного короля Артуро, смертельно раненого – увы! – своим собственным сыном. И вот отнесли славного Артуро в некую часовню у моря, и услышали вдруг крики на поле, где только что окончилась кровавая битва...

Наклонился мой идалго, окулярами чуть ли не самой страницы коснулся:

– “...Вдруг слышат они крики на поле.

– Пойди, сеньор Лукан, – сказал король, – и узнай мне, что означает этот крик на поле.

Сеньор Лукан с ним простился, ибо был он тяжело изранен, и отправился на поле, и услышал он, и увидел в лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают ради богатых доспехов и украшений...”

Покачал шлемом Дон Саладо, книгу толстую закрыл.

– Разве только о гибели Камелота пишет тут сеньор Мэлори? Не так ли погибло все рыцарство мира Христианского, во всех странах наших? И хоть до сего дня посвящают многих в звание рыцарское, и мечом плеча касаются, но мнится мне, что это грабители и воры друг друга

возвеличивают...

Поглядел я на дом, что за садом спрятался. Если бы одни лишь воры и грабители!

– И вновь скажу: поздно довелось мне родиться, Начо! Не застал я времена славные, когда доблесть миром правила, когда сильный не обижал слабого, и зло всегда встречало отпор.

Не стал я спорить (пробовал уже сеньор Рохас, да что толку?), хоть и сомнение на сей предмет имел. Уж больно невесел стал мой рыцарь.

– Чем же возвеличится Кастилия наша? Неужто черным ведовством, каждому доброму христианину мерзком? Не воздвигнется ли на месте славного королевства Град Антихристов, видом блестящий, внутренностью же богопротивный?

И вновь не стал я отвечать, только рукой до его плеча дотронулся. Все понял идалго, даром что разумом недужный!

Понурил голову Дон Саладо, но внезапно выпрямился, очами сверкнул:

– Не бывать тому, Начо! Пока живы мы с тобой – не бывать! Не со мною ли мой славный меч?

– Не с вами, – вздохнул я. – Не с вами, рыцарь...

Меч-железяку у него сразу забрали. Не иначе, лекарь ночной настоял.

– Верно...

Задумался рыцарь, худыми пальцами бороду-мочалку потрепал.

– Верно, да только не меч – главное оружие рыцарское. Важнее меча – вера наша Христианская, да доблесть, да смекалка, да хитрость воинская. Вот, смотри, Начо, пишет сей Мэлори...

Вновь зашелестели страницы.

– ...Пишет сеньор Мэлори о двух рыцарях славных – о сеньоре Персианте и сеньоре Бомейне, истинное имя которого было Гарет. И должно было им поспеть к замку Красного Великана, дабы выручить некую даму. Времени у них не оставалось совсем, слуги же оного Красного Великана

стерegli каждую тропку в лесу...

Уткнулась борода-мочалка в страницу.

“...– Поистине это безделица, рыцарь, – заметил сеньор Персиант, – ибо поскачу я между капельками дождя, и увидят враги наши лишь тень мою.

– И вправду, безделица, – согласился сеньор Бомейн. – Ибо я поскачу между мгновениями, и не заметит им даже моей тени...”

– Отменно, ваша милость, – усмехнулся я. – Кто бы отказался, я не стану. Чтобы, значит, между капельками дождя, раз уж сквозь стены не выйдет.

...Про стены я уже много раз думал. Про стены, про ворота, про собак, что в ночь на субботу по двору бегают. Да что толку?

– И вот о чем я еще размышлял, Начо, – заявил Дон Саладо, окуляры с носа снимая. – Может, земля неведомая, что во сне мне привиделась, есть знамение Божье? Может, велено проложить мне туда дорогу не только ради славы рыцарской, но и ради тех, кому обычаи нынешние не по душе, кто верит еще в доблести старинные, в честь и верность, коими наша Кастилия славилась? Может, не зря я назвал ее Терра Граале, Земля Чаши Господней, ибо несет Святой Грааль спасение тем, кто его отыщет и благо всему миру нашему Христианскому? Не основать ли там нам Новую Кастилию, не поднять ли над нею знамя с малиновым крестом и не созвать ли туда доблестных рыцарей со всего света, если живы они еще и рыцарями быть желают? И станем мы жить по заветам давним, по чести закону, и будем хранить веру Христову и обычаи наши.

Покосился я на дядьку этого калечного. А ведь не шутит!

– Основать можно, – кивнул я. – Да только приплывут туда вслед за нами португальские каракки, высадят аркебузирив...

Сказал – и пожалел тут же. Зачем идальго моего мечты его лишать? Мне бы такую мечту!
...А если подумать – пусть приплывают португальцы эти! Набрать парней, кому под петлей ходить надоело, да пороху побольше. Пусть плывут – и португальцы, и наши тоже. Встретим, мало не покажется! Особенно если с вояками фратины зелененькие приплывут, из Супремы которые...
Эй, о чем это я?

Только мысль не отпускала,
Клешней крабовой вцепилась.
На краю живет пикаро,
Под веревкою танцует,
Прежде чем сплясать в петельке.
Что там завтра будет, Начо?
Хорошо, коль “завтра” будет!
День прожил – уже победа.
Не петля, так пуля в спину
Иль в алжирской яме цепи.
Ради нескольких эскудо
Зря расходовать удачу?
Почему бы не решиться –
Кинуть мачеху-Кастилью
И за море на каракке
Вместе с доблестным идальго?
А потонем – не повесят,
А повесят – не потонем.

Лучше так, чем Кемадеро
И севильская тюрьма!

Да только рано стал я мечтам предаваться, потому как “завтра” это...

Почему-то я сразу понял, что “завтра”. Печенка у меня так устроена – чувствует.

Впрочем, завтра – это завтра, а кое-что и на сегодня осталось. Часа через два, как ужин принесли, слышу: топают. По коридору топают. Знакомо так, не спутаешь. Научился я шаги различать за эти дни!

Не ошибся я – мавры. Вытащили наружу, за локти взяли. И – дорожкой знакомой. Иду я, ноги переставляю, а перед глазами – крюк пустой железный. Не иначе, ошибся я с этим “завтра”. Понадобился его сиятельству новый терафим, к примеру, или решил на кишках моих гадание устроить. Слышал, и такое бывает. В общем, как к двери меня подвели – той самой, уперся я, что мой Куло перед горкой. Да где там! Впихнули – и по шее добавили. Для пущей резвости.

Влетел!

Влетел – и первым делом на стенку, где занавес черный, взглянул. Нет его! И головы страшной (хвала Деве Святой) не видать. Только крюки пустые – оба.

Не успел я решить, к добру ли такое, как хлопнула дверь...

– Завтра ночью ты понадобишься, Игнас-сио.

На этот раз его сиятельство изволили шляпу надеть. Ту, самую, с жемчужиной. И в самом деле, что за гранд кастильский без шляпы?

– А с-сегодня хочу кое-что тебе объяс-снить, чтобы завтра ты не болтал лишнее.

– Угу, – кивнул я, чувствуя, как отпускает сердце. До завтра доживу – и то славно.

А как сердце отпустило, стал я по сторонам глядеть. Привычка! Я и под петлей любопытства не теряю (проверено!). А смотреть было на что. Изменился зал. На стенах знаков всяких прибавилось

вкупе с медными, не поймешь, тарелками, что ли? А на тарелках – тоже значки.

Ну, это ладно, а на полу! Господь весть, что на полу! Круги краской темно-красной – прямо по камню, от кругов линии белые разбегаются, меж собой крестом идут. Стал я думать, на что это похоже, да тут же сообразил – а ни на что. Только и смог круги эти подсчитать – десять их оказалось.

– Понял, Игнас-сио?

Оказывается, пока я кругами да линиями любовался, сеньор маркиз на меня поглядывал.

– Как есть понял, ваше сиятельство, – согласился я. – Понял, что без попа да воды святой тут никак не разобраться. Уж не Ола ли это ваша?

Сказал – и язык прикусил. Гоже ли доброму католику такие слова повторять?

Думал, посмеется дон Федерико, ан нет, не стал. Серьезно так ответил.

– Ола – с-совс-сем другое, Игнас-сио. Ее не нарис-суешь, не выразишь знаком. Да не о ней с-сейчас-с речь. Ола – щит против С-судьбы, а это – меч. Вернее, дорога, что к мечу этому ведет.

Объяснил, называется!

– Тебе ни к чему знать вс-се это. Но ес-сли хочешь, пояс-сню. Круг вверху, с-самый дальний – это Корона, за нею – Мудрос-сть и Рас-спознание, с-следом – С-сила и Милос-сть, а ближе к нам – Великолепие, Победа, Величие, Ос-снование и Царс-ство. Вс-се вмес-сте же это – Древо С-сефирот. Ес-сли по-кас-стильс-ски – Древо Миров или же Вс-селенная Вышнего Человека.

Сглотнул я только, такое услышав.

– И крас-ска это – непрос-стая, и цвета непрос-стые... Но не о том с-сейчас-с речь, Игнас-сио. Завтра мы пос-смотрим, чего с-стоит вс-ся эта книжная мудрос-сть...

Замолчал его сиятельство, перчатку с руки стянул – с левой. Снова надел, усмехнулся.

– Если С-сила Букв дейс-ствительно с-столь могущес-твенна, мы ее почувс-ствуем. И ты, и я. А откроет нам дорогу с-сеньор Кихада. Ведь его с-считают безумцем, так? Чудаком, который видит какой-то иной мир, с-с великанами, драконами, заколдованными инфантами. Наверно, думают, что он

нас-слушалс-ся о рыцарс-ских подвигах – да умом тронулс-ся...

– Так и есть, – вздохнул я. – Думают.

...Бедный Дон Саладо! И он им понадобился, штукарям этим.

– А ес-сли допус-стить, что он дейс-ствительно видит какой-то иной мир? Он был тяжко ранен, чуть не умер. Разве такое могло пройти бес-сс-следно? Более того, что, ес-сли ему открыта в тот мир дорога?

– Это как же? – отозвался я. – Он что, и в нашем мире живет, и в том, другом?

...А сам все замок дона Хорхе вспоминаю.

Поглядел на меня его сиятельство, с интересом так.

– А ты неглуп, Игнас-сио. Но я уже проверил. С-сам с-сеньор Кихада только видит, дорога туда ему заказана. Но, кажется, ему вс-се же удалос-сь там побывать. И знаешь, благодаря кому?

Отвернулся я, чтобы в глаза ему не смотреть.

– Вы это зря, сеньор, намеки такие делаете. Потому как у меня с головой пока все в порядке.

– Да и у него в порядке! – подхватил дон Федерико. – Он видит то, что действительно существует, только не у нас, не в нашем мире. Нужен кто-то, с-способный его подтолкнуть. Понимаешь?

Разгорячился его сиятельство, перчатки снял. И заговорил иначе – словно ровня я ему. Словно не мою башку он на стену цеплять собирался.

...И даже “сы” на место стало. Не сипит уже почти.

– У тебя тоже было в жизни нечто необычное. Ты можешь не помнить, это могло с-случиться в детстве, но это точно – было!

...И дон Хорхе Новерадо так считал! Потому, видать, игру старинную затеял. Недаром я победителем оказался.

Да только этому булькающему я ни слова не скажу. Ни про то, как псы канарские Хуанито на

куски рвали, ни про Нее, как Она надо мною склонилась...

– Мы очень долго разговаривали с сеньором Кихадой. И что интересно: после знакомства с-с тобою он не просто увидел, он почувствовал этот, другой мир!

...Меч пощербленный! Рыцарь у перекрестка. И Анкора!

– Поэтому завтра вы попытаетес-сь открыть дорогу. С-сила Букв поможет вам. И мне тоже. Я с-смогу увидеть то, что увидите вы. Увидеть – и самому почувствовать. А может, и побывать там!

– Да зачем это вам, ваше сиятельство? – крикнул я в отчаянии. – Вы же католик! Как же можно? Круги эти, буквы, заклинания всякие мерзкие...

– Имена, – перебил он. – Не заклинания – Имена. Я не еретик, я не с-служу Сатане. Я – верный католик, но это знание выше Христианс-ства – того, которому учат нас-с священники. И что вс-се эти страхи перед величием нашей Кас-стилии? Ты представляешь, что мы с-сможем найти в другом мире? Да и не будет он другим. Он с-станет частью мира нашего, пос-сле того, как вы с с-сеньором Кихада проложите туда дорогу. Не понимаешь?

– Нет, – вздохнул я. – Не понимаю...

На полу – круги из краски,
Словно кровь из вен пролилась.
Белых линий паутина,
И под каждой – черным знаки,
Пауками разбежались.
То ли факелы чадили,
То ли свет горел неровно,
Но почудилось внезапно,
Будто линии поплыли,

Заплясали сарабанду,
Загорелся свет кровавый,
И сквозь камень проступила
Рожа с острыми рогами
И с клыками в черной пасти.
Не круги – глаза пылали,
Словно чуяли добычу.
Вместо факельного чада
В зале серую запахло –
Серой пахнет Сила Букв!

ХОРНАДА XX.

О том, как мы с Доном Саладо наследовали сеньору Бомейну.

Сплю? Не сплю?

Сплю, понятно. Хоть и видно все, а неправда. Темно в моем подвале, даже днем темно, а тут вроде как свет, и подвал уже не подвал.

– Сказал безумец в сердце своем: “нет Б-га”. Они развратились, совершили гнусные дела...

Да и не один я тут. Сон со мною – знакомый такой. Борода седая, волосы под повязкой полосатой, черная тряпица на глазу. Рядом со мною сидит, на меня не смотрит.

– ...нет делающего добро. Г-дь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумейший, ищущий Б-га. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного...

Грустно так говорит, словно себе самому. А мне и не страшно, любопытно только.

– Да вы же вроде как померли, сеньор, – говорю я сну. – А не померли если, так объясните. Вы меня неучем величали, а как же неуч умным станет, ежели ему не растолковать, что к чему?

Не отвечает сон, черной тряпицей, что на глазу невидящем, ко мне оборачивается.

– ...Неужели не вразумятся все, делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб и не призывающие Г-да? Там убоятся они страха, где нет страха, ибо Б-г в роде праведных...

– Вечно вы, сеньор, загадками изъясняетесь, – жалуясь я сну. – Может, вам в радость, что души христианские тут, в доме этом проклятом, пропадом пропадают?

Вроде как дерево треснуло. Или это сон мой смеется?

– Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкой схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьей острогою? Клади на него руку свою, и помни о борьбе...

– Никак намекаете вы, сеньор? – не сдаюсь я. – Вы бы мне словами простыми чего объяснили. Кому башку острогой, значит, протыкать, это и мне, сеньор, понятно. Да только чего задумали они? Не хотите про дерево, с кружочками которое, так хоть про сеньора Кебальо рассказали бы или про Олу эту!

Только кого я прошу? Разве сон может ответить?

– Сказал раби Ами: Почему рассказ о смерти Мирьям смежен с заповедями о красной корове? Как красная корова дана для искупления, так и смерть праведников искупляет. Сказал раби Элизар: Почему в рассказе о смерти Аарона упомянуты одеяния священства? Как одеяния священства служат для искупления, так и смерть праведников искупляет...

Все тише голос, все дальше сон, уже и не видно ничего, только тень. Тень старика одноглазого, тень голоса...

– И если человек праведен, то он истинное возношение для искупления. А иной, несправедный, не пригоден для возношения, потому что порча в нем...

Вот сгнуло все – ни подвала, ни старика, ни голоса его. Ветер в лицо, соленый дух в ноздри...
Море!

Чуть не заплакал я, волны с барашками белыми увидав. До смерти соскучился! А ведь, помозговать ежели, то и вправду – до смерти. Но только тут, во сне, первый сон сменившем, жив я – и не просто жив. Вроде бы как на борту шебеки стою (или не шебеки, кто во сне разберет), и латы на мне, словно на Доне Саладо, и меч в руке, и шлем железный на башку давит. Потому как я уже не Начо – пикаро-висельник, а рыцарь. Игнасио Гевара – Белый Идальго, аделантадо острова, что лежит за морем-Океаном. А впереди бой, и борт каравеллы (или не каравеллы – галеры?), и стволы кулеврин с борта этого смотрят. Даже засмеялся я во сне. Чем напугать решили? Перед этим подвалом кулеврины да аркебузы семечками кажутся!

...А галера-каравелла все ближе, и в душе азарт привычный, словно мне опять пирата алжирского на abordaj брать, да только на мачте почему-то не полумесяц, а флаг кастильский и другой еще – с королевскими вензелями. И не мавры-сарацины в меня целятся...

И тут ударило словно. Будто кто в ухо шепнул – в левое (ох, знаю я, кто в левое-то шепчет!). Не каравелла это, не галера, а сама Святая Клара, от которой смерть мне случится. И только удивиться я успел, как такая небылица присниться-привидеться может, плеснуло в глаза темное пламя, ударило болью прямехонько в сердце...

...А на сердце – платок с семью узлами. Сеньориты Инессы платок.
Тьма!

А как проснулся – от собственного крика проснулся, как веки расцепил, лбом в стенку холодную, каменную ткнулся...

Лучше б и не спал! Хоть и не довелось цыганом родиться, да такие сны и без ведовства цыганского растолковать легко!

Упал обратно на скамейку, тьму глазами пощупал, зубами скрипнул.

Врете!

Не съели Начо – и не съедят, подавятся. Как это мне сон говорил? “Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкой схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его?” Жаль, ни кольца, ни иглы нет!

Провел рукой по лбу холодному, по рубашке ладонью скользнул. Булавка – та самая, с камешками синими. Выходит, есть игла!

А там, глядишь, и кольцо сыщется!

Думал, уже ничему не удивлюсь. Усохло у меня то, чем удивляются – начисто.

А все-таки удивился.

Потому как на сей раз меня не его сиятельство встретить изволил, а сама сеньора Беатриса Мария Селестина Анна маркиза де Кордова. Только в зал меня этот впихнули, только я оглянуться успел...

– Добрый вечер, Игнасио!

Сидит ее сиятельство в кресле со спинкой высокой, точно такая, как в первый день – в платье темном, в перчатках, даже с веером.

– Д-добрый... сиятельство... ваше.

Брякнул – и глазами ее пожевал. Оклемалась, вроде, сеньора маркиза, уже не блаженненькая, морщины пропали, словно не было их, даже веер...

И тут я все понял. Не у нее веер – но с нею. У парня, что в кресле рядом восседает. Молоденький такой паренек, белокурый – вроде, как я. Вот он веер и держит. Держит – глаз с ее

сиятельства не сводит.

Заметила она, как я на веер гляжу, губы поджала, а в глазах зеленых – то ли обида, то ли сожаление даже. Покачала головой, уголками губ улыбочку изобразила. А паренек этот...

– Цирцея! Цирцея, а-ах!

– Si, Alfredo!

Почесал я затылок, даже забыв на миг, для чего меня сюда притащили. Альфредо, понятно, получше, чем Адонис. А Цирцея – что за имечко? Пострашнее Галатеи будет.

Понятно, не одни они в зале. Мавры по углам застыли, еще двое по бокам моим стали, в уши луком дышат.

Ладно...

А зал опять изменился. То, что на полу, прежним осталось, только возле круга каждого свечей поставили. Не черных – розовых. Поставили, но не зажгли пока – факелы по углам горят-потрескивают. И на стенах знаков прибавилось. А чуть в сторонке – вроде как кафедра церковная, только пониже. И зеркало – огромное такое, венецианское, как раз у самого дальнего круга, который Корона.

Возили мы с Калабрийцем эти зеркала. Ух, и мороки с ними! Во-первых, их кому попало в Венеции этой не продают, во-вторых, хрупкие, заразы!..

...Уж не из Венеции ли Альфредо ее сиятельство выписали? Вкупе с зеркалом? Хотя едва ли, не видел я там белокурых, скорее из Милана он – или из Флоренции.

Хлопнула дверь, негромко так. Скосил я глаза.

Его сиятельство! В шляпе с жемчужиной – и с книгой подмышкой. Мэлори, что ли, решил полистать? Вроде нет, та, про Артуро, потолще будет...

– Вс-се готово?

Странно так спросил, даже голос дрогнул. Никак волнуется дон Федерико?

Не знаю, кто ему ответил, да и кого спрашивал, тоже неясно, да только не до того мне стало. Потому как снова дверь открылась.

– Добрый вечер, сеньоры! И вам добрый вечер, прекрасная сеньора!

Поклонился мой Дон Саладо, достойно так, серьезно. И сам он весь собранный такой, словно в королевские покои пожаловал – или в замок, где великаны-людоеды проживают. Борода расчесана, точно как у Сида на картинках, на голове вместо шлема дурацкого – шляпа с полями короткими.

...Был Дон Саладо – стал Дон Сомбреро.

Пока моему идальго хозяева со всем вежеством отвечали, я еще раз зал этот проклятый оглядел. Мавры-то меня не напугали. Стоят, обалдуи, глаза выпучили, словно просят, чтобы я каждого под дых двинул. Двинул, кинжал у того, кто слева, выхватил, да по горлу, да к Дону Саладо...

И тут снова скрипнуло. Скрипнуло, заскрежетало, словно камнем по камню провели.

Дуэнья!

Вошла, ни на кого не взглянула. Встала – как раз перед дверью, да так, что плечами своими весь проход перекрыла. На лице – улыбочка легкая, будто бы весело ей. А глаза – пустые-пустые.

Значит, все. Хоть хватай кинжал, хоть не хватай...

А сеньор маркиз к кафедре подошел, наверх зачем-то поглядел, руку ко лбу поднес – не иначе крест сотворить решил. Но не перекрестился, опустил руку.

– Тот, Кто вс-се миры с-сотворил, да поможет нам! С-сила Букв да пребудет с-с нами!

Начнем...

Открыл он книгу черную, перелистнул страницу.

Перекреститься – рука не поднимается, “Pater noster” прочесть – язык ледышкой стал...

И тут – словно палкой по ушам ударило. Так и не понял я, чего случилось. Гром ли в подземелье грянул, его ли сиятельство первое слово прочел?

Потемнело. Горят факелы – а света нет. Вернее, есть он, но какой-то черный. А тут и свечи

загорелись – те, что на полу. Сами собой вспыхнули, и тоже – темными огоньками. И зал будто сжали, и стены кривыми сделались...

И не слышно ничего. Вроде шевелит сеньор маркиз губами, а вроде и нет. А в зале все темнее, и уже никого не видать...

Вспыхнуло!

Зажмурился, подождал, пока боль пройдет. Открыл глаза...

Багровым пламенем горели круги на полу. Холодом от того огня тянуло. Линии, что белыми были, набухли словно, желтыми сделались – и тоже огнем пошли. И не осталось даже сил, чтобы глаза прикрыть.

Сколько стоял – не помню. Замерли песчинки в ампулетах, замерзли...

– С-сеньор Кихада!

Издали голос донесся, будто его сиятельство из-за ворот голос подал.

– С-сеньор Кихада! С-соблаговолите взять с-сеньора Гевару за руку и пройти от нижнего круга, именуемого Ос-снованием, до верхнего – Короны. Идите не торопясь и при этом не откажите в любезности с-сообщать, что вы видите. В зеркало покуда не с-смотрите. И не бойтесь – С-сила Букв защитит вас с и с-спутника вашего...

У меня и так уже мурашки по коже друг за дружкой бегали, а услышал такое – и вовсе сосулькой сделался. Спаси нас, Дева Святая! Ведь Ты обещала, что всегда со мной будешь!

...А булавка на воротнике камнем сделалась – тем, из которых стены замковые укладывают...

– Пойдем, Начо!

Даже не заметил я, когда это Дон Саладо подойти успел. Подойти, за руку взять. Дивное дело – полегчало мне сразу.

– Идите!

И снова – в ушах гром. Только слабый такой, далекий.

...И багровое пламя под ногами.

А Дон Саладо мне тихо-тихо так:

– Не бойся!

Вздохнул лишь я, такое услышав. Негоже, конечно, мне, пикаро с Берега, труса праздновать...

...Пламя по пояс, по грудь уже. Холодное, ледяное.

– Скажу я вам сеньоры, что узрел я вроде как свод небесный, звезд полный. И звезды те не токмо вверху, но и всюду. И даже иду я по звездам, что, право, дивно весьма!

Не хотел я, а улыбнулся. Эх, Дон Саладо! Вчера великаны с василисками, сегодня – свод звездный. Какие там звезды! Горит все, во рту сухо...

...И холод со всех сторон. И ноги вроде как по льду скользят.

– Вижу я теперь вроде как ворота замковые, огнем горящие, но не одни. Три пути передо мною, сеньоры, и за каждым словно бы свет яркий...

Твердо говорил мой рыцарь, твердой рука его была, что ладонь мою сжимала. Не выдержал я, стал вперед всматриваться. Может, и вправду – ворота? Да где там – один огонь!

– И подхожу я к левым воротам, и вижу за ними нечто с морем сходное, и волны вижу, и чаек над волнами...

Что за притча? И вправду – словно ветром свежим подуло!

Нет, кажется только...

– Начо! Начо!

Не откликнулся я сперва, не до того было. Легко ли – перед пастью Адовой стоять? Знаю я, какие там волны с чайками!

– Начо!

– Здесь, – отозвался я без всякой охоты. – Видать, пропали мы, рыцарь! “Ave” прочесть, что ли?

Засмеялся Дон Саладо. И совсем мне худо стало от его смеха. Видать, совсем спятил, бедняга! Оглянулся – не видать ничего, даже огонь пропал. И все вокруг сгнуло словно.

– А помнишь ли ты, Начо, о чем толковали благородные рыцари: сеньор Персиант да сеньор Гарет, именовавший себя Бомейном?

Спросил, называется!

– А посему сотворим молитву Деве Пресвятой и смело вперед ступим, ибо ничто не устоит перед силой Господней и отвагой рыцарской!

Хотел я ответить, хотел Ее, Заступницу нашу помянуть. Самое время! Но – не успел. Шагнул Дон Саладо влево, меня за собой потянул...

Сгнула тьма!

Поглядел, глазам не веря:
Зал, а в зале все, как было,
Их сиятельства и мавры,
Да мальчишка бедный в кресле,
Да дуэнья у порога.
Только нет огней проклятых,
Даже свечи все погасли,
Только факелы на стенах.
Пот хотел со лба стереть я –
Не успел, рука застыла.
Понял я – не так все стало,
Только что не так – неясно,
Пламя в камень обратилось?

Люди в зале камнем стали?
Не моргнут, не шелохнутся,
Словно статуи в соборе.
В кресле замерла маркиза,
Стал столбом дон Федерико,
Книгу черную сжимая,
А у мавров, у проклятых,
Даже челюсти отвисли,
Да такими и остались.
Усмехнулся Дон Саладо,
Поглядел вокруг и молвил:
“Говорил тебе я, Начо!
Нет для рыцаря преграды,
Так пройдем между мгновений,
Как меж каплями дождя!”

Ответить я смог только за порогом. На лестнице. Узнал я ее – от дверей ее сиятельства лестница эта вела. Значит, впереди дверь потайная, а там коридор знакомый...

– Не стоит бежать, Начо! – молвил Дон Саладо, мою руку придерживая. – Ибо когда Господь наш творил время, то поистине он сотворил его достаточно.

Легко сказать! Да и не до времени мне сейчас было. Первая мысль – про дверь в коридоре. Заперта ли? Вторая – про окошко в моей комнате.

...В какой стороне двора конюшня находится, я еще в первый день заметил.

Повезло! И потайная дверь открытой оказалась, и та, что в коридор ведет...

Только когда мы у входных дверей оказались, остановился я – дух перевести.

И здесь то же! Стоят слуги, не моргают, кто с подносом, кто сам по себе. И тихо всюду – муху услышать можно. Но и мухи не летают.

– Однако же, Начо, – озабоченно молвил мой идальго, – разумно будет найти мой славный меч и щит, да и доспех тоже.

Хлопнул я себя по лбу, оглянулся. Всюду королевство сонное, как в той сказке про инфанту, что сто лет в постели дрыхла. Да только как бы принц не пожаловал! Тут и меч пригодится.

Да вот они, железяки! На стенах висят, как и положено. И мечи, и прочее всякое.

Снял я со стены первый попавшийся меч вместе с ножнами (много их там было!), кинул Дону Саладо, подобрал себе дагу по руке, ухватил шлем, что на палке резной красовался.

С доспехом попотеть пришлось. Взял я один, взвалил на плечо. Хорошо, хоть не полный, верх только.

И – ходу!

А на дворе – тьма. А на дворе – собаки всюду. Тоже каменные. Одна мордой в траву тычет, вторая на луну оскалилась.

– Не восхотел я, Начо, колдовству черному потакать, – молвил Дон Саладо, шлем на голове своей ушастой пристраивая. – А посему не пошел я в ворота отверстые, но приметил милостью Господа нашего и Девы Святой некую тропку, что влево вела, как бы заворачивая. Или не тропку даже, а вроде как света луч. И почуяло сердце мое, что на верном я пути...

Хлопнул я его по плечу, помотал головой, все еще не веря.

– И подумал я, что такой же тропой, по тому же лучу светлomu, прошел в давние годы сеньор Гарет, именовавший себя Бомейном...

Ну, рыцарь!

А в конюшню зашли – упало сердце. Вроде, и Куло мой на месте, и мешок тут же – у стены

свален, и конек рыцарский. Только каменные все. Глаза неподвижные, страшные.

Взвалил я свой мешок на плечо да не удержался – Куло, Задницу вредную, по холке потрепал.

Дрогнула шкура под рукой, потеплела. Поднял осел мой голову...

Вот даже как? Ай, славно!

Выбрал я двух красавцев гривастых, по шеям похлопал, подождал, пока ожили. И о коньке Дона Саладо не забыл – пригодится вещи возить...

– Должно ли нам делать сие? – смущенно проговорил идальго. – Ибо кони эти отнюдь не наши.

– Наши! – хмыкнул я. – Потому как – трофеи. Рыцарские!

А сам уже седло несу – самое лучше отыскал.

Только за воротами, когда свежий ветер подул и деревья листьями зашумели, понял я, что не сон это. Ущипнул себя за руку...

Ой!

– Хоть и много я видел дивного, Начо, – молвил между тем славный рыцарь Дон Саладо, бороду-мочалку свою поглаживая, – однако же не решусь, пожалуй, никому рассказывать о случае этом, потому как даже мне он весьма престранным кажется. Не ведаю даже, можно ли считать сделанное нами подвигом...

Ничего я не ответил,

Оглянулся – топот сзади.

Не иначе, принц явился,

И проснулся дом проклятый.

Только вижу – уши дыбом,

Мчит за нами мерзкий Куло,
Догоняет, шумно дышит,
Укоризненно косится,
Что, мол, бросили, не взяли.
Наклонился из седла я,
Потрепал его по холке
И простил в душе беднягу
За ослиный его норов
И за то, что познакомил
Нас он с рыцарем моим.